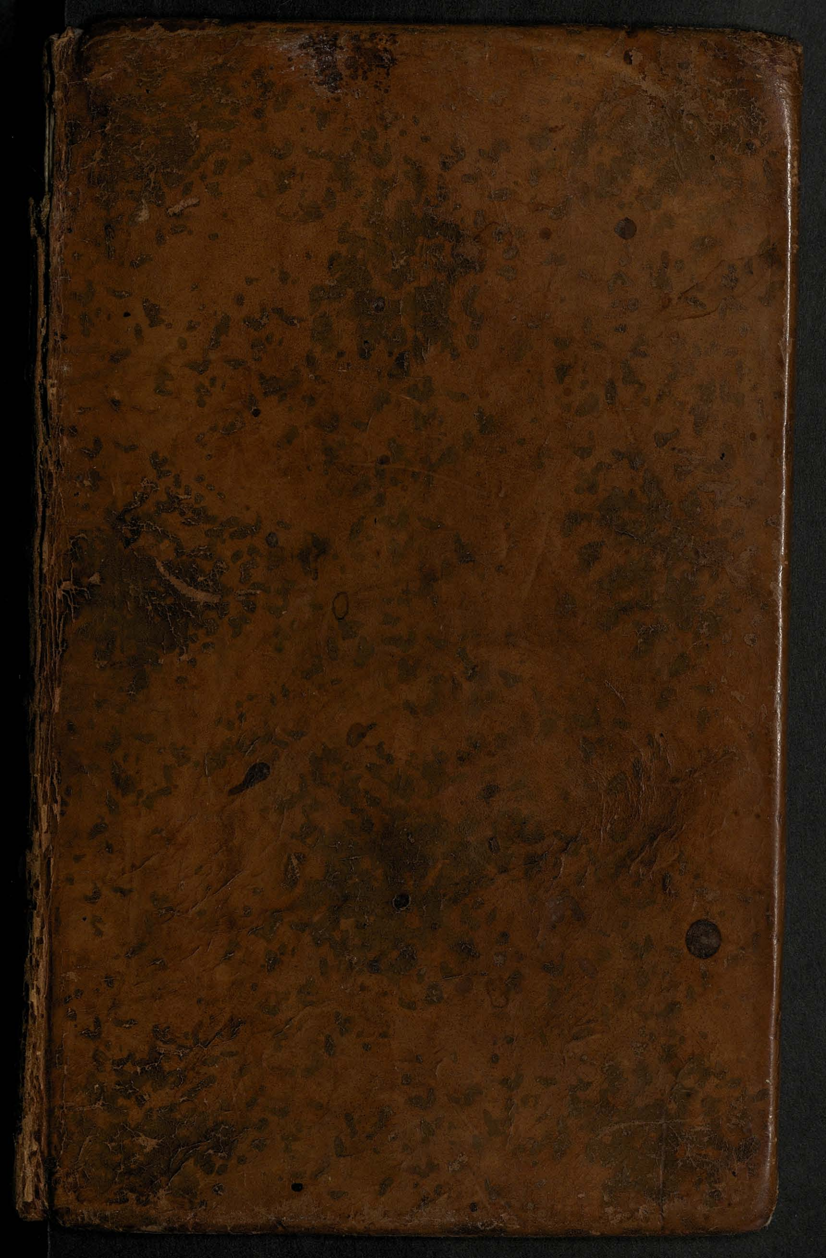

6
479

АВЕЛЕВА СМЕРТЬ

ПОЕМА

ВЪ 5 ПѢСНЯХЪ

СОЧИНЕНІЕ

Г. ГЕСНЕРА.

ВЪ МОСКВѢ

ВЪ Университетской типографіи у Н. Новикова, 1780 года.

АВЕЛЕВА СМЕРТЬ

ПОЕМА

ПѢСНЬ I.

Превосходною пѣснію намѣряюсь возгласить приключенія первосозданныхъ человѣковъ, по ихъ печальномъ грѣхопаденіи, и прославить того, который возвратилъ первый землѣ свой прахъ, будучи погубленъ яростію своего брата. Спокойся отъ нынѣ сладостная свирѣль, на коей воспѣвалъ я доселѣ любезную простоту и сельскіе нравы. Прииди ко мнѣ на помощь благородное восхищеніе, наполняющее душу Витіи, размышляющаго въ тихомъ уединеніи, во время нощи при блѣдномъ сіяніи луны; или во мрачной рощѣ, или при осѣненномъ кустарниками источникѣ. Коль скоро

священный восторгъ овладѣетъ онаго душею, тогда распаленное его воображенiе воспаряетъ быстро и протекая дерзновенным полетомъ вся созданная, проникаетъ повсюду, собирая чудесное и велелѣпное. Обремененное богатыми корыстями возвращается оно вспять, и представляетъ ихъ на устроенiе разуму. О какъ пролетаютъ скоро въ семъ восхитительномъ трудѣ златые и во благо употребляемые часы! Коль достоинъ таковый трудъ упражненiя и почитанiя благородныхъ душъ! Достойно есть бодрствовать при ономъ до самаго восхожденiя денницы, дабы стяжать почитанiе и любовь тѣхъ, которыхъ просвѣщенный вкусъ умѣетъ оцѣнять каждую красоту, и дабы возбудить чувствованiя добродѣтели въ сердцахъ ощутительныхъ! Достодолжно чтитъ потомство пригробный сосудъ, окруженный состарѣвшимся плющемъ, такого Витiи, который посвятилъ себя Музамъ, что бы научати мiръ непорочности и добродѣтели. Слава его пребываетъ еще, еще неизмѣненна, когда всеоружiя завоевателя гніютъ во прахѣ, и когда пышная гробница безславнаго владѣтеля можетъ быть по средѣ пустыни, между купинами

нами тернія лежитЪ разметана, сЂро-желтымЪ покровенна мохомЪ, на коей иногда заблуждшійся токмо путникЪ отдыхаетЪ. Хотя не многимЪ дарована природа успЂть вЪ толь великомЪ дЂлЂ; но и усиліе ихЪ подражать тому уже похвально есть. Да посвятится сему уединенное мое гуляніе, и все время моихЪ досуговЪ.

Спокойные часы выводили румяное утро, и низливали росу на осЂненную землю; солнце, испущая первые свои лучи позади черныхЪ кедровЪ, обременявшихЪ гору, украшало блестящею багряностію облака, плававшіе вЪ зыблющемся и расвЂтавшемЪ воздухЂ. Тогда *Апель* и возлюбленная его *Ѳирсія*, пошли изЪ кущи своея во ближнюю сЂнь, благоухающую ясминами и розами. НЂжная любовь и чистая добродЂтель распростирали сладостное веселіе на голубыхЪ *Ѳирсіиныхъ* очахЪ, и поразительныя прелести на румяныхЪ ея ланитахЪ; волны бЂлокурыхЪ власЪ низтекая по нЂжной ея груди и раменамЪ, развЂвалися по стройному ея стану. Такова была сестра и супруга *Апелепа*. Русые кудри осЂняли высокое юношеское чело, віяся по раменамЪ его; размышляющій

видъ примѣшивался прелестно къ ясности его взоровъ. Шествовалъ онъ съ сею свободною прiятностiю, каковую имѣетъ Ангелъ, когда облекается тѣнистымъ тѣломъ, дабы учинити себя видима смертнымъ; когда нѣкоему отшельнику, молящемуся во уединенiи, является онъ со благовѣстiемъ отъ Господа; и хотя прикрываетъ его прекраснѣйшее тѣло, образомъ человѣческое, но изъ самыя онаго красоты блистаетъ Ангелъ. *Ѳирсiя* воззрѣвъ на него съ нѣжною улыбкою, рекла ему: возлюбленный мой! теперь какъ возбуждаются птицы на утреннюю пѣснь, воспой и ты мнѣ то новое пѣснопѣнiе, которое вчера содѣлалъ на паствахъ. Что есть прiятнѣйшее, какъ славословити Господа пѣсньми? О какъ сардце мое кипитъ исполняяся святаго восхищенiя, когда ты воспѣваешь, когда во приличныхъ рѣченiяхъ изъясняешь тѣ чувствованiя, которыя ощущаю и я, но не могу ихъ изъяснить! *Апель* отвѣтствовалъ ей, лобзая ее: все, чего отъ меня ни требуютъ сладчайшiя твои уста, о моя *Ѳирсiя*! все для тебя исполню. Коль скоро познаю какое желанiе во твоихъ очахъ, тотчасъ поспѣшаю удовлетво-

рить

рить его; садемъ на семъ нѣжномъ мхѣ, и я воспою пѣснопѣніе. Сѣли они единъ возлѣ другаго во благоуханной сѣни, коея входъ утреннее солнце озлащало, и *Авель* тако началъ свое пѣснопѣніе:

Удалися, о сонъ, отъ очей каждаго, удалитеся обманчивыя сновидѣнія! разумъ паки является и озаряетъ душу, яко утреннее солнце озаряетъ землю. Славословимъ тебя, любезное солнце, восходящее позади сихъ кедровъ! ты проливаешь цвѣты и прелести на всю природу, и всякое благолѣпіе, аки омладѣвъ, радуется предъ нами. Удалися; о сонъ, отъ очей каждаго, удалитеся, обманчивыя сновидѣнія, къ ночнымъ тѣнямъ! Гдѣ же сіи ночныя тѣни? Во внутренности лѣсовъ и въ вертепахъ горъ пребываютъ онѣ, и ожидаютъ насъ тамо, или въ густыхъ сѣнѣхъ, со оживотворяющею прохладностію въ жаркій полдень. Тамо, гдѣ утро разбудило ранѣе всѣхъ орла, тамо, отъ блистающихъ челъ камней и отъ свѣтозарныхъ вершинъ горъ, какія испаренія подъемлются въ ясный утренній воздухъ, яко дымъ всесозженій подъемлется отъ жертвенника? Се природа торжествуетъ пришествіе дня, и приноситъ

носитъ Зиждителю благодарственную жертву. Всякая тварь да хвалитъ Его, Его производящаго и сохраняющаго вся. Въ похвалу бо Онаго прозябающіе цвѣтки испущаютъ первыя свои благоуханія; для Его лики разныхъ птицъ воспѣваютъ на высотѣ воздушной, или на древесныхъ вершинахъ, при зракѣ восходящаго солнца; Ему въ честь исходитъ левъ изъ своего вертепа, и оглашаетъ степи ужасными своими рыканіями. Хвали о душа моя, Бога Создателя и Сохранителя! да человѣческое пѣснопѣніе восходитъ къ Тебѣ, Господи, первѣе всѣхъ! да хвалитъ Тебя человѣкъ и тогда, когда прочія твари покоятся во своихъ норахъ, когда ни единая еще пѣснь не исходитъ отъ вершинъ и кустовъ древесныхъ! Возгласися громко уединенное мое пѣніе въ тихомъ сумракѣ, да возбудятся тобою всѣ окрестныя твари на похвалу Зиждителя! Велелѣпно, велелѣпно есть Твое созданіе, въ которомъ изъявляешь Ты намъ недостойнымъ премудрость Свою и благостыню! Каждая моя мысль почерпаетъ восхищеніе въ семъ безконечномъ морѣ красотъ, и проливаетъ ихъ во изумленную мою душу. Како можетъ она косноязычествовать Тебѣ по-

хвалы

хвалы? Что Тебя преклонило, о Всесильный! развѣ безконечная Твоя благость? изыти изъ священнаго молчанія, окружающаго вѣчный Твой престолъ, призвать бытіи изъ небытія, и исторгнуть изъ нощи сію безмѣрную вселенну? О ты росоносное утро, когда по закатѣ своемъ возвращается паки солнце, и прогоняетъ нощь; когда въ сей часъ природа въ омладѣвшей блистаетъ красотѣ, и всякую спящую тварь возбуждаетъ на похвалу себѣ, не живый ли ты образъ созданія, не живый ли образъ сего утра, когда созидающій Господь носился поверхъ раждающіяся земли? Пространное молчаніе царствовало на необитаемой землѣ, егда рекъ зиждущій Гласъ; вдругъ восшумѣло стадо, неисчетными различествующее видами и красотами, паря по воздуху на крилахъ многоцвѣтныхъ, и забавлялася на злачныхъ лугахъ, въ кустарникахъ, и на тѣнистыхъ вершинахъ; пронзающая его пѣснь возгласила сквозь удивленные лѣса и шумящій воздухъ похвалы своему Творцу. Когда паки носясь поверхъ земли воззвалъ на оную звѣрей, произшедшихъ отъ гласа Его: рекъ онъ еще, и явилися глыбы преображаяся въ x нечестные виды; одушевленная земля на-

 чала?

x въ подлинникѣ сему слову соотвѣтствуетъ: по изволѣнію... знатль [illegible] инзак видо; слѣдовательно...

чала скакати по зеленому лугу въ видѣ быстраго коня, ржущаго и потрясающаго гривою; сильный левъ исторгаяся изъ небытія, будучи половиною еще персть и половиною животное, испустилъ первыя свои рыканія; тамъ далѣе зыблется холмъ, и се движется онъ самъ собою ставъ слономъ; тако безчисленные гласы подъялися вдругъ ко Зиждителю. Подобно сему, великій Боже, подъемлешь ты каждое утро тварей своихъ отъ слабаго сна; онѣ возбуждаются, и зря себя окруженныхъ сокровищами Твоея благости, прославляютъ Тебя несчетными устами. Будетъ время, провижу святое сіе сбытіе! когда человѣческій родъ распространится по всей землѣ: и тогда, тогда на всякомъ холмѣ воздвигнутся Тебѣ священные жертвенники; и когда утреннее солнце возбудитъ племена, хвалы и благодаренія Тебѣ раздадутся во всѣхъ краяхъ міра отъ Востока до Запада.

Тако воспѣвалъ *Авель*, сѣдя возлѣ своея искренния. Восхищенная благоговѣйнымъ восторгомъ, казалася она еще внимавшею, когда уже онъ кончилъ. Тогда объявъ бѣлыми своими руками его выю, созерцала его нѣжно, вѣщая къ нему

ному тако: о мой возлюбленный! колико твои пѣнія возвышаютъ мою душу ко Господу! О мой искренній! не токмо нѣжныя твои попеченія подкрѣпляютъ слабѣйшее мое тѣло, но и самая моя душа воспаряетъ подъ твоимъ управленіемъ. Когда заблуждается она отъ своея стези, когда окрестъ себя единую зритъ мрачность, и какъ впадаетъ во святое изступленіе; тогда ты подкрѣпляешь ее, отдаляешь облака, и претворяешь ея тихое удивленіе въ самое высочайшее размышленіе. Ахъ! коль часто благодарю съ радостными слезами Превѣчную Благость, что создала Она тебя для меня, и меня для тебя, во сходственность всего того, что мыслить можетъ душа и желать сердце.

Вѣщающей ей тако, нѣжная и чистая любовь проливала неизреченныя прелести въ каждое слово и въ каждое ея рукодвиженіе. *Авель* не отвѣтствовалъ ей: но пламенные взоры и нѣжныя его объятія, изъясняли ей лучше всѣхъ словъ чувствованія его души.

Увы! тако блаженъ былъ человѣкъ, когда еще былъ доволенъ нуждным, и ни чего не требовалъ отъ земли кромѣ плодовъ, которые подавала она ему

щедро;

щедро; когда умолялъ Небо о добродѣтели токмо и о здравіи; когда его алчность не умножила еще ненасытныхъ его желаній, вымыслившихъ ему несчетныя нужды, и погребшихъ его благоденствіе подъ блистательными мученіями. Что имъ потребно было тогда, дабы соединиться счастливѣйшими узами, кромѣ любви, добродѣтели и прелестей? Вмѣсто того нынѣ. (злосчастіе, увы! по часту случающееся!) добродѣтельные любовники, коихъ сотворило Небо единаго для другаго, изнуряются сѣтованіемъ, не уповая во вѣкъ соединиться, или по тому, что скудость угрожаетъ ихъ днямъ гладомъ и бѣдностію, или что гордость и ложное честолюбіе родителей препинаетъ мучительски ихъ любови.

Сѣдящимъ имъ еще, *Адамъ* и *Ева* подошли къ сѣни. Предъ оною внимая *Апелепо* пѣснопѣніе, и *Фирсіины* разговоры, вошли они къ нимъ и съ горячностію облобызали своихъ чадъ; благоденствіе и добродѣтель ихъ разпростерли на родительскихъ ланитахъ прообразованія живѣйшія радости. *Мегала*, супруга *Каинова*; вошла также за ними въ сѣнь; печаль, причиняемая ей строптивымъ и вспыльчивымъ нравомъ ея супру-

га,

та, напечатлѣла на челѣ ея видъ постоянный; пріятная томность изображалася въ черныхъ ея очахъ, и блѣдность покрывала ея ланиты, на коихъ вьяли темные кудри. Когда *Өирсія* обымала своего супруга, изъясняя ему свою радость, что сотворенна есть для него; *Мегала́* плакала стоя предъ сѣнію въ то время, но отеревъ слезы со своихъ ланитъ, вошла она въ сѣнь со прелестною улыбкою, и поздравила съ нѣжнымъ сердолюбіемъ брата своего и сестру. Въ сей самый часъ *Каинъ* проходилъ мимо сѣни: онъ также слышалъ *Авелеву* пѣснь, и видѣлъ, съ какою нѣжностію общій ихъ оте́цъ лобызалъ онаго. Яростные взоры возвелъ онъ на сѣнь, и рекъ: какъ они лобзаютъ его, что воспѣлъ имъ невѣдомо какую то пѣснь! Благо ему вымышлять пѣсни, и воспѣвати ихъ, дабы отогнать отъ себя сонъ, когда пребываетъ празденъ, сѣдя подъ тѣнію возлѣ своего стада. Но мнѣ, жегомому солнечнымъ зноемъ не остается, въ жестокихъ моихъ трудахъ, ни времени, ни охоты къ воспѣванію. По претерпѣніи тягостей во весь день, утружденные мои члены требуютъ успокоенія, и на

утріе

утріе паки работа ожидаетъ меня на нивѣ. Но сей изнѣженный и лѣнивый юноша, который бы умеръ, если бы единъ день понесъ мои труды, непрестанно орошается слезами ихъ; они жизнь свою проводятъ въ лобызаніи его. Я ненавижу женоподобныхъ сихъ горячностей; но. . . только я ими не отягощаюся, хотя и удобряю неблагодарную землю во время всего дневнаго жара. . . Какъ изливаются радостныя ихъ слезы!

Сказавъ сіе, продолжалъ онъ шествовать на ниву. Слова его услышаны въ сѣни; *Мегала*, ставъ еще блѣднѣе, упала подлѣ *Өирсіи*, плача горестно, и *Ева*, опершаяся изнеможенно о своего супруга, сѣтовала также о жестокосердіи своего первенца. Тогда рекъ къ нимъ *Авель*: О возлюбленные мои! я пойду на поле къ моему брату; обыму его дружелюбно; изреку ему все то, что можетъ внушить братская любовь; и не выпущу его изъ моихъ объятій до тѣхъ поръ, доколѣ не обѣщаетъ отрещися отъ всякія суровости, доколѣ не обѣщаетъ меня любить. Ахъ! я изъвѣдывалъ глубину моея души, испытывалъ внутренность моего сердца, дабы у-

узнать, какимъ средствомъ могу снискать любовь моего брата; я успѣвалъ иногда, и пролагалъ себѣ пусть къ его сердцу; возжигалъ въ ономъ угасшую его любовь: но, увы! печаль и неудовольствіе паки возвращали угрюмость на его чело, и утушали священный сей пламень.

Прискорбный отецъ отвѣщалъ ему: я самъ, любезный мой сынъ, я самъ пойду къ нему на ниву. Изреку ему все то, что моя отеческая любовь, что мой разумъ внушить мнѣ могутъ. *Каинъ*! *Каинъ*! какими горестными сокрушеніями наполняешь ты мою душу! Не уже ли страсти могутъ произвесть въ душѣ грѣшника толь ужасное волненіе, и исторгнуть изъ оныя все чувствованіе благости и добродѣтели! О горе мнѣ бѣдному! какія печельныя предчувствія сопровождаютъ мои взоры, простираемые мною на будущихъ моихъ внучатъ? О грѣхъ, истребитель непорочности! коль пагубное разстроеніе причиняешь ты въ душѣ смертныхъ! Тако вѣщалъ *Адамъ*, и пошелъ изъ сѣни въ печальной задумчивости на поле ко своему первенцу. *Каинъ* усмотря его идуща къ себѣ, оставилъ

свою

свою работу, и рекЪ ему: какой постоянный видЪ являетЪ мнѣ лице твое, отче мой! не сЪ таковымЪ суровымЪ челомЪ обымалЪ ты моего брата, уже я усматриваю себѣ упреки во твоихЪ очахЪ.

Ты ихЪ усматриваешь вЪ моихЪ очахЪ! сказалЪ *АдамЪ*, по учиненіи ему отеческаго поздравленія. ТакЪ ты вѣдаешь уже, *КаинЪ*, что ты ихЪ достоинЪ? ТакЪ, ты достоинЪ упрековЪ! печаль, горчайшая печаль, коею напаяешь ты душу своего отца, привела меня кЪ тебѣ.

А не любовь, пресѣкЪ *КаинЪ*; сіе чувствованіе собрегается для единаго *Апеля*?

И любовь также, *КаинЪ*, отвѣщалЪ ему *АдамЪ*; Небо мнѣ вЪ томЪ свидѣтель! Сіи слезы, сіи болѣзнованія, сіи сокрушающія меня заботы и сокрушающія также и ту, которая породила тебя сЪ болѣзнію, не суть ли дѣйствія жарчайшія кЪ тебѣ любви, помрачающія наши дни сѣтованіемЪ, и понуждающія насЪ препровождать нощи вЪ неумолкномЪ стенаніи? О *КаинЪ*! *КаинЪ*! если бы ты насЪ любилЪ, первѣйшее бы твое попеченіе было отирать на-

наши слезы, и отдалити мрачный ужасъ, покрывающій наши дни грозными тучами. Ахъ! ежели сохраняешь ты еще во своемъ сердцѣ благоговѣніе ко Всевышнему, видящему всю твою внутренность, если малѣйшая искра сыновнія любви горитъ еще во твоемъ сердцѣ, то заклинаю тебя симъ благоговѣніемъ, сею любовію, возврати намъ наше спокойствіе, возврати намъ угасшую нашу радость! Не питай въ себѣ долѣе сея строптивости, сея закоренѣлыя ненависти къ такому брату, который тебя любитъ, и который прилагаетъ всѣ усилія, дабы исторгнуть изъ твоея души сей заражающій ее тернъ. О *Каинъ*! вотъ что тебя прогнѣвляетъ, вотъ что производитъ въ душѣ твоей яростную бурю: радостныя слезы, которыя исторгаетъ изъ насъ чистое его благоговѣніе, и сіи сладостныя восхищенія, кои вдыхаетъ въ васъ безпорочная его добродѣтель. Окружающіе насъ Ангелы одобряютъ радостно всякое наше доброе дѣяніе; и самъ Всесильный взираетъ на оное со щедрымъ благоволеніемъ съ высоты своего престола. Не уже ли ты хощешь премѣнить природу въ томъ, что въ ней прекрасно есть и изящно? Не въ нашей состоитъ

сіе власти; но когдабъ оно и во власти нашей было, *Каинъ*, не печальноель будетъ сіе имущество, чтобъ сопротивляться сей благородной радости, симъ сладостнымъ напечатлѣніямъ, которыя нашу душу приводятъ въ восхищеніе! Яростный громъ, страшная грозою полнощь не производятъ на ланитахъ пріятнаго осклабленія; смущеніе души, и волненіе необузданныхъ страстей, не производятъ радости въ сердцѣ.

Каинъ отвѣчалъ: такъ вѣчно буду я преслѣдованъ сими досадными упреками? Если пріятная улыбка не всегда изображается ни моихъ устахъ, ежели слезы нѣжности не всегда текутъ по моимъ ланитамъ, такъ не ужели можно за сіе обвинять мужескую мою постоянность гнусными пороками? Родясь мужественнѣйшаго свойства, всегда я избиралъ отважнѣйшія предпріятія и тягостнѣйшіе труды; и не могу повелѣть постоянному напечатлѣнію моего чела превратиться во слезы нѣжности и пріятныя улыбки. Можетъ ли орелъ стенать яко нѣжная голубица?

Адамъ отвѣтствовалъ ему съ величественною твердостію: ты самъ себя обманываешь; ты сокрываешь отъ себя

пи-

попечительно свое жестокосердіе, которое надлежало бы тебѣ побѣждать. О *Каинъ*, не твердая постоянность напечатлѣнна есть на челѣ твоемъ, но печаль и неудовольствіе, изъявляющіяся во всѣхъ твоихъ поступкахъ; сіи страсти преобратили окрестъ тебя все въ печальную темноту. Чтобъ иное понуждало тебя роптати внутренно во время твоихъ трудовъ, и поступать толь недружелюбно противу всѣхъ насъ? Чѣмъ можемъ мы удовлетворить тебѣ? Вѣщай, мы все содѣлаемъ. Ахъ! если бы мы могли сотворити дни твои толикожъ ясны, ако прекрасное весеннее утро, наижарчайшія наши желанія были бы уже исполнены. Но чего жаждетъ, *Каинъ*, лютое твое безпокойствіе? Не отверсты ли предъ тобою всѣ источники благоденствія? Не предлагаетъ ли тебѣ природа всѣ свои красоты? Все то, что прекрасно, полезно, пріятно; все то, что можетъ произвести въ нашу выгодность природа, умъ и добродѣтель, не предложенноль есть и тебѣ яко и намъ? Но ты не радишь о всѣхъ сихъ благахъ, не хочешь ими наслаждаться, послѣ сего жалуешся на бѣдность! Или ты не доволенъ симъ участкомъ благополучія,

 ка-

каковое Божественное Благоутробіе соблаговолило оставить низпадшему человѣку? Не ужель завидуешь ты участи Ангеловъ? Вѣдай, что и Ангелы были недовольны, они восхотѣли быть Богами, и потеряли небо. Или ты ропщешь противу Зиждителева суда, управляющаго съ безконечною премудростію судьбою грѣшника? Какъ! въ то время, когда всеобщее собраніе сотворенныхъ существъ хвалитъ своего Создателя, смертный, извлеченный изъ тини, червь, дерзаетъ подымати главу изъ праха, и роптать противу Того, Котораго безконечная премудрость управляетъ небеса, предъ очами Коего весь лавиринѳъ нашея судьбины есть отверстъ; Который вѣдаетъ то, что есть что будетъ, и какъ зло, свойственное земнороднымъ, долженствуетъ произращати благо? О сынъ мой, укроти свое жестокосердіе; любезный сынъ мой! да неудовольствіе и печаль не смущаютъ болѣе твоихъ мыслей, не помрачаютъ болѣе твоихъ взоровъ, и да оставятъ тебя взирати окомъ яснымъ на всѣ непорочныя забавы, приуготовляемыя тебѣ природою.

Чтожъ мнѣ чинити съ сими увѣщаніями? рекъ *Каинъ* отвративъ наморшен-

щенное чело. Вѣдаю, что еслибъ я возмогъ быть радостенъ, все бы окрестъ меня содѣлалося весело, яко прекрасное утро! но могу ли повелѣть бурѣ не быть яростною, и стремительному потоку сотвориться тихимъ? Я родился отъ жены, и отъ зачатія моего осужденъ на несчастіе; Господь излилъ на меня величайшую чашу своего проклятія; источники забавъ и благоденствія, въ которыхъ вы почерпаете, не для меня ліются.

Тогда слезы потопили отеческое лице. Увы! сынъ мой, рекъ *Адамъ*: такъ . . . такъ конечно! Божественное проклятіе поразило всѣхъ раждающихся отъ жены. Но, возлюбленный мой, не уже ли Господь излилъ вящшее проклятіе на рожденіе моего первенца, нежели колико излилъ на насъ, когда мы согрѣшили? Нѣтъ, Онъ не учинилъ сего, сей Богъ безконечно благій. Нѣтъ, *Каинъ* ты не для бѣдствія родился; Господь не призываетъ ни единыя твари изъ небытія, дабы она была несчастна. Хотя и можетъ человѣкъ преступленіемъ своимъ содѣлаться несчастенъ, и вмѣсто наслажденія сотворить себѣ изъ жизни казнь. Когда его разумъ побѣдится нападеніями наглыхъ страстей, нечистыхъ

и непомѣрныхъ вожделѣній; тогда сотворится онъ бѣденъ, и все то, что было благо по своей природѣ, обращается ему въ ядъ. Ты не можешъ повелѣть бурѣ не быть яростною, и стремительному потоку сотвориться тихимъ: но ты можешь освободить свой разумъ отъ помрачающихъ его облаковъ, дабы озарялъ онъ твою душу; тогда станетъ онъ управлять повелительно ея страстьми, умѣритъ вожделѣнія; снидетъ разсмотрѣти глубину твоея души; всѣ твои чувствованія, положенныя въ сіе горнило, будутъ очищенны; суетныя хотѣнія и нечистыя пожеланія исчезнутъ, яко утренніе туманы исчезаютъ предъ солнцемъ. Я видалъ прежде сего, *Каинъ*, видалъ радостныя слезы на твоихъ ланитахъ; радость изливалася по всей твоей душѣ, когда твой разумъ находилъ твои дѣянія добродѣтельными. Вѣщай теперь самъ, *Каинъ*, не былъ ли ты тогда счастливъ? Не былаль душа твоя тогда яко чистая лазурь безоблачныхъ небесъ? Призови къ себѣ паки сей лучь Божества, сей здравый разумъ; тогда дрбродѣтель, неразлучная его спутница, возвратитъ радость душѣ твоей, возвратитъ ей паки бладенствіе. О мой любезный сынъ, вонми

ми увѣщаніямъ моимъ! Первая вещь, повелѣваямая тебѣ твоимъ разумомъ возстановленымъ паки во свои права, есть сіе, да пойдешь со мною и обымешь своего брата. О какъ радость его изольется во слезахъ! Съ какою нѣжностію прижметъ онъ тебя ко своимъ персямъ!

Я обыму его, отче мой! рекъ *Каинъ*, когда возвращуся съ нивы: но теперь призываетъ меня трудъ. Я обыму его: но. . . во всю жизнь моя душа, родясь твердою и мужественною, не пріобыкнетъ къ сей женоподобной нѣгѣ, сотворяющей его толь любезна вамъ, и исторгающей изъ васъ толико радостныхъ слезъ, къ сей нѣгѣ, привлекшей на всѣхъ насъ проклятіе, когда въ Раю допустилъ ты себя преклонить легковѣрно нѣсколькими слезами. . . Но что я рекъ, злосчастный! Не уже ли упреки исторгаются изъ устъ моихъ? Нѣтъ, отче мой! я чту тебя, о родитель мой! и умолкаю. Тако вѣщалъ *Каинъ*, и возвратился на своé дѣло.

Адамъ остался неподвиженъ, плача горестно, и подъемля руки къ небу. Ахъ, *Каинъ*! *Каинъ*! возопилъ онъ отходящему, и ты сотворяешъ мнѣ упреки? Ахъ! я достоинъ ихъ; но не долж-

женствовалъ ли ты пощадить отъ нихъ своего отца, и воспретить себѣ сіе оскорбительное порицаніе, поразившее мою душу яко громомъ? О горе мнѣ! Тако, о страшное и ненавистное предчувствіе! тако дальнѣшіе мои внучата, когда увязнутъ во грѣховной тинѣ, и какъ наказаніе, неразлучное отъ беззаконія, восчувствуется ими во всей своей жестокости, встанутъ на прахъ мой, и проклянутъ перваго грѣшника! Тако вѣщалъ *Адамъ*, и отшелъ, прискорбенъ, лице приклонивъ къ землѣ; и только иногда возводилъ очи къ небу, стеня тяжко, и держа руки свои соединенны надъ главою.

Каинъ, *смотря* во слѣдъ его, возмутился сердцемъ, и возопилъ: Какъ печально подъемлетъ онъ руки свои къ небу! Какъ сокрушается, стенаетъ! ... Я содѣлалъ упреки, лютые упреки, сему благотворному отцу! ... Куда увлекаетъ меня слѣпое мое бѣшенство! Адъ раздираетъ мои внутренности! О горе мнѣ! Я, я вселяю въ ихъ душу безпрестанный ужасъ и безпокойствіе; отправляю, разрушаю всѣ ихъ утѣхи. Не достоинъ я жити между человѣками; надлежитъ мнѣ обитать между дикими

кими чудовицами, оказующими звѣрски ярость свою въ пустынях. Се уже далеко онъ отъ меня, а я еще слышу его стенаніе; какъ онъ колеблется, удручаемый горестію! . . . Не побѣгу ли я за нимъ? Не потекуль объять его колѣна, и испросить у него прощеніе ради всего того, что есть наисвященнѣйшее? Такъ. . . . Я вижу ясно сіе, что несчастіе мое не отъ внѣ происходитъ; въ собственномъ моемъ сердцѣ, слабо и худо брегомомъ, возстаютъ сіи мрачныя бури, разрушавшія всѣ мои и ихъ утѣхи. Возвратися ко мнѣ, о разумъ! о добродѣтель! Торжествуйте надъ помрачающими васъ пылкими страстьми, и угасите адъ терзающій мою душу. . . . Се родитель мой остановился тамо, аки безчувственъ, и подъявъ руки къ небу, является призывающимъ оное. . . . Бѣгу повергнуться къ ногамъ его; о я пребѣдный!

И не медля бѣжитъ **Каинъ** ко своему отцу, который, оперщися въ изнеможеніи о пень, размышлялъ печально и плакалъ, потупивъ очи въ землю. Вся сыновняя душа восколебалася отъ сего зрѣлища; повергся онъ предъ нимъ на прахъ, объялъ его колѣна; слезный по-

токъ пролился изъ очей его; и возведя робкіе взоры на *Адама*, возопилъ къ нему: Прости меня, отче мой!.. и уже нѣсмь достоинъ именовать тебя отцемъ; достоинъ токмо, да отвращаешся отъ меня съ омерзѣніемъ. Но виждь слезы моего раскаянія; зри мои терзанія, и прости меня. О я несчастный! не хотѣлъ я внимать твоимъ увѣщаніямъ; но когда ты, о родитель мой! возвращался плача, подъявъ руки къ небу, тогда трепетаніе объяло мою душу, и просвѣтило ее мгновенною стрѣлою; и я пришелъ теперь... пришелъ рыдати предъ тобою. Виждь всю мою гнусность; но виждь также и сокрушеніе мое; преуниженно испрашиваю я прощенія у Бога, у тебя, отче мой, у моего брата, и у всѣхъ оскорбленныхъ мною.

Возстань, *Каинъ*! возстань, сынъ мой! да обыму тебя, рекъ отецъ воздыхая; и прижалъ его сердолюбно ко своимъ персямъ. Живущій на небесахъ со щедрымъ благоволеніемъ взираетъ на проливаемыя тобою слезы. Сынъ мой, обыми меня!... О какъ печаль моя претворилася быстро во радость! Часъ торжественный, часъ на всегда благословенный, въ который сынъ мой, пере-

ве-

венецЪ мой, возвращаетЪ намЪ мирЪ, спокойствіе и сладкую радость; вЪ который; обЪемлетЪ меня со слезами умиленія! Обыми еще меня; поддержи меня сыне мой; вся плоть моя трепещетЪ отЪ радости. Но не станемЪ медлить: пойдемЪ ко твоему брату, да и онЪ обыметЪ тебя,

И только лишЪ потекли они искати брата на паствахЪ, какЪ *Апель* сЪ матерію своею, последуемЪ *Мегалою* и *Ѳирсігію*, вышелЪ изЪ леска. Тайно следовали они за *Адамомъ*, дабы сокрывшися вЪ кустЪ, внимати разговорЪ его сЪ *Каиномъ*. *Апель* летитЪ сЪ распростертыми руками ко своему брату; обЪемлетЪ его, прижимаетЪ ко своей груди, плачетЪ, и не можетЪ изЪяснить своихЪ восхищеній. О братЪ мой! искренній мой! вопіетЪ ему прерывающимся гласомЪ: и ты любишь меня также; АхЪ, скажи. . . скажи мне самЪ. . . да изЪ собственныхЪ твоихЪ устЪ сіе услышу! Ты любишь меня. . . . о неизреченная радость!

Да, мой братЪ, люблю тебя! тако рекЪ *Каинъ*, и обЪялЪ его. Можешь ли ты. . . ахЪ! можете ли вы все позабыть мои оскорбленія, простить мне,

что

что толь долгое время прогонялъ отъ васъ спокойствіе, и изливалъ на ваши дни сѣтованіе и горесть? Душа моя аки молнія исторглася изъ сея мрачности, и разогнала яростную сію бурю: сей проклятый тернъ, подавлявшій въ сердцѣ моемъ сѣмя блага, попранъ уже моими ногами, и не возстанетъ далѣе никогда. Прости меня, мой братъ брегися возводити взоръ на пагубную мрачность прошедшаго.

Авель пресѣкъ съ жаромъ, объемля его съ новымъ восхищеніемъ нѣжности: Нѣтъ, никогда: ни ты также, возлюбленный мой! Какъ, мы ли не позабудемъ когда печали легкаго утренняго сна, когда возбуждаемся вкущать подлинное благоденствіе, и когда окружаютъ насъ источники утѣхъ! Ахъ, *Каинъ*! почто не могу я изъяснить тебѣ моея радости, половины моихъ восхищеній! Я теряю гласъ, и только плачу; прижимаю тебя къ моимъ персямъ, и плачу еще.

Обымающимся братіямъ тамо, восхищенная *Ева* проливала радостныя слезы, и возопила по семъ: О чада мои, о возлюбленные мои! съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ услышала я въ первой разъ сла-

сладостное имя матери изъ устъ моего первенца, никогда еще не чувствовала я вящшія сей радости! Мрачныя и претяжкія горы низпали вдругъ съ моея главы, и вмѣсто ихъ окружили меня радость и удовольствіе. Всѣ часы отъ нынѣ будутъ для меня веселы и пріятны! Миръ и согласіе суть посредѣ покаявшихся во утробѣ моей, сосавшихъ сосцы мои! Такъ, се уподобляюся я плодоносной лозѣ, обремененной сладкимъ гроздіемъ: мимоидущій благословляетъ ее, что произноситъ толь сладкіе плоды. Обымитеся еще, о чада, обымитеся! и меня обымите, да лобзаю каждую слезу, каждую сію драгоцѣнную слезу, что братская любовь пролила на ланиты ваши.

Рекла она, и облобызала своихъ сыновъ, будучи исполнена неизреченнаго восхищенія. Облобызала она также *Мегалу* и *Ѳирсію*; и новыя слезы послѣдовали симъ новымъ лобзаніямъ. Тогда супруга *Каинова* рекла своей сестрѣ съ радостнымъ воздыханіемъ: Ахъ, искренняя моя! ахъ, какія сладости вкушаетъ мое сердце! Да будетъ сей день, день торжества! Пойдемъ нарвать прекраснѣйшихъ цвѣтковъ, и усыплемъ ими тра-

трапезу въ сѣни; соберемъ наилучшіе плоды, произращаемые нашими древами и кустарниками; да будетъ сей день для насъ день забавъ; да протечетъ онъ во сладостныхъ восторгахъ. Тогда потекли онѣ въ радости своей поспѣшно аки на криліяхъ, обнажати древа и плодоносные кустарники.

Каинъ и *Апель* держася за руки, и возлѣ нихъ *Адамъ* и *Ева*, упоенные совершеннымъ удовольствіемъ, шествовали купно на холмъ. Когда они прибыли на оный, сестры приуготовили уже въ сѣни трапезу изъ разныхъ плодовъ, прекладенныхъ благоухавными цвѣтками, которые составляли великолѣпное смѣшеніе блеска, цвѣтовъ и благовоній пріятныхъ. Всѣ они сѣли за сію прелестную трапезу: радость, веселіе и сладостные разговоры, вскорѣ привели прохладный вечеръ.

Конецъ первыя пѣсни.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Сѣдящимъ имъ радостно въ сѣни, отецъ человѣковъ рекъ тако: Вы чув

ствует

ствуете днесь, о чада, какая проливается ясность въ нашихъ душахъ послѣ добраго дѣянія; вы чувствуете, что истинно благополучны мы тогда токмо, когда мы добродѣтельны. Добродѣтелію возносимся мы ко блаженству чистыхъ духовъ, ко блаженству райскому, но каждою порочною страстію свергаемся оттуду, свергаемся во мрачный лавиринѳъ, въ которомъ безпокойство, уныніе, бѣдность и раскаяніе уловляютъ нашу душу. О *Ева*! моглиль мы думать, чтобъ толикое благоденствіе предоставлено намъ было на сей проклятой землѣ, когда держася за руки оставили мы рай; (*сіе обстоятельство* часто приходитъ мнѣ на мысль,) когда мы одни, со всѣмъ одни поселились на сей великой землѣ?

Адамъ умолкъ, и *Авель* ему рекъ: Отче, во продолженіе толь пріятнаго вечера, если ты соизволяешь пребыти съ нами здѣсь еще, ежели не хощешь погрузиться въ уединенномъ сумракѣ во глубокія размышленія, соблаговоли на мою прозьбу, и возвѣсти намъ еще о семъ днѣ, въ который поселился ты единъ съ *Евою* на сей великой необитаемой землѣ.

Всѣ

Всѣ тогда взирали на *Адама* со вниманiемъ тихимъ, не терпѣливо желая вѣдать, соизволитъ ли онъ на его прозьбу. Могу ли я, рекъ онъ ему, въ сей радостный день отказать тебѣ въ какой прозьбѣ? Возвѣщу вамъ, чада, о семъ днѣ, въ который учинено грѣшнику толь великое обѣщанiе, толь неожидаемая милость и спасенiе возвѣщены. О *Ева*! съ чего я начну сiю повѣсть? Съ сего ли, когда удалялися мы отъ рая держа другъ друга за руку? Но, о возлюбленная, уже очи твои потопляются слезами! Начни съ того; возлюбленный, отвѣщала *Ева*, когда въ послѣднiй разъ обратяся на рай восплакала я, и упала во твои объятiя. Но то что чувствовала я тогда, *Адамъ*, оставь самой мнѣ разсказати; ибо ты, снаровляя моей немощи, изобразишь явленiе сiе слабо.

Уже далеко пылалъ позади насъ мечь Ангела, изводившаго насъ изъ рая со щедрымъ сожалѣнiемъ; гласъ его еще намъ напоминалъ объ обѣщанiи и великой милости огорченнаго Бога. Уже снизшли мы на землю, и протекали по безплодной пустынѣ; нѣтъ уже тамо Едема; не по благоухающимъ шествовали мы цвѣткамъ, ниже по плодоноснымъ кус-

кустарникамъ и рощамъ; разсѣяны оныя были рѣдко на сей безплодной долинѣ яко острова разсѣяны суть въ морѣ. Шли мы въ молчанiи, и земля намъ представляла единую печальную степь: рука въ руку вложа шли мы. Часто обращаясь плакала я, и не дерзала возвесть очей на того, который бывъ мною прельщенъ шелъ подлѣ меня, и раздѣлялъ со мною нещастiе и горесть. Со преклоненною главою къ землѣ шелъ онъ подлѣ меня; иногда озиралъ онъ молча окрестную страну, иногда меня, видѣлъ мои слезы, не могъ промолвить, и прижималъ меня плача ко своей груди. Тако прибыли мы ко склоненiю нѣкоего холма, коего вершина стала скрывать отъ нашихъ очей видъ высокодревеснаго рая; тогда, тогда остановилась я, и возрыдала обратясь на оный: Увы! въ послѣднiй можетъ быть разъ вижу тебя, мѣсто моего рожденiя, тебя прекрасный рай, гдѣ ты, ... дерзну ли наименовать тебя, о возлюбленный? . . . испросилъ себѣ содругу у Зиждителя, и погибель твоя родилась тебѣ тамо изъ собственнаго твоего ребра! Для кого благоухаете вы днесь, прекрасные цвѣтки, которые угобжала попечительная моя рука? Кто про-

хлаждается во благовонномъ вашемъ сумракѣ, тѣнолиственныя сѣни? Цвѣтущіе кустарники, и вы, о рощи, кому вы собрегаете днесь всякородныя свои плоды? Уже я не увижу больше васъ; для меня оскверненныя грѣхами всякій бальсамоносный воздухъ есть чистъ, всякое мѣсто свято, О горе мнѣ! Коль ужасно низпалъ человѣкъ, другъ Ангеловъ! который толь непороченъ, толь святъ исшелъ изъ рукъ Создателя! И ты также низпалъ: и ты . . . . о возлюбленный, если смѣю тако тебя нарицати! Прельщенный мною и ты также низпалъ. Ахъ не ненавидь меня, не оставь меня бѣдную! Ради нашея бѣдности, ради великаго обѣщанія, даннаго намъ милосердымъ Судіею, не оставь меня бѣдную! Хотя и достойна я отъ тебя единыя ненависти и презрѣнія; но позволь мнѣ токмо слѣдовать раболѣпно за твоими стопами, что бы пеклася я въ сей нашей бѣдности о твоемъ спокойствіи; пусть единый твой взоръ изъясняетъ мнѣ твое желаніе и волю! Гдѣ ты ни станешь жить, усыплю цвѣтками окрестъ то жилище, стану обтекати всю ту пустую страну, и собирать тебѣ въ пищу наилучшіе плоды; и сколь почту се-

себя счастливу, если наградишь ты мои услуги единымъ сожалительнымъ взоромъ! Тако вѣщала я, и упала въ его объятія; онъ меня прижалъ сердолюбно ко своей груди, оросилъ ланиты мои слезами, и рекъ;

Не сотворимъ, о возлюбленнѣйшая супруга! не сотворимъ горькими упреками бѣдности нашея горчайшею еще паче; оба мы достойны вящшаго наказанія, нежели сколько его претерпѣваемъ. Не учинилъ ли намъ Судія, когда насъ судилъ, великаго обѣщанія? Хотя и объемлетъ оное священная мрачность; но милость Его, безконечная милость блистаетъ изъ самыя сея мрачности, И если бы наказалъ Онъ насъ по нашимъ дѣламъ, ахъ что бы мы стали? Нѣтъ, искренняя моя, докучливыя жалобы и горькіе упреки да не сотворятъ насъ недостойными Его милости, не оскверняшъ нашихъ устъ; для глубочайшаго благоговѣнія и благодарственныхъ моленій да отверзаются они токмо. Онъ, предъ окомъ Коего глубочайшая мрачность не сокрываетъ ни чего, видитъ сокровеннѣйшія помышленія грѣшника, Онъ увидитъ милостиво и слабую нашу хвалу, и нашу благодарность, и немощныя

ныя наши стремленія ко благу. Обойми меня, *Ева*! Возрадуемся и въ бѣдности нашей! Взаимная помощь да облегчаетъ ее намъ; единодушно станемъ сражаться противу нашего сопостата, страшнаго грѣха, и достигать до первоначальнаго нашего достоинства столь близко, сколько насъ допуститъ наше развращеніе: миръ и нѣжная любовь да пребудутъ всегда посредѣ насъ. Тако, вспомоществуя другъ другу, снесемъ мы бодрѣе и способнѣе возложенное на насъ бремя; тако пошествуемъ напротиву смерти, которая (яко то является) приближается къ намъ медлѣнно. Теперь снидемъ туда ко стоящимъ предъ горою тополамъ. Вечеръ наступаетъ, а сіе мѣсто будетъ способно для препровожденія на немъ нощи.

Ты умолкъ, и я тебя объяла, и отерла власами слезы съ моихъ очей; и тогда снишли мы съ холма, къ тополовымъ древамъ, стоявшимъ подлѣ горы. *Ева* умолкла, и улыбнулася нѣжно на *Адама*. Тогда началъ онъ самъ продолжати повѣсть:

Достигнувъ въ тополамъ, обрѣли мы въ горѣ пещеру подъ тѣнію сихъ древъ. Виждь, *Ева*! тако рекъ я, виждь,

ко-

колико пріятностей предлагаетЪ намЪ природа; виждь сію веселую пещеру, и сей чистый источникЪ, текущій сЪ журчаніемЪ изЪ подЪ оныя. ПріуготовимЪ здѣсь себѣ наслѣгЪ: но должно мнѣ, *Епа*, заградить вЪ онуую входЪ отЪ ночнаго нападенія враговЪ, КакихЪ враговЪ? вопросила *Епа* боязливо. Не примѣтила ли ты, рекЪ я ей, что проклятіе поразило вся созданная, что союзЪ дружества между всѣми живущими тварями расторгся, и что слабѣйшій добычею сталЪ сильнѣйшаго? Тамо на полѣ видѣлЪ я львичища гнавшагося сЪ пагубнымЪ рыканіемЪ за устрашенною серною; также видѣлЪ я брань и между воздушныхЪ птицЪ. Уже мы болѣе невластны надЪ сими твярями, по крайней мѣрѣ надЪ тѣми, которыхЪ силы не соотвѣтствуютЪ нашимЪ; игравшіе доселѣ окрестЪ насЪ, со дружественнымЪ ласканіемЪ, пестрый бабрЪ и левЪ долгогривый, произносятЪ на насЪ нынѣ, грозный являя вЪ зѣницѣ пламень, страшныя рыканія. Хотя и можемЪ мы дружественною поступкою привадить кЪ себѣ единыхЪ, и противу свирѣпства другихЪ защитить себя разумомЪ; но впрочемЪ загражу я входЪ вЪ пещеру хврастіемЪ. А я пойду, рекла

Ева, и нарву цвѣтковъ и травъ для нашего ложа, и соберу плоды съ кустарниковъ и древъ. Тогда началъ я заграждати хврастіемъ входъ въ пещеру, а *Ева* робѣя и оглядываясь, что бы не потерять меня изъ глазъ, собирала плоды съ деревъ и кустарниковъ; и по семъ возвратилася назадъ, и положила ихъ предо мною на мягкой травѣ.

Тогда возлегли мы въ пещерѣ на цвѣткахъ, и начали трезвую нашу трапезу дружескими сопровождать разговорами. Но вдругъ набѣжало темное облако, и сокрыло отъ насъ заходящее солнце: страшно распростерлося оно надъ нами, и печальный мракъ воцарился по всей землѣ: Природа казалася въ боязливомъ молчаніи ожидала своего истребленія. Поднялся бурный вѣтръ, и заревѣлъ сквозь горы, и возмутилъ лѣса: тогда возблистали пламени изъ чернаго облака, и громъ возгремѣлъ отовсюду. *Ева* прижалася ко трепещущей моей груди. Приходитъ, рекла она, приходитъ Судія! коль ужасно! приходитъ Онъ неся къ намъ смерть, намъ и всей Природѣ, ради моего предательства! О *Адамъ*! *Адамъ*! . . . По семъ сотворилась она безгласна, дрожа въ моихъ объятіяхъ.

Тогда

Тогда рекъ я: Возлюбленная! повержемся на колѣна предъ пещерою, и принесемъ молитву Тому, который грядетъ на страшной тмѣ, и предъ Коимъ предшествуютъ пламени и сей страшный гласъ! О Ты съ неизреченнымъ Божественнымъ благоутробіемъ стоявшій предо мною, когда я зиждущею Твоею дланіею сотворенъ возбудился, колико Ты ужасенъ, когда приходишь яко Судія! Послѣ чего пошли мы, и пали на колѣна предъ пещерою, и покрывъ блѣдное лице трепещущими руками, молилися и ожидали, какъ остановится надъ нами Судія, и речетъ изъ среды грома: умрите неблагодарные человѣки, и ты земля уничтожися предъ яростію Моею! Въ сей часъ воды полилися съ Небесъ, и уже молніи не блистали изъ облаковъ, и громъ слышался токмо вдалекѣ. Тогда поднялъ я главу, и рекъ: Господь прошекъ мимо насъ, *Епа*! не раззоритъ онъ земли, и мы не умремъ сего дня: ибо что стало бы его обѣщаніе, ежели бы онъ истребилъ насъ, и въ насъ будущихъ нашихъ потомковъ? А вѣчная Премудрость не раскаивается во обѣщаніяхъ. Тогда престали мы трепетать, облака расточились, и заходящее солнце проліяло на нихъ ди-

 вное

вное сіяніе: подобное тому явленію, когда Ангельскіе полки на росоносныхъ облакахъ парили по высотѣ Едемской, и небесное ихъ блистаніе распростиралося далѣе воздушнаго круга, и каждое облако сіяло яко пламень. Тако блистательно было въ оный часъ вечеряющее небо: вся страна озлащалася поразительнымъ сіяніемъ, оживотворялися всѣ цвѣты, всѣ вьникали въ ослѣпляющемъ блескѣ; мы пали на колѣна озаренные заходящимъ солнцемъ, и торжествовали со священнымъ удивленіемъ сіе явленіе. Тако протекла первая буря надъ нашими глазами. Вечерняя заря поблѣднѣла отъ лица сумрака, и луна пролила пріятный свѣтъ на разсѣянные облака; и тако почувствовали мы первократно на членахъ нашихъ ночный хладъ, яко чувствовали въ полудни необычайный жаръ знойнаго солнца. Мы облеклися въ кожи, которыми благотворный нашъ Судія, предъ исшествіемъ нашимъ изъ Рая, одѣялъ насъ по чресламъ нашимъ, въ доказательство того, что и въ бѣдности нашей не лишаетъ насъ щедрыя Своея помощи; и тогда легли мы въ пещерѣ на мягкія травы и цвѣтки, и ожидали сна во сладостномъ объятіи. Пришелъ онъ, но

не такъ скоро и пріятно, какъ прежде, когда еще мы были непорочны; тогда наполнялося воображеніе наше едиными лишъ ясными и веселыми вещами: но днесь веселости сея было оно уже лишенно, безпокойствіе, и страхъ, и угрызенія совѣсти, представляли предъ насъ смущенныя странныя и мрачныя изображенія. Нощь была спокойна, сонъ нашъ пріятенъ: но однакожъ какое различіе съ тою нощію, когда я, о *Ева*, велъ тебя первократно во брачную сѣнь: цвѣтки тогда благоухали пріятнѣе обыкновеннаго; никогда пѣнія ночныя птицы не отзывалися съ толикимъ доброгласіемъ; никогда луна толь блистательнаго не проливала сіянія, какъ въ сіе время, когда торжествовалъ Рай первократно брачную нощь! Но почто остановляюсь я при такихъ изображеніяхъ, которыя возбуждаютъ усыпленную мою горесть?

Уже пило утреннее солнце свѣтлую росу, когда рѣсницы наши отворилися, и рѣдко разсѣянныя птицы воспѣвали на древахъ; ибо земля не имѣла еще другихъ животныхъ, кромѣ удалившихся по проклятіи изъ Рая; вертоградъ Господень не долженствовалъ ни какого

 зрѣть

зрѣть въ себѣ истлѣнія. Мы вышли предъ пещеру, и принесли нашу молитву; и тогда рекъ я Евѣ: Пойдемъ далѣе; протекая очами сію обширную страну, я вижу, что можемъ мы избрать себѣ въ жилище такія мѣста, которыя имѣютъ болѣе изобилія и разновидности въ пищѣ и красотахъ. Видищь ли ты сію рѣку извивающуюся по зеленому лугу? Подлѣ онаго стоящій холмъ являетъ многодревесный вертоградъ на тучномъ своемъ хребтѣ. Всюду я слѣдую за тобою, возлюбленный, куда ты меня ни поведешь, рекла *Ева*, и пожала мою руку нѣжно, и мы продолжали нашъ путь къ сему холму.

Тогда *Ева* узрѣла предъ собою птичку, кружающуюся въ воздухѣ, испущая слабый и печальный гласъ, и по семъ въ изнеможеніи, и трепеща крилами, низпустившуюся на ближній кустарникъ. Приближилась она туда, и се другая птичка лежитъ бездыханна предъ сѣтующею на травѣ. Долго разсматривала сію *Ева* наклоняся къ ней; по семъ поднявъ ее отъ земли хотѣла возбудить. Она не пробуждается, рекла *Ева*, и положила ее паки на траву трепещущою рукою; и никогда уже не воспрянетъ. Тогда

да начала она плакать. О ты сѣтующая, рекла Ева ко другой, можетъ быть, ахъ, можетъ быть она тебѣ была супруга! Я, я несчастная навлекла проклятіе и бѣдность на землю, на всякую тварь ея; я тебя заставила страдать неповинная птичка! По сихъ словахъ она возрыдала, и обратилась ко мнѣ, и рекла: Какъ назвать сіе злосчастіе? сіе ужасающее злосчастіе! Всякое въ ней чувство неключимо, и всѣ оцепенѣвшіе уды ея отрицаются ей служить; какъ я нареку сіе? Смерть... Истлѣніе! Ахъ, ужасъ объемлетъ всѣ мои члены! Ежели сіе смерть, и если подобна сей и та смерть, коею угрожаютъ насъ, о какъ она ужасна! И ежели она такимъ же образомъ и тебя похититъ отъ меня, и ты... о —— *Адамъ*! я трепещу... всѣхъ силъ лишаюсь! Рекла Ева, и возрыдала потупясь въ землю, въ жесточайшую погруженная горесть. Я объялъ сѣтующую мою супругу и рекъ: Не умножай горести своея и болѣзни, о моя возлюбленная! Возложимъ все наше упованіе на Управляющаго всею вселенною съ безконечною Премудростію, помня сіе, что, когда восходитъ Онъ на Свое судилище, облеченный мракомъ таинства, бла-

благостыня и любовь всегда находятся по страну Его. Не уже ли воображеніе наше станетЪ намЪ представлять страшные токмо виды будущаго, и разумЪ нашЪ единую лишЪ нашу бѣдность предвидѣть? Не уже ли станемЪ мы ослѣпленно отвращатися отЪ слѣдовЪ Премудрости Его и благостыни, и вЪ бездну бѣдностей погружать себя наипаче? Судьбы Его о насЪ безконечно премудры суть и благи; и для того со твердымЪ упованіемЪ отдадимся Его путеводительству, и со священнымЪ и благоговѣйнымЪ удивленіемЪ восхвалимЪ онаго.

ПослѢ сего продолжали мы паки путь ко холму, протекая сквозь плодоносные кустарники, увѣнчававшіе подошву косогора. На вершинѣ онаго возвышался кедрЪ изЪ среди малыхЪ плодоносныхЪ древесЪ, и распростиралЪ далеко окрестЪ себя прохладность; подЪ тѣнію его протекалЪ между цвѣтками ручей. СЪ сего мѣста представлялася намЪ необозримая страна, и сокрыла себя отЪ слабаго ока вЪ туманномЪ воздухѣ. Се райская тѣнь, сказалЪ я Епѣ, жилище выгодное; но самаго Рая уже мы здѣсь не найдемЪ. Восприими насЪ подЪ тѣнь свою, высокій кедрЪ, и вы, разновидныя

ныя древеса! Не сорву безъ благодарности вашихъ плодовъ; они будутъ мнѣ награжденіемъ за попечительное мое удобреніе. О Всесильный! Воззри милостиво на жилище наше съ высоты Своихъ небесъ, и услыши смиренную молитву, жаркое благоговѣніе и благодарность, которыя восходить къ Тебѣ станутъ отъ насъ ежедневно и ежечасно сквозь тѣнолиственную сію вершину. Ибо здѣсь въ потѣ лица станемъ мы вкушать нашу пищу; подъ сею тѣнію, о *Ева*, родишь ты чадъ своихъ; отсюду наши внуки распространятся по землѣ, и подъ сими древами постигнетъ насъ нѣкогда приближающаяся смерть. О Господи! Господи! Приникни милостиво на жилище грѣшниче! Тако вѣщалъ я, и *Ева* молилася также по страну меня, благоговѣйно возводя на небо слезящія очи.

Тогда началъ я сооружать кущу подъ осѣненіемъ кедра, водрузилъ въ землю кругъ изъ тычинъ, и переплетая отдѣлившіяся ихъ вѣтви составилъ стѣну: въ то время *Ева* расчищала путь ручью между цвѣтками, или устрояла разложистые кустарники въ подобіе стѣны, или привязывала ко прутикамъ преклонившіеся цвѣтки, или собирала созрѣлые

лые плоды; и тогда то вкусили мы первократно нашу пищу въ потѣ своего лица. Идущу мнѣ на рѣку нарвати тростія на покровеніе кущи, увидѣлъ я пять овецъ, подобныхъ бѣлизною полдневнымъ облачкамъ, и посредѣ ихъ юнаго овна, пасущагося съ ними на брегѣ. Тихо приближался я къ нимъ, дабы узрѣть, не убѣгутъ ли и онѣ также отъ меня яко левъ и бабръ, игравшіе прежде при ногахъ моихъ; но онѣ отъ меня не побѣжали, и я погналъ ихъ предъ собою тростію на холмъ, на жирную бывшую тамъ паству, гдѣ *Ева*, упражненная дѣланіемъ изъ навислыхъ вѣтвей сѣни, не узрѣла сперва сего малаго стада, пока не объявило оно себя блеяніемъ. Обратила она очи къ сей странѣ, и отъ радости опустила изъ рукъ колеблющіяся вѣтви; сперва испужавшись стояла она тихо, по томъ возопила: Ахъ, онѣ столькожъ тихи и ласковы какъ и райскія! Пасися мирно, пріятная дружина! Ты станешь жить при насъ; здѣсь ростетъ жирная трава, благовонные злаки, и свѣтлый протекаетъ ручей. О какъ весело будетъ видѣть васъ, милыя овечки, прыгающихъ окрестъ насъ по травѣ, тогда какъ станемъ мы пещися о

дре-

древахъ и кустарникахъ нашихъ! Тако рекла *Ева*, и стала гладить густое ихъ руно.

Окончившуся строенію кущи, сѣлъ *я съ Евою* при входѣ ея подъ тѣнію; въ задумчивомъ безмолвіи сидѣли мы, когда *Ева* прервала тако молчаніе: прекрасна и разновидна есть сія страна, и холмъ сей многими украшенъ растѣніями; но мы можемъ и еще избрать нѣсколько наилучшихъ прозябеній во здѣшней странѣ, и пресадить ихъ на сей холмъ; и тогда уподобится онъ столько Раю, сколько Рай. какъ расказывали намъ о томъ посѣщавшіе насъ Ангелы, *уподобляется небу; или хотя послѣдующая тѣнь онаго будетъ.* Ахъ колико прекрасна была оная *блаженная страна!* Вся Природа проливала тамъ щедро сладчайшіе свои дары, пріятное и полезное истощевалося тамо съ равнымъ довольствіемъ; тьмы пестрыхъ и разновидныхъ цвѣтковъ, злаковъ и плодовъ, блистали промежъ кустарниковъ и лесковъ; несчетные роды древесъ разпростирали тамо свою тѣнь; соборъ безчисленный красотъ великолѣпныхъ и веселыхъ. Изо всего того видимъ мы здѣсь окрестъ насъ малѣйшую часть. Можетъ быть про-

проклятая земля не можетъ болѣе сего производить, или раздѣляетъ скудно дары свои совокупляемые ею въ раю. И уже видѣла я, *Адамъ*, какъ смерть и истлѣнiе (ибо несомнѣнно сiе единая есть вещь,) овладѣли всею Природою; видѣла я истлѣвшiе низпадшiе плоды, поблекшiе цвѣтки; зрѣла также умершiе кустарники, обнаженные печально украшавшаго ихъ листвiя и плодовъ. Хотя и вырастали впрочемъ малые кустики подлѣ умершихъ, свѣжiе плоды заступали мѣсто низпадшихъ, и изъ разсѣянныхъ сѣменъ увядшихъ цвѣтковъ прозябали ихъ изчадiя. Тако, *Адамъ*, тако и мы нѣкогда увянемъ, и оставимъ мѣсто цвѣсти здѣсь нашимъ чадамъ.

Умолкла она, а я въ унынiи моемъ рекъ тако: Увы, дражайшая *Ева*! не сiи заботы меня безпокоятъ; утрата сего потеряннаго богатства не востревожила бы такъ моего сердца. Но сокрушаетъ меня сiе, сiе причиняетъ мнѣ мучительнѣйшую горесть, что изгнанъ я изъ тоя страны, въ которой благоизволилъ Богъ являть Себя видимо, гдѣ Онъ, умѣряя сiянiе Своея Божественности; шествовалъ по рощамъ; и священное молчанiе торжествовало Его присутствiе.

Ахъ!

Ахъ! я дерзалъ тогда часто, пидши ницъ, вѣщати къ Нему; и Всевышній удостоивалъ внимать словамъ Своея твари, и отвѣщати мнѣ. Но, о горе! сіе преимущество чистыхъ Духовъ мы потеряли. Наичистѣйшее Существо станетъ ли уже обитать между грѣшниками? Обитать на такой землѣ, которая заслужила Его проклятіе? Хотя и съ сожалѣніемъ взираетъ Господь съ высоты Своего престола къ намъ долу, и благостыня Его превосходитъ и при нашей бѣдности дерзскую нашу надежду. Такжe является, что и Ангелы Его сюда низходятъ для исполненія Его велѣній, но совлекаяся своего блистанія, и невидимо, и скоро возвращаются вспять отъ сего мѣста, исполненнаго истлѣнія; ибо мы недостойны сожитія съ ними, огорча самодержавнаго Владыку.

Тако разглагольствовали мы, и погрузилися по семъ во глубокое размышленіе, взирая печально на предлежащую предъ нами землю. Внезапу лучезарное облако быстро спустилося на оную, и остановилося на холмѣ: изъ сего блестящаго облака изшелъ небесный Образъ, сіяющій величественнымъ веселіемъ. Воспрянувъ скоро, пошли мы во срѣтеніе

оному со глубокимЪ преклоненіемЪ нашихЪ главЪ; и АнгелЪ возглаголалЪ кЪ намЪ тако: Имѣющій престолЪ Свой на небесахЪ; внялЪ словамЪ вашимЪ. Иди, рекЪ ОнЪ мнѣ, и рцы сѣтующимЪ: Небеса не заключаютЪ Меня вЪ себѣ; всякое мѣсто Моего творенія освящается МоимЪ присутствіемЪ. И кто иный повелѣваетЪ солнцу испущать лучи? Кто творитЪ, что звѣзды не остановляются во своемЪ теченіи; Что земля производитЪ свои плоды; и что день и нощь слѣдуютЪ попремѣнно? Кто сохраняетЪ существа, продолжая имЪ жизнь и дыханіе? Кто тебя самого сохраняетЪ, дабы не впалЪ ты во истлѣніе? Я всегда сЪ тобою, глаголетЪ Господь, и сокровеннѣйшее твое помышленіе предо Мною открыто есть.

ВЪ окружавшемЪ меня сіяніи стоялЪ я исполненЪ священнаго ужаса, и возведя на него ослѣпленный мой взорЪ, рекЪ: Непостижимы суть щедроты Господни; призираетЪ ОнЪ на нашу бѣдность, и АнгеловЪ СвоихЪ посылаетЪ ко грѣшникамЪ. АхЪ! толикая благость устыжаетЪ меня, и едва дерзаю я на тебя взирать; но позволь мнѣ предложить тебѣ о смущающихЪ меня опасеніяхЪ.

ніяхъ. Ахъ! я чувствую, вижу со священнымъ удивленіемъ присутствіе Божіе по всему Его созданію. И никакъ уже не можно оскверненной грѣхами тварѣ требовать отъ чистѣйшаго Существа, что бы Оно еще и лицезрѣніемъ Своимъ ее удостоивало? Но размножившійся впослѣдокъ человѣкъ, сотворяся можетъ быть хуже, не сотворится ли и еще бѣднѣе, и повелѣнія Всесовершеннѣйшаго Существа не явятся ли для него темнѣе и смущеннѣе? Ибо какъ я низпалъ, не могутъ ли чада мои низпасти паче еще и меня? Когда меня не будетъ болѣе во изъявленіе имъ на мнѣ Его благостыни, хотя и малѣйшее несѣкомое станетъ имъ сіе свидѣтельствовать: но не будетъ ли для нихъ слабъ сей гласъ Природы, когда Богъ продолжитъ сокрывати лице Свое отъ человѣкъ? Увы! сія мысль отягощаетъ меня яко гора!

Небесный житель благоизволилъ на слова мои таковый дружелюбный сотворить отвѣтъ: Отецъ человѣковъ! Сей, Которымъ все содержится и дышетъ, что только пребываетъ во всей поднебесной, не хощетъ сѣмени твоего оставить. Хотя по часту согрѣшенія ихъ восходити станутъ къ Нему тре-

 буя

буя отмщенія, принудятъ Его взяти громъ, и судъ Свой имъ явить; тогда грѣшники, пресмыкаяся во прахѣ, возопіютъ: Се есть Богъ! Но еще чаще сего станетъ Онъ изъявлять Себя Своимъ милосердіемъ. Когда совратятся они со своего пути, воззоветъ Онъ ихъ со благостію вспять; возставитъ между ими премудрыхъ, которые станутъ просвѣщать ихъ разумъ, дабы возвращалися они со стезей бѣснованія и буйства, и вступили паки на путь истинны. Часто станетъ Онъ посылати къ нимъ Пророковъ, да возвѣщаютъ имъ Всевышняго судъ или милость, которыя отдаленное событіе заключаетъ еще во своемъ нѣдрѣ; дабы они узрѣли, что вѣчная Его Премудрость есть управляющая непроницаемою связію Судебъ. Не рѣдко возглаголетъ Онъ къ нимъ чрезъ Ангеловъ своихъ, не рѣдко чудесами; и будутъ Праведники, къ которымъ Онъ Самъ снисходити станетъ со Своего престола; пока на послѣдокъ великое таинство откроется ко спасенію человѣковъ, и Сѣмя жены поперетъ главу зміину.

Ангелъ умолкъ; дружественное его осклабленіе ободрило меня еще къ нему возглаголать: Небесный друже! Если грѣш-

никъ

никъ смѣетъ именовать тебя тако? Но станетъ ли Ангелъ ненавидѣть того, котораго Превѣчный не ненавидитъ, того, для коего безконечная Божія щедрота изъявляется толь чудесно, что небеса удивленія своего изрещи и погруженная во бреніе душа благодаренія своего изглаголати не можетъ. О дозволь мнѣ еще тебя вопросити! Не позволено ли тебѣ сіе таинство изъ священнаго его мрака предо мною открыти? Что знаменуетъ сіе великое таинство: *Сѣмя жены поперетъ главу зміину*; и что значитъ проклятіе: *ты смертію умрешь*? Тогда отвѣщалъ Ангелъ: Что мнѣ позволено открыть, то предъ тобою открою. Вѣдай убо, *Адамъ*, что когда ты согрѣшилъ: — Человѣкъ низпалъ въ согрѣшеніе, рекъ тогда гласъ Божій со престола, *и онъ умретъ*. Въ ту минуту внезапная страшная мрачность окружала Всевышняго престолъ, и торжествующее исполненное ужаса молчаніе распространилося по всему небу. Но не долго владычествовало сіе ужасное молчаніе; мрачность удалилася отъ престола. Никогда еще Богъ не являлъ Себя Ангеламъ съ толикимъ велелѣпіемъ. Кромѣ того времени, когда Онъ носяся надъ

 без-

безднною рекъ ко блудящему тогда солнцу и звѣздамъ, *Да будутъ*; и зиждущій гласъ Его проникъ сквозь всю неизмѣримость пространства. И въ сіе время гласъ Его подобяся грому, раздался по всему небу: Не отвращаю Я лица моего отъ грѣшника; земля явитъ свидѣтельство о безконечной Моей благостынѣ. Сѣмя жены пеперетъ главу зміину; адъ не возрадуется о своей побѣдѣ, и смерть лишится своея добычи. Торжествуй небо! Тако вѣщалъ Превѣчный: самый Архангелъ низложенъ бы сталъ ослѣпляющимъ блистаніемъ, если бы престолъ не покрылся вскорѣ умѣреннымъ сіяніемъ. Во весь сей день торжествовало небо великое таинство безконечныя благости Господи. Но какъ возможетъ Богъ, не оскорбляя Своего правосудія, простить грѣшника, сіе ниже Архангелу постижимо есть; но довлѣетъ для сего глагола Божія. Мы вѣдаемъ токмо, и тебѣ позволено также вѣдать, что смерть лишилася своего могущества; разрѣшитъ она токмо душу, заключенную во брѣніе; отъ узъ проклятія; тѣло возвратится паки въ персть, да вознесется душа въ выспрь, и будетъ безконечно блаженна яко и мы. Теперь внемли,

Адамъ,

Адамъ, глаголы Господа къ тебѣ: Хощу *Я* быти милостивъ къ тебѣ и племени; и поставится завѣтъ между Мною и тобою, что *Я* хощу помнить о великомъ тебѣ обѣтованіи. Сооруди жертвенникъ на семъ холмѣ. И каждый годъ по наступленіи сего дня, въ который сотворилъ *Я* тебѣ сіе обѣтованіе, когда снидетъ пламень съ небеси и станетъ горѣть на твоемъ жертвенникѣ; тогда ты принеси на жертву юнаго агнца, да огнь потребитъ его на ономъ. Вотъ все то, что угодно Всевышнему, да вѣдаетъ тварь о неисповѣдимыхъ судьбахъ Его. Еще токмо позволилъ Онъ мнѣ показать вамъ, прежде нежели оставлю васъ, что не одни вы здѣсь живете и что на сей землѣ, хотя и преданной проклятію сообитаютъ вамъ чистые Духи, которымъ повелѣно отъ Превѣчнаго бодрствовать надъ защищеніемъ и препитаніемъ вашимъ.

Въ ту минуту подступивъ къ намъ Ангелъ коснулся нашимъ очамъ. Слабо человѣческое слово изобразить красоты великолѣпнаго усмотрѣннаго нами позорища. Мы узрѣли безчисленный сонмъ, разсѣянный по странѣ, небесныхъ отроковъ прекраснѣйшихъ *Евы*, когда она

по сотворенiи своемъ вышла лишъ изъ рукъ Превѣчнаго, и возбудила меня прелестнымъ гласомъ, простирая ко мнѣ нѣжныя объятiя. Единые изъ нихъ собирали легкiе туманы, и возносили ихъ въ выспрь на распростертыхъ своихъ крилiяхъ, да низлiютъ на землю прiятныя росы и прохладительные дожди; другiе покоилися при журчащихъ ручьяхъ, бдя о семъ, что бы не изсякнулъ ихъ токъ, и что бы прозябенiя не лишилися чрезъ то влажныя своея пищи. Многiе изъ нихъ разсѣяны были по долинѣ; тамо предсѣдательствовали они при растѣнiи плодовъ; проливая на прозябающiе цвѣтки цвѣтъ огня, или вечернiя зори, или небесъ, и согрѣвая ихъ своимъ дыханiемъ, внѣдряли въ нихъ прiятныя благоуханiя. Множество другихъ вялося, различно упражненныхъ, въ тѣни лѣсковъ, и блистающими своими крильями производили они при всякой ступенѣ легкiе вѣтерки, которые иногда вѣяли шумя сквозь осѣненiя, иногда парили надъ цвѣтками, и отлѣтали по семъ прохладиться на струистые и пѣнящiеся источники и ключи. Иные отдыхая отъ своего труда сидѣли подъ тѣнiю раздѣлясь на лики, и воспѣвали,

при

при гласѣ златыхъ арфъ, въ похвалу Всевышняго, неудобослышимую пѣснь уху смертному. Многіе ходили по нашему холму, или сидѣли во благолиственной тѣни нашихъ сѣней, и взирали на насъ часто съ небеснымъ дружелюбіемъ; но вскорѣ подъятый покровъ съ нашихъ очей опустился паки, и восхитительное сіе явленіе исчезло.

Сіи Духи суть Хранители земные, рекъ тогда намъ Ангелъ. Природа избыточествуетъ многими благолѣніями и чудесами, которыми чувства смертныхъ не могутъ наслаждаться: Создатель сотворилъ различныя красоты для разныхъ родовъ мыслящихъ существъ; и сіи сокрытыя отъ вашихъ гласъ чудеса составляютъ удовольствіе и удивленіе несчетнаго числа Духовъ. Также повелѣно, симъ небеснымъ отрокамъ, спомоществовать Природѣ во скрытномъ ея дѣлопроизводствѣ, устроевая разнообразныя ея дѣйствія по предписаннымъ ей вѣчнымъ законамъ. Равномѣрно имѣютъ они должность бдѣть о безопасности человѣковъ, и наблюдати ихъ дѣла, отвращая отъ нихъ непримѣтно угрожающія имъ злосчастія; они сопровождаютъ человѣка по искривленной стезѣ лавиринѳа его жизни, да произрастаетъ

стаетъ ему благо изъ кажущагo зла; они суть мирные свидѣтели домашнихъ твоихъ утѣхъ, и самыя сокровеннѣйшія твои дѣянія сопровождаютъ они или одобрительною улыбкою или печальнымъ негодованіемъ. Ими то Господь проліетъ изобиліе во благословенныхъ Имъ странахъ, или произведетъ гладъ и разореніе въ отпадшихъ отъ Него племенахъ, когда соблаговолитъ обратить ихъ къ себѣ путемъ казней.

Тако бесѣдовалъ дружелюбно съ нами Ангелъ, и возвратился паки во блестящее облако: мы пали на колѣна, и неизреченнымъ исполнены будучи восхищеніемъ о безконечной благости Превѣчнаго, плача и запинаясь воздали ему благодареніе.

Вскорѣ по семъ соорудилъ я жертвенникъ на вершинѣ холма; а *Ева* тщалася съ тѣхъ поръ сотворить вкругъ онаго нѣкое подобіе Рая. Сыскиваемые ею на лугахъ и пригоркахъ цвѣтки пресаждала окрестъ жертвенника, и орошала ихъ каждое утро и каждый вечеръ чистою водою изъ дождеваго ручья, проведеннаго ею сквозь сего ея лавиринѳа. О вы, парящіе вокругъ меня, Духи Хранители, вѣщала она тогда, докончайте

труды

труды моихъ рукъ; безъ вашея помощи попеченія мои бесплодны будутъ. Сотворите цвѣтки сіи блистательнѣйшими паче и того, какъ были они на природномъ своемъ мѣстѣ; ибо сіе окруженіе посвящено нами Господу. А я между тѣмъ насаждалъ сей широкій кругъ древесъ, который окружаетъ жертвенникъ святымъ и мирнымъ осѣненіемъ.

Во время сихъ упражненій протекло отъ насъ лѣто и знойный его жаръ; и уже пестрая осень склонялася ко своему концу. Бурные вѣтры начинали дуть, и горы покрываться хладными туманами. Съ боязнію взирали мы на сѣтующую тако Природу, и не вѣдали, что ослабшей землѣ надлежало, по истощеніи себя благодѣяніями, исправить свои силы успокоеніемъ зимнимъ; ибо прежде проклятія цвѣтоносная весна лѣто и осень, были всегда нераздѣльны, всегда веселы и пріятны. Между тѣмъ сѣтованіе Природы умножалося паче и паче; цвѣтки умирали приклоняясь на тебя; малая только ихъ часть цвѣла еще рѣдко на поляхъ и окрестъ жертвенннка, и скорбѣла уже о близкомъ своемъ истребленіи; вскорѣ порывистые вѣтры похитили съ деревъ поб-

лекшее

лекшее ихъ листвіе, сорвали съ вѣтвей плоды, промчалися съ ревомъ и дождемъ по умирающимъ полямъ, и покрыли снѣгомъ печальную вершину горъ. Въ ужасающемъ ожиданіи смотрѣли мы на сіе опустошеніе, почитая оное первымъ дѣйствіемъ произнесеннаго на землю проклятія. Не уже ли Природа лишится и послѣднихъ оставленныхъ ей красотъ? Земля была скудна оными въ разсужденіи Рая; однакожъ довольно еще имѣла богатства для разліянія на наши дни сладостей и спокойствія. Но ежели проклятіе тако станетъ удручати Землю, то коль печальны и горестны будутъ наши дни! Тако мнили мы; но при всемъ томъ возбуждали другъ друга изгонять изъ сердецъ нашихъ всякій помыслъ неудовольствія, и возлагать упованіе на Господа со глубочайшимъ благоговѣніемъ. Въ теченіе сего времени старалися мы запастися плодами, и высушили помощію огня тѣ, кои поврежденіе и согнитіе похитили бы у насъ непремѣнно; и при томъ укрылъ я тщательно кущу, дабы защищала насъ отъ вѣтровъ и дождей. Въ сіе время малое наше стадо бродило печально по холму, теребя малые клочки непоблекшихъ еще

травъ;

травъ; желая предохранить оное отъ глада, часто ходилъ я самъ на луга и пригорки собрать имъ кормъ, и спряталъ его попечительно. Между тѣмъ скучно и медлѣнно протекали наши дни, между вьюгами и дождями: но вскорѣ оживотворяющее Солнце явило себя паки, и разогнало печальные облака; тихіе вѣтерки освободили горы отъ медлительныхъ тумановъ; Природа паки омладѣвъ веселый являла видъ; пріятная зелень одѣла землю; разновидное пестротою смѣшеніе цвѣтковъ выникло на лугахъ, и гордилося тѣмъ передъ солнцемъ; древа и кустарники украсилися разнообразнымъ листвіемъ; и по всей Природѣ простерлося одушевленіе и радость.

Тако возвратилося на землю благорастворенное утро года, цвѣтоносная весна. Кругъ младыхъ древесъ, коими увѣнчалъ я жертвенникъ, не съ меньшимъ противу другихъ прозябъ великолѣпіемъ, и *Епа* узрѣла съ радостнымъ восхищеніемъ, что каждый цвѣтокъ, посажденный ею во святомъ окруженіи, паки расцвѣлъ, или прелестныя испустилъ отрасли. Тщетно бы покусился я, чада мои, изобразить вамъ тогдашніе наши восторги: будучи исполнены неизреченною

ра-

радостію потекли мы къ жертвеннику; солнце освѣщало тогда сіе святое мѣсто лучезарнѣйшимъ сіяніемъ; каждая тварь казалося приносила тамо похвалу свою въ жертву Господу; окрестные цвѣтки наполняли воздухъ пріятнѣйшими благоуханіями, и древа распростирали на жертвенникъ благолиственное осѣненіе. Малые крилатые жители злаковъ изъявляли свою радость тихимъ жужжаніемъ, а птицы на древахъ безпрерывнымъ пѣніемъ. Мы пали на колѣна; радостныя слезы полилися изъ очей нашихъ, мѣшаяся на цвѣткахъ съ утреннею росою; и усердная наша молитва подъялася къ Создателю Природы; къ Сему Богу милосердія, который изъ самаго кажущагося намъ зла единому благу произрастать повелѣваетъ.

Тогда началъ я угобжать малую ниву на холмѣ, и собранныя сѣмена въ прошедшую осень повѣрять плодородной землѣ, или пересаждать на холмъ плодоносныя растѣнія, кои находилъ я разсѣянны далеко въ окрестностяхъ сея страны; и часто сама Природа, или случай, или мое размышленіе, открывали мнѣ способъ къ изобрѣтенію, какъ облегчать мою работу. Но чаще сотворялъ я ошибки,

бки, пропущая способное время для земледѣлія и сажденія; часто также воображеніе мое оставалося тщетно, когда хотѣлъ я нѣчто изобрѣсти для облегченія моего труда; и чаще бы еще ошибался я, чаще бы воображеніе мое осталося тщетно, если бы Ангелы Хранители не внушали того моей душѣ.

Во единъ день весьма рано воззрѣвшу мнѣ изъ моея хижины къ мѣсту жертника, увидѣлъ я огнь, низпосланный отъ Господа, горящъ свѣтло, при расточеніи сумрака, на поверхности олтаря, и возъемлющійся отъ онаго столпъ дыма озлащаемый восходящимъ солнцемъ. Епа! возопилъ я тогда, днесь наступилъ торжественный день великаго обѣтованія! Се пламень низпосланный отъ Господа на нашемъ жертвенникѣ; пойдемъ туда немедлѣнно, сей день посвященъ есть Господу; всякое другое дѣло должно днесь почити: иди и нарви самыхъ лучшихъ цвѣтковъ на украшеніе жертвы; а я пойду, и потреблю юнѣйшаго изъ нашихъ агнцевъ. Тогда пошелъ я, чада, и заклалъ наилучшаго агнца, первую живущую тварь; кою предалъ я смерти. О какою жалостію исполнило меня сіе позорище! Трепетъ объялъ меня отъ ужаса;

и

и теперь еще не могу воспомнить безъ возмущенія, какъ сіе неповинное животное тщалося отъ меня избѣгнуть, какъ оно билося подъ моими руками, какъ боролося со смертію, и возвѣщало послѣднія минуты своего существованія такими страшными движеніями, что я окаменѣлъ отъ ужаса, пока уже на послѣдокъ сотворилося неподвижно и бездыханно. При семъ видѣ страшныя предчувствія овладѣли моею душею; но я, не внимая тогда онымъ, возложилъ жертву на олтарь; *Ева* пришедъ осыпала ее благовонными цвѣтками, и мы пали на колѣна предъ жертвенникомъ со священнымъ благоговѣніемъ: похвала и благодареніе подъялися отъ насъ ко Господу, оправдившему толь торжественно святое свое обѣтованіе; глубокое молчаніе царствовало окрестъ насъ, подобное тому, когда празнуетъ земля Божіе присутствіе, и смертному нашему уху слышалося тогда, аки бы окружающіе насъ Ангелы присоединяли свои пѣснопѣнія къ нашей молитвѣ. Вскорѣ пламень истребилъ жертву, и угасъ по томъ на жертвенникѣ, и вся страна исполнилась небеснаго благуханія.

Мало

Мало спустя времени по семЪ торжественномЪ днѣ завѣта, возвращаясь нѣкогда на холмЪ, при закатѣ солнца, опочинуть отЪ трудовЪ во объятіяхЪ моея искренния, и втунѣ искалЪ онуюо вЪ кущѣ и подЪ тѣнію сѣни, обрѣтаю ее сидящу при ручьѣ лишенну силЪ, и тебя, первенецЪ мой, лежаща на персяхЪ ея. Болѣзни дѣторожденія постигли ее при семЪ ручьѣ во время обыкновенныхЪ ея трудовЪ. Радостными слезами орошала она тебя, и по семЪ возрѣвЪ на меня, улыбаясь нѣжно: радуйся, отецЪ человѣковЪ! рекла мнѣ, ГосподЬ спомоществовалЪ мнѣ вЪ моихЪ болѣзняхЪ, и се родила я сына. По произведеніи онаго на свѣтЪ, нарекла я его *Каиномъ*. . . О мой первенецЪ! ГосподЬ милостиво призиралЪ на часЪ твоего рожденія, да посвятятся всѣ дни твои вЪ похвалу Ему. КолЬ слабЪ, колЬ безпомощенЪ самЪ себѣ рожденный отЪ жены! Но рости, яко юный цвѣтокЪ ростетЪ весною; да будетЪ жизнь твоя предЪ ГосподемЪ яко пріятное благоуханіе! Тогда и я радостныя пролилЪ слезы; взялЪ тебя бережно вЪ мои объятія, и рекЪ: Радуйся, матерь человѣковЪ! Буди препрославленЪ ГосподЬ, спомоществовавый

 тебѣ

тебѣ въ болѣзняхъ твоихъ! Радуйся о Каинъ! первый отъ человѣкъ съ болѣзнію отъ жены рожденный! Радуйся, начиная жить на сей землѣ, дабы шествовать напротиву смерти! О Боже! воззри милостиво съ высоты Небесъ на слабую свою тварь, и излей Свое щедрое благословеніе на расцвѣтающую его жизнь. Коль сладостно будетъ мнѣ возвѣщать младой его душѣ о чудесахъ Твоея благости! Рано и поздно стану я наставлять юныя его уста славословить Тебя, Господи! Тако, о матерь человѣковъ! тако безчисленныя племена процвѣтутъ окрестъ тебя! Сія мирта яко ты была едина, доколѣ нѣжныя отрасли не выникнули отъ стебля матерня; и каждый разъ, когда весна украшала ихъ новымъ убранствомъ, первыя ея отрасли производили другія: и днесь, сія единственная мирта, составляетъ уже малый лѣсокъ, распростирающійся окрестъ насъ далеко. Подобно сему, возлюбленная! (да усладитъ сіе воззрѣлище горесть днешныя твоея болѣзни!) Подобно сему умножатся окрестъ сего холма наши чада. Съ вершины его увидимъ мы разсѣянны по долинѣ спокойныя ихъ кущи: и ежели преждевременная смерть не похититъ

насъ изъ среды оныхъ, узримъ мы ихъ на подобіе рачительныхъ пчелъ, соединенными силами собирающихъ въ кущи свои брашна, выгодности и самыя пріятности сея жизни. Часто станемъ мы низходить съ сея вышины въ ихъ кущи, и богатыя плодоносіемъ сѣни, для посѣщенія нашихъ внучатъ, станемъ имъ повѣствовать о чудесахъ Господнихъ, возбуждать ихъ къ добродѣтели и благочестію, сорадоваться имъ въ ихъ радостяхъ, и утѣшать въ ихъ печаляхъ. Тогда увидимъ мы съ высоты сего холма тысящу домашнихъ жертвенниковъ курящихся окрестъ, и дымъ всесожженій покроетъ наше жилище святыми облаками, сквозь кои станутъ проницать теплыя наши молитвы за человѣческій родъ; и когда настанетъ торжественный день завѣта, и снидетъ небесный пламень на первый и святѣйшій жертвенникъ, тогда соберутся они на холмъ, и мы пошествуемъ посредѣ ихъ для принесенія жертвы, во время коея станутъ они колѣнопреклонно окрестъ насъ въ широкомъ кругѣ.

Тако вѣщалъ я, *Каинъ*, во сладостномъ моемъ возхищеніи, и цѣловалъ съ нѣжною радостію твои ланиты! Тогда

да матерь твоя пріяла тебя паки во слабыя свои объятія, и я помогъ ей востати съ муравы, и препроводилъ болѣзнующую въ наше жилище.

Вскорѣ бодрость и сила оживотворили малые твои члены; веселіе и смѣхи явились на очахъ твоихъ и ланитахъ. Уже нѣжныя твои ноги начинали скакать по цвѣткамъ и муравѣ; ужѐ малыя твои уста начинали косноязычествовать юныя размышленія, когда *Епа* произвела на свѣтъ *Мегалу*, твою возлюбленную. Исполненъ радости прыгалъ ты тогда окрестъ новорожденныя, цѣловалъ ее, и осыпалъ ее срываемыми тобою цвѣтками. По семъ родила *Епа*, тебя *Апель*, и напослѣдокъ *Ѳирсію*, твою любезную содругу. О колико сладостная восхищала насъ радость! когда взирали мы на младенческія ваши игры, на ваши неповинныя забавы, и какъ юныя ваши души, искушая произрастающія въ себѣ силы, мало по малу достигали своея зрѣлости. Тогда внимателъное наше попеченіе тщалося каждую вашу склонность предостеречь отъ искаженія, дабы процвѣли онѣ яко душистый пучокъ весеннихъ цвѣтковъ, и ставъ соединенны, исполнилися бы пріятнаго

бла-

благоуханія добродѣтели. Ибо, когда еще вы играли младенскимъ образомъ на лонѣ моемъ, усмотрѣлъ уже я, что рожденный человѣкъ во грѣхѣ толикую имѣетъ нужду въ удобреніи, яко и проклятая Богомъ земля; и едиными токмо прилѣжными попеченіями возращаются дарованія и благородныя склонности. И се уже стали вы въ совершенномъ возрастѣ, яко младыя древца становятся напослѣдокъ плодоносными древами. Благословенъ буди Господь, оказавый на всѣхъ насъ толь многія чудеса Своея благости! Не изгоняйте никогда изъ сердецъ вашихъ нѣжныя любви и чистыя добродѣтели, то благодать и благословеніе небесъ водворятся навсегда въ жилища ваши.

Послѣ сего *Адамъ* умолкъ. Яко новобрачный, сидя подлѣ своея возлюбленныя при разсвѣтаніи утренния зари внимаетъ пѣнію соловья; все тогда молчитъ окрестъ онаго; нѣжная его пѣснь, съ ихъ чувствованіями, производитъ въ нихъ живѣйшіе восторги: вдругъ пѣніе прерывается; однакожъ слушаютъ они еще, простирая взоры къ вершинѣ древа, гдѣ воспѣвала птица; но тщетно, уже не поетъ она болѣе, и другія птицы щебечутъ смятно разногласныя свои пѣсни:

тако *Адамовы* чада, когда престалъ уже вѣщать, преклоняли еще къ нему внимательное ухо. Различныя случайности его сказанія колебали различно ихъ сердца; иногда ланиты ихъ покрывалися блѣдностію и слезами, иногда радостію и веселіемъ; всѣ они воздали благодареніе Отцу человѣковъ: *Каинъ* возблагодарилъ также; но будучи твердѣе душею, единъ онъ не плакалъ ниже осклаблялся.

Конецъ вторыя пѣсни.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Исходящимъ имъ изъ сѣни, объялъ нѣжно *Авель* брата своего; и потомъ, при освѣщающей лунѣ стези ихъ, шествовали они, каждая чета во свою кущу. *Авель* лобзая супругу свою рекъ: „ Какая радость напояетъ душу мою! братъ мой. . . ахъ! братъ мой не гнѣвается болѣе, и хощетъ меня любить! О колико восхищаютъ меня слезы въ день сей по ланитамъ его текшія! нѣтъ, роса не оживотворяетъ толико весну, колико сіи слезы меня оживотворяли. Яря-

ща-

щаяся въ душѣ его буря утишилась, и спокойствіе и радость паки водворились въ насъ. О Ты, съ безконечнымъ милосердіемъ первосозданныхъ Соблюдавшій, когда уединены великую обитали они землю, ахъ! повели бурѣ, да никогда не подвижется она въ душѣ его!

Ѳирсія обьяла его, и радостное восхищеніе одушевило ея глаголы: „ Тихій дождь не оживляетъ толико опаленную паству, рекла она; возвратившаяся весна по первой суровой зимѣ, не столь много восхитила уединенно на землѣ обитавшихъ, ахъ! колико меня восхитили сіи слезы и брата нашего возвратившаяся любовь! О благословенный часъ! юность и свѣтлое веселіе возвратилися на чела родителей нашихъ, радованіе и восторгъ каждаго напояетъ грудь. Ахъ благословенный часъ! мнѣ зрится прекраснѣе Естество, и блескъ твой яснѣе, о ты тихогрядущая луна! . . . Тако изъ устъ ея гласила радость.

Между тѣмъ и *Каинъ* шествовалъ въ сѣнь свою совокупно съ *Мегалою*, нѣжно взиравшею на него. Она принесла руку его ко устамъ своимъ и рекла: „ Любезный мой! какое равнодушіе образуется на челѣ твоемъ? не уже ли воз-

вратившееся спокойствіе въ сердце твое не может пролить веселія во твои очи, и разгладить чела твоего морщинъ? Хотя и всегда мужественный разумъ твой всякое умѣрялъ веселіе и сокрывалъ его въ твоемъ сердцѣ, но о возлюбленный! какъ тогда изъявлялася радость и восторгъ на ланитахъ каждаго, и изъ каждаго лилася ока, когда ты умиленно лобзалъ брата своего! Тогда Превѣчный благословлялъ тебя со престола Своего, и летающіе вокругъ насъ Ангели радостныя проливали слезы! Благоволи; о мой любезный! нѣжной любьви моей, благоволи воскипѣвшей радости моей, да объиму тебя.„ Тако вѣщая, съ горячностію прижимала она его ко груди своей.

Каинъ обълялъ ее и рекъ: „Избыточественная радость твоя оскорбляетъ меня! не то ли, какъ бы во слухъ вѣщаетъ она мнѣ: *Каинъ* днесь исправился; а прежде былъ онъ строптивый, порочный мужъ, братоненавидецъ. Толико порочен не былъ я, и. . . смѣшонъ! ненавидѣлъ ли я брата моего, ежели не гонялся за нимъ со слезами и со объятіями моими? Никогда ненавидѣлъ я брата моего; нѣтъ, никогда: но его мягкосердечное, женообразное существо,

вся-

всякую похищало у меня къ нему склонность; и оно... оно оскорбляло меня! но... *Мегала*! не всуе размышленія собираютъ морщины на чело мое. Отецъ нашъ всегда неблагоразумно творилъ, предая намъ постыдную своего грѣхопаденія повѣсть, и всѣ злотворныя послѣдствія его. На что вѣдать намъ и частыя повторенія внимать, что его и *Евиною* виною потеряли мы рай, и ихъ виною днесь нещастны стали? Не вѣдая сего, бѣдствіе наше терпѣливѣе бы мы сносили, и не скорбѣли бы о утратѣ, о которой бы тогда въ невидѣніи пребывали." *Мегала* удержала горькія слезы, взирая на супруга своего, яко бы извиняяся въ дерзости отвѣта, нѣжнымъ гласомъ ему рекла: „Ахъ не гнѣвайся, любезный мой! что не могу я удержати слезъ моихъ! не гнѣвайся, естьли смѣю тебя просить! увы! берегись, дабы разгнанныя унынія тучи паки не совокупилися на главу твою! просвѣти душу свою, и не созерцай тамо бѣдствія и скорьби, гдѣ безконечную благостыню и человѣколюбіе зрѣти долженствуешь. Не твори упреканій любезному отцу и нѣжной матери повѣствующимъ намъ чудеса, которыя Богъ надъ падшими показалъ: да на-

насадятъ они въ душахъ нашихъ священную благодарность и твердое упованіе на Него. Увы! не твори имъ упреканій! имъ, которыхъ каждая безпокойствія слеза, каждое бѣдствія чувство въ нашихъ движеніяхъ зримое, неизреченною горестію терзаетъ. Пожени, о возлюбленный! пожени возникающее негодованіе, да не возвратится оно паки въ сердце твое, и да не объиметъ скорбнымъ мракомъ и твои и наши дни!,, умолкла, и одожденными отъ слезъ очами взирала на него. Тогда во грозныхъ *Каиновыхъ* взорахъ дружеская явилася усмѣшка.,, Я пожену его, пожену возникающее негодованіе; объими меня, любезная, никогда не покроетъ оно скорбнымъ мракомъ твои дни и мои. Тако рекъ ея лобзая.

Ужè давно *Анамелехъ*, (тако нарицаетъ его адъ) соглядалъ *Каиновы* поступки; хотя и былъ онъ низшаго степени духовъ, но въ гордынѣ и любочестіи неумѣреннѣе былъ сатаны. Часто гнушаяся клевретами своими, удалялся онъ отъ нихъ, во уединенную страну ада, гдѣ извивалися по раскаленному полу сѣрные ключи между зловонно курящимися горами, которыя мрачные верь-

хи

хи ко своду адскому возносяя успокоенныя бурныя ночи сокрывали, и ужасное блистаніе окрестъ горъ возвивающагося и со облаками спирающагося пламени разстилало смурный сумракъ на черную тьму его пущи. Тогда, какъ адъ кичливымъ шумомъ восклицалъ побѣду и хвалы царю своему, изъ новаго творенія воспятившемуся и со престола своего повѣствовавшему, како обольстилъ онъ новосозданныхъ и принудилъ Владыку небесъ на новое твореніе рукъ своихъ произнести проклятіе и смерть; тогда воскипѣлъ черный ядъ зависти во груди его. „Подобаетъ ли ему токмо и во кругъ Престола Его гордо сидящимъ, стяжати славу и честь? И мнѣ ли между презрительною толпою неуважаему во тьмѣ ада пресмыкатися? Нѣтъ, я изобрѣту способы, о коихъ удивится адъ; и тогда. . . . тогда самъ Сатана, яко подлѣйшій во адѣ, со трепетомъ имя мое наречетъ! „Тако размышлялъ *Анамелехъ* и во удивленіи злокозньствовалъ запустѣніе вселенныя и бѣдство и сѣтованіе человѣкамъ. И удалось ему, что самъ адъ со изумленіемъ имя его нарицалъ. Онъ бо, который потомъ злочестиваго онаго напустилъ Царя, Виѳлеемскихъ не-

злобивыхъ побити младенцевъ; осклабляяся взиралъ онъ, какъ вочеловѣчившіеся діаволы звѣрствовали надъ ними, раздробляя ихъ объ обагренныя кровію стѣны, или обоюду острымъ мечемъ въ объятіяхъ вопіющихъ матерей разсѣкая. Тогда возлетѣлъ онъ на высокіе зубцы града, и съ кичливостію внималъ воплю умирающихъ чадъ и рыданію безутѣшныхъ матерей; съ адскою зрѣлъ радостію, како юные трупы разтерзанны и глубокими ранами изъязвленны лежали разметанные по стогнамъ, и подъ окровавленными стопами бѣгающихъ по нихъ скрежещущихъ убійцъ; и како матери и отцы и братія и сестры ихъ болѣзненно рыдая, въ невинной плавали крови,

,,Я взыду, тако вѣщалъ онъ, взыду на землю; да испытую, что то есть, *Ты умрешь*; взыду и умерщвлю.,, И се стремится онъ изъ вратъ ада, по проложенному Сатаною пути, чрезъ ветхую нощь и чрезъ возмущенное царствіе *Хаоса*. Тако вооруженный корабль, которымъ по пространному морю разбойникъ управляетъ, пловетъ разширенными вѣтрилами въ нощи, днесь пристаетъ онъ ко брегамъ Есперидскимъ,

скимъ, гдѣ на спокойныхъ обитателей нѣкоего села нападаютъ грабители и цвѣтущее онаго юношество плѣняютъ; тогда родители и сестры и безутѣшныя невѣсты рыдая на брегѣ, вопіютъ удаляющемуся во слѣдъ хищнику. Быстро, но долго однако же заблуждаетъ онъ во тьмѣ незданнаго царствія нощи, доколѣ на предѣлахъ міра не освѣтили его отдаленнѣйшіе солнцы. Яко душегубецъ, идущій нощнаго ради смертоубійства темнымъ вечеромъ въ царственный градъ, который подобно же безчисленными озаренъ свѣтильниками предлежитъ ему, робко вкрадывается въ оный, и каждыя озаряющія его удаляется свѣщи; тако боязливо прокрадывался отверженный чрезъ мірозданіе на землю. Недолго носился онъ надъ нею, да обрѣтетъ мѣсто обители чоловѣка: острый, проницающій его взоръ скоро оное обрѣлъ; и онъ низвергнулся съ высоты тверди въ тѣнистую рощу. „Се земля, вѣщалъ, надъ которою Сый проклятіе изрекъ: со горнія высоты зрѣлъ я подъ собою рай пламенными мечами стрегомый; прекрасенъ онъ, и небеснымъ удоліямъ подобенъ: его то потеряли они? Однако земля сія не есть же адъ! можетъ быть

ра-

раболѣпною молитвою служающіе умѣрили гнѣвъ Его; можетъ быть грубое тѣло ихъ предано такимъ мукамъ и страданіямъ, которыя на тѣлахъ чистыхъ ѳирныхъ духовъ дѣйствія производити не могутъ; и потому здѣсь могъ бы я благополученъ быти, ежели бы адъ не во всѣ мѣста слѣдовалъ за мною. Я зрю здѣсь странствующихъ Ангеловъ, и долженствую брещися избѣгнуть ихъ соглядатайства, да не воспятятъ мнѣ во предпріятіяхъ моихъ. Тамо упражненныхъ на холмѣ зрю я падшихъ; но не зрятся бѣдствующи они: можетъ быть бѣдствія ихъ начнутся вдругъ по смерти. . . . Я искушу ихъ, и убію: и доведу ихъ до такого дѣйствія, . . . ибо сердце ихъ по видимому, ко всякому отверзто обольщенію; и ежели удалось сіе Сатанѣ чрезъ легкій обманъ, когда еще были они совершенны, то колико же способнѣе можетъ сіе исполнитися теперь, когда они болѣе несовершенны суть и прокляты. . . . Доведу ихъ до такого дѣйствія, чтобы со ужасомъ полетѣли Ангели отъ земли, и Оный, сотворивый ихъ, раздробилъ бы громомъ своимъ, или бы низринулъ ихъ во глубину ада; и тогда съ чернаго брега взирая громогласно посмѣемся мы, како

во пламенныхъ волнахъ тартара плавати будутъ сіи лѣпообразные обитатели новаго міра! тамо на нивѣ стоитъ единъ мрачное имѣя чело; ежели бы могъ я чертамъ лица его вѣрить, то великія бы произвелъ чрезъ него дѣла. Пойду къ нему и каждую склонность его, каждую мысль его испытаю." Рекъ, и невидимъ скитался между человѣки, злохитро обманъ и смертоубійство умышляя.

И днесь леталъ отверженный возлѣ *Каина* и супруги его, разглагольствія ихъ внимая. Едва вступили они въ сѣнь свою, остановился онъ и со злобною усмѣшкою рекъ: „Берегись, дабы не совокупилися паки разгнанныя унынія тучи на главу твою. Пожени возникающее негодованіе... Бѣдный противоборецъ! благо никогда не прозябетъ на упрямой землѣ твоей; я всегда исторгати его стану. А разгнанныя унынія тучи... мрачнѣе и мрачнѣе соберу я ихъ на главу твою, яко облака вѣчною тьмою верьшины адскихъ горъ покрывающія. Легкій трудъ! ты самъ паки собираешь ихъ! а мнѣ только споможествовать подобаетъ. О сладкое упражненіе! я помогу тебѣ собрати ихъ на чело твое: тогда сѣтованіе и бѣдство, новое, неизвѣстное еще смерт-

ному

ному бѣдство, извергается отъ нихъ во среду человѣковъ; и тогда обуреваемые дни ваши объиметъ тьма, черна яко нощь, которая облекая адъ сумракомъ, не упокоевается никогда! „О уже прiятная возвратилася денница и все сладкихъ пѣсней и веселiя исполнилось; уже *Каинъ* собравъ свои орудiя намѣревался итти на ниву; *Авель* нѣжно поздравилъ его, и хотѣлъ стадо свое на орошенную гнати паству; уже *Мегала* и *Ѳирсiя* готовилися итти во вертоградъ, посредѣ котораго сооруженъ олтарь, когда *Ева* съ горестными изъ сѣни своея вышла движенiями. Скорбнымъ пораженны страхомъ оступили всѣ плачущую: „Ахъ матерь! . . . ты рыдаешь? Ахъ! о чемъ рыдаешь ты? „Тако вопрошали они. *Ева* взирая на нихъ болѣзненными и полными слезъ очами, препинающимся рекла гласомъ: „Ахъ чада! или не слышали вы скорбныхъ воздыханiй изъ сѣни нашея происходящихъ? жестокiе недуги напали въ нощь сiю на вашего отца; и днесь борется онъ съ болѣзнiю, всѣ кости его снѣдающею; со всякимъ борется вздохомъ изъ тяжкодышущей груди его излетающимъ, удерживаетъ стенанiе и тщится меня утѣшати.

шати. О чада! тяжкіе, мрачные страхи возраждаются во умѣ моемъ, и стѣсненное мое сердце всякому утѣшенію днесь загражденно. Часто, когда успокояся не воздыхаетъ онъ, то важными упражняется размышленіями; горестно вращается тогда на ложѣ своемъ, потъ течетъ съ чела его, и удерживаемыя слезы усугубленно лїются изъ его очей. Ахъ предчувствіе! страшное предчувствіе!... ты яко тяжкая гора смятенную угнѣтаешь мою душу! Поддержите меня, о чада! Поддержите несчастную, и поведите въ сѣнь нашу! По семъ слезяща пала она на рамена *Мегалы*, и печальнымъ препровожденіемъ дѣтей своихъ послѣдуемая, вошла въ сѣнь.

Горестны стали они вокругъ ложа отча. Тогда спокойнѣе онъ лежалъ, и лице его и всѣ движенія возвѣщали, колико душа его во обуреваніи терзающія болѣзни владычествовала непреодолима. Съ нѣжною усмѣшкою возрѣлъ онъ на скорбящихъ, и рекъ: „ О любезнѣйшія мои! десница Господня излила недуги на прахъ мой, да свирѣпствуютъ они во утробѣ моей. Хвала Господу все премудро управляющему! можетъ быти повелѣлъ Онъ недугамъ, да разрѣша они

 узелъ,

узелЪ, душу мою ко плоти сей привязующій, возвратятЪ прахЪ землѣ. Тогда сЪ подобающимЪ обоженіемЪ буду я страшнаго ожидати часа и хвалити Владыку живота и смерти, доколѣ не успнетЪ прахЪ; тогда разрѣшенная душа отЪ тѣла, проклятіемЪ обремененнаго, достойно восхвалитЪ Его Да, Всемогущій! толь горделиво благоволищь Ты помышляти душѣ смертнаго. Праведно, да первый я возвращу прахЪ землѣ; но о Всесильный! буди ПоборникЪ мнѣ, благоволи, да всяческое упованіе свѣтозарно водворится вЪ душѣ моей! Не остави, о! не остави меня, когда хладные часы смерти найдутЪ на главу мою, и послѣднія содраганія вострепещутЪ вЪ костяхЪ моихЪ! Не смущайте меня, Епа, и вы любезныя чада! неутѣшнымЪ стенаніемЪ вашимЪ. О! . . . сколь во глубокую, вЪ безмолвную горесть погруженны стоите вы! любезнѣйшія! . . . АхЪ! не смущайте меня стенаніемЪ безутѣшнымЪ! МожетЪ быть сіи страданія суть первые предтечи смерти, которую медленно удаленный еще ведетЪ часЪ; можетЪ быть Господь отзоветЪ недуги изЪ костей моихЪ. Но предуготовьте сердца ваши, да никогда

оти горестію уничижены не будутЪ, когда ОнЪ душу мою воззоветЪ изЪ бренія, отЪ сея земли, отЪ васЪ воззоветЪ меня „ . . . Здѣсь прослезился болящій отецЪ, и смиренно на нихЪ взиралЪ; полный слезЪ взорЪ его на каждаго устремлялся, но долговременнѣе и скорбнѣе на *Епу*. ПотомЪ продолжалЪ онЪ: „ хотя, ахЪ! видѣніе первыя смерти и ужасно будетЪ, хотя поколеблетЪ оно внутренность вашу; но ужаснѣе будетЪ смерть перваго. Да станетЪ ОнЪ поборникомЪ вашимЪ, ОнЪ, который никогда не оставлялЪ насЪ во бѣдствіи, который вЪ страшный не оставитЪ и меня часЪ! Днесь изыдите, чада; грядите и молитеся; можетЪ быть сладкій покой хощетЪ ободрить утомленные мои члены. „

ОтецЪ человѣковЪ умолкЪ, и слезящія чада преклонилися облобызати томную его десницу. „ АхЪ, отче! тако вопіяли они, мы пойдемЪ колѣнопреклонно молитися о тебѣ; да облегчительное успокоеніе сладко распространется по твоимЪ членамЪ; и, о! да услышится молитва наша: чтобы прежде возбужденія твоего, отъялЪ Господь болѣзни отЪ костей твоихЪ. „

Тихо воздыхая отступили дѣти отъ ложа его и вышли изъ сѣни; токмо *Ева* осталась въ ней. „Теперь хощу я предатися сну, рекъ *Адамъ*; но не слези, о дражайшая моя супруга! или мое возбужденное страданіе прогонитъ приходящій сонъ.„ По семъ укрылъ онъ лице свое въ облекающую его кожу, и тщательно воздерживался соблюсти отъ жены своея лютую болѣзнь, смятенную душу его терзавшую. „Ты ли, тако размышлялъ онъ въ себѣ, ты ли престрашный часъ? такъ, се ты! Сколь лютообразно носишься ты надо мною! О, Боже! Боже! не оставь меня грѣшнаго! Но колико ни ужасенъ ты, былъ бы мнѣ утѣшеніемъ, хотя бы наипаче былъ еще ужаснѣе, ежели бы могъ я умрети за всѣхъ, за всѣхъ прейти во персть единъ! Но и они послѣдуютъ мнѣ; надъ всякимъ бо женою рожденнымъ распрострешь ты, о смертный часъ! нѣкогда твои ужасы, твои трепета преисполненныя тьмы: ибо что иное можетъ изъ чреслъ моихъ произыти, какъ не грѣшникъ смертный? Что отъ меня ни получитъ жизнь, должно умрети! Увы! отъ васъ смертію удалиться, отъ васъ, которые днесь окружая меня рыдали,

уда-

удалиться отъ любезнѣйшихъ, которые жизнь мою тысящею сладчайшихъ украшали радостей. . . *Ева*, о дражайшая супруга! колико будешь ты лежащая на прахѣ моемъ рыдати! да, о страшное, трепетное видѣніе! не поколеблется ли тогда почивающій прахъ мой, когда осиротѣвшія чада оплакивати будутъ успшихъ родителей, и безпомощные родители утѣху старости своея единороднаго сына, а братія сестру; когда нѣжная супруга возрыдаетъ на трупѣ мужа, и на трупѣ отрока восплачется невѣста? О не клянитe меня чада! не клянитe почивающій прахъ мой! достойно есть приближающаяся смерть трепетомъ и страхомъ вооруженна; достойно ощущаемъ мы все бремя проклятія въ послѣдній часъ, въ часъ, который насъ изъ сей грѣховной извлекаетъ жизни; хотя онъ и разлучаетъ съ душею возмущенный прахъ сей, дабы прекратилося проклятіе и она учинилася блаженною, дабы со всею слабостію, со всякимъ несовершенствомъ препиралася она, и стремилася къ добродѣтели! Не клянитe, о чада! прахъ мой; жизнь сія не есть жизнь, но прерывчивое мечтаніе распущающійся къ жизни шипокъ. Газ-

сыпьтеся о горы подавляющія мою душу! Умру я, и. . . тогда, прейду въ животъ ожидаю днесь вѣчность, яко чадолюбивый отецъ, во свѣтозарное весеннее утро первый воспрянувъ отъ сна, ожидаетъ при восходящемъ солнцѣ возбужденія любезнѣйшихъ своихъ и пришествія во объятія его. „ Тако размышлялъ *Адамъ*; и сладкій потомъ нашелъ на него сонъ съ облегченіемъ и покоемъ.

Между тѣмъ сидящая о страну его *Ева*, воздѣвъ руки, плакала; и дабы не возбудити спящаго, тихо вѣщала: „ Увы! что я чувствую! Меня, бѣдоносное слѣдствіе грѣха, о проклятіе! меня угнѣтай сугубымъ бременемъ своимъ, пролей всяческія страданія сугубо на меня! Какій недугъ, какое бѣдствіе ни претерпѣваете вы, то все отъ единыя меня происходитъ! Ахъ! всякая болѣзнь, всякое бѣдствіе чувствуемое вами, меня усугубленною грызетъ болѣзнію: я первая согрѣшила! Ежели ты умрешь! . . . О колико содрагаюсь я! какій хладный объемлетъ меня страхъ! послѣдній смертный страхъ ужаснѣе быти не можетъ! . . . Ежели ты виною моею умрешь, *Адамъ*! увы! тогда, какъ послѣдній смертный трепетъ объ-

имет

имет тебя, не взирай со гнѣвнымъ презрѣніемъ на меня, не кляните меня тогда, о чада! не кляните меня бѣдную тогда! хотя и ни каковаго упреканія изо устъ вашихъ не исторглось; но ахъ! не всякій ли вашъ вздохъ, не всякая ли слеза ваша есть мнѣ мучительнымъ упреканіемъ? о Всемогущій! внуши, ахъ! внемли слезную молитву мою, прекрати недуги его; или когда они предтечею смерти суть и тѣло его долженствуетъ возвратитися землѣ, . . . о страшное помышленіе! . . . то не разлучи тогда меня съ нимъ; благоволи возлѣ него мнѣ умрети, и приими прежде мою душу, да не увижу смерти его: я бо первая согрѣшила. „ Умолкла и безутѣшно рыдала возлѣ спящаго.

Грядущу *Каину* на ниву, обсохли слезы на ланитахъ его, и онъ тако рекъ: „ прослезился я при ложѣ родителя; воздыханія его и глаголы поразили мою душу; однако же. . . . не умретъ онъ, того я уповаю. О Боже! не даждь умрети любезнѣйшему отцу! да, прослезился я; но не могъ какъ братъ мой рыдати; толь женоподобенъ быти я не могъ. Се и днесь рекутъ, *Каинъ* твердаго сложенія и днесь, что *Авель* наипаче

паче отца любитъ, понеже я не стеналъ какъ онъ? Я люблю родителя, нѣжно люблю его какъ и онъ; но не могу повелѣти слезамъ проливаться. „

Исполненный сѣтованія *Апель* влекся на паству, и еще слезы лилися изъ его очей. Днесь повергнувыйся на землю, преклонилъ онъ чело свое во цвѣты омоченные слезами муравы, и тако молился Господу, со глубочайшимъ благоговѣніемъ: *Буди благословенъ*, о Ты безпредѣльнымъ благоутробіемъ и премудростію участь смертнаго Ведущій! изъ горести нашея дерзаю я молити Тя, ибо соизволилъ Ты грѣшнику къ Тебѣ взывати. Хотя и не подобаетъ уповати мнѣ, дабы измѣнилъ Ты пути премудрости Своея, ради услышанія мольбы вопіющаго червя: мудры бо и благи суть *пути* Твои, о Господи! но утѣшенія и крѣпости во бѣдствіи молю. И ежели не противно путямъ премудрости Твоея, то даруй намъ. . . о! даруй ей мужа; ей, которая неутѣшима надъ нимъ рыдаетъ; даруй ей того, который блаженство и бѣдствіе раздѣлялъ съ нею, и свою жизнь съ ея жизнію, яко воединую сплелъ! Даруй стенящимъ чадамъ дражайшаго отца, прогони часы

смерти

смерти его до дней дальнѣйшихъ! помованію Твоему, о Господи! повелѣвающу, изчезнутъ ярящіеся недуги; и радость и восторгъ и препинающееся благодареніе отъ сѣней смертнаго возникнутъ къ Тебѣ. Даруй должайшее между нами пребываніе давшему намъ бытіе! да долговременнѣе проповѣдуетъ онъ намъ безпредѣльное милосердіе Твое; да долговременнѣе сыновъ и дщерей нашихъ, косноглаголющихъ внуковъ своихъ, поучаетъ хвалити Тя. Но ежели премудрость Твоя предуставила, да умретъ онъ... Ахъ! прости горести, изнеможенный языкъ мой запинающей и колеблющей утробу мою!... Да умретъ мой отецъ!... То буди поборникомъ ему во преисполненный ужаса часъ, въ часъ изтлѣнія праха его! Прости тогда нашему рыданію и скорби, и низпосли утѣшеніе и крѣпость къ понесенію нашего бѣдства! Не остави насъ въ горести нашей, подкрѣпи насъ, да не уничижимся въ сѣтованіи нашемъ, и да восхвалимъ премудрость Твою и въ самыхъ скорбѣхъ нашихъ.

Тако съ подобающимъ смиреніемъ повергнувшійся на землю молился *Апелъ*. И се внемлетъ онъ тихій шумъ, и обо-

нкетъ пріятную воню исполнившую страну; подъявшу ему главу свою отъ земли, зритъ еднннаго отъ Ангеловъ Хранителей, небесною красотою облеченнаго, ему представша. Розы вѣнчали его чело, уста его были прелестны, яко весенняя денница; и сладкотекущимъ гласомъ онъ рекъ ему: „ Друже! Господь внушивый моленіе твое, повелѣлъ мнѣ облещися во твердое тѣло, да утѣшеніе и уврачеваніе въ сѣтованіи вашемъ принесу вамъ. Предвѣчная Премудрость, всегда о благѣ каждыя твари бдящая, равно и о пресмыкающемся печется червѣ, яко же о свѣтоносномъ Ангелѣ; Она благоутробно повелѣла землѣ, да прозябетъ изъ нѣдръ своихъ цѣлебныя зелія на пользу обитателямъ ея, которыхъ тѣло днесь болѣзнямъ и всѣмъ злотворнымъ втеченіямъ отверсто, каковыя Естество послѣ проклятія на нихъ испускаетъ, дабы они истлѣніе предводили. Зри и виждь, друже! травы и цвѣтки изъ числа оныхъ цѣлебныхъ зелій. Иди, и уваря ихъ въ чистой изъ источника водѣ, даждь болящему отцу здравіе въ питіи.,,

Ангелъ вручивъ ему цвѣтки и травы невидимъ бысть; а *Апелъ* неизглаголан-

толаннаго восхищенія преисполненный возопилъ: „О Боже! что есмь я, грѣшный во бреніи, что толико благоутробно внимаеши Ты моленію моему? Како смертный можетъ благодарити Тя? Како можетъ онъ достойно Твою безконечную превозносити благостыню? Не можетъ сего смертный: ахъ! пѣсни хваленія Ангеловъ сему недовольны!„ Быстротекущъ спѣшитъ онъ въ радости, придающей ему крылія, къ сѣни своей, и съ тороплибымъ нетерпѣніемъ пріуготовляетъ цѣлебное питіе. Потомъ стремится въ сѣнь отчу, гдѣ *Ева* при ложѣ его рыдающая сидѣла, и *Ѳирсія* и *Мегала* прискорбны стояли возлѣ ея. Удивленны зрятъ они заботливую его поспѣшность, радость во очахъ его и смѣхи на его ланитахъ. „О мои возлюбленныя! вѣщалъ онъ, восхвалите Господа, и отрите скорбныя слезы со очей вашихъ: Человѣколюбецъ, внявъ молитвѣ нашей, низпослалъ намъ помощь. Молящемуся на паствѣ явился Ангелъ мнѣ, и вручилъ цѣлебныя травы. Увари ихъ въ чистой водѣ, повелѣвалъ онъ, и даждь отцу твоему здравіе въ питіи. Съ восхищеннымъ удивленіемъ внимали онѣ его слову; и хвалу и благодареніе

Жизно-

Жизнодавцу возгласили ихъ уста. Днесь пріявъ отецъ благовонное питіе, возсталъ на одрѣ своемъ, и со благоговѣйнымъ смиреніемъ благодарилъ Господа; потомъ взявъ десницу сына своего, нѣжно прижалъ ее къ ланитамъ своимъ, и омоча слезами рекъ: „О сынъ, любезный сынъ! буди благословенъ! ты, чрезъ котораго низпосылаетъ Всесильный помощь мнѣ, котораго добродѣтели благоволяетъ Господь, и котораго моленіе столь милосердо Онъ внушаетъ, буди благословенъ! „ и *Епа* и дщери ея пришедъ обьимали *Апеля*, чрезъ котораго Богъ послалъ Свою благодать.

Обьимавшимъ имъ его тако, *Каинъ* возвратился съ нивы. „Боязненныя попеченія терзаютъ меня, рекъ онъ; пойду къ сѣни родителя; можетъ быть моя потребна помощь; и ахъ! можетъ быть онъ умретъ, а я злополучный, не приму послѣдняго благословенія изъ устъ его! „По семъ спѣшитъ онъ съ поля. Удивленный созерцаетъ онъ радость и нѣжныя обьятія, и внемлетъ отца благословяща сына, какъ восхищенная *Мегала* къ нему устремившаяся обьемлетъ его и повѣствуетъ, како Господь чрезъ *Апеля* низпослалъ имъ благодать.

Каинъ

Каинъ приступивый къ ложу отчу, лобзаетъ десницу его и речетъ: „Радуйся, отче мой, да препрославленъ будетъ Господь паки намъ тебя даровавый! . . . Но отче! развѣ не имаши благословенія мнѣ? Его благословилъ ты, чрезъ котораго вспомоществовалъ Всесильный, благослови и меня, отче, есмь бо первенецъ твой! „ Нѣжно возрѣлъ на него *Адамъ*, сжалъ руку сыновню своею, и рекъ: „О *Каинъ*, *Каинъ*! буди благословенъ! . . . О ты первенецъ изъ чреслъ моихъ произшедый! буди Господня благость надъ тобою! да водворится навсегда миръ въ сердцѣ твоемъ, и непрерывный въ душѣ твоей покой! „По семъ обратился *Каинъ* ко брату, обълялъ его, (како могъ бы онъ не объяти его, когда всѣ нѣжнаго восхищенія исполненны объимали его?) и вышелъ изъ сѣни, удаленными стезями проходя во мрачныя кущи; тамо остановился онъ въ тихой задумчивости, и рекъ: . . . Покой, непрерывный въ душѣ твоей покой. . . Какъ возможно. . . мнѣ спокойну быти? . . . Не долженъ ли я былъ благословеніе прозьбою исторгнути, которое не умолкаемо благословляя брата изо устъ происходило? Пусть я первенецъ;

нецЪ; великое преимущество! но я, злополучный, первое токмо имѣю право кЪ бѣдствію и презору. ЧрезЪ него вспомоществовалЪ Господь, и ему никакое пособіе не отреченно, дабы предпочтительно мнѣ учинити его любезнымЪ. Должны ли они уважати меня, меня, котораго не уважаетЪ Господь, и котораго Ангели не уважаютЪ? Мнѣ не являются они, гнушаяся проходятЪ мимо меня; и когда до утомленія членовЪ воздѣлываю я ниву, и потЪ сЪ запекшагося течетЪ моего лица, тогда гнушаяся проходятЪ они мимо меня, ища его, который изнѣженными руками играетЪ во цвѣтахЪ, или празденЪ стоитЪ у агнцевЪ, или отЪ избытка нѣжности своея нѣсколько проливаетЪ слезЪ, что тамо, гдѣ низходитЪ солнце, багряныя творятся облака, или что роса на пестрыхЪ свѣтится цвѣтахЪ. Горе мнѣ первенцу сущу! ибо по видимому проклятіе на одного меня, или по крайней мѣрѣ тягчайшее онаго бремя, устремленно. Ему все сорадуется Естество, а я токмо единЪ снѣдаю хлѣбЪ свой вЪ потѣ лица своего, токмо единЪ я злополученЪ. „Тако мрачными обуреваемЪ размышленіями, скитался онЪ вЪ кущахЪ.

Низ-

Низпустившуся солнцу за осѣненные лазурію холмы, и распространившу вечернюю багряность на раскаленные облака и на всю окресность, рекъ тогда *Адамъ*: „Солнце низпускается за холмы, и я хощу изъ сѣни моея въ зеленый изыти вертоградъ; хощу прежде скончанія дня восхвалити Господа уврачевавша мя. „И се возсталъ онъ съ ложа своего: юнолѣтняя возвратилася во члены его сила; и *Евa* и дщери ея провождали его въ возращенный предъ сѣнію вертоградъ. Величественно зрѣлося вечеряющее солнце во удоліи; и *Адамъ* преклоня колѣна, восхищенными обозрѣвалъ очами пріятно озаренную окрестность, и со преисполненнымъ высокопочитанія благоговѣніемъ воззвалъ: „Се, Всемогущій! се паки предлежу я лицу Твоему, и прославляю неизчерпаемое милосердіе Твое! Куда сокрылися вы, о недуги? Вы снѣдали внутреннюю мою, но душа моя изъ челюстей вашихъ исторглась, уповая на Господа. Внушившу Человѣколюбцу молитву нашу, и вершившу взоры свои съ небесъ долу, престали недуги свирѣпствовати во мнѣ; и здравіе и крѣпость возвратилися паки въ кости моя. Еще не долженствуетъ

смерть

смерть восхитити мой прахъ, еще подобаетъ мнѣ во смертномъ тѣлѣ хвалити Тя, и наипаче познати нескончаемаго благоутробія Твоего чудеса, яже удивляеши Ты надъ сущими во прахѣ человѣки. Буду хвалити Тя, о Безконечный! отъ паденія утренния росы до восхожденія луны. Изъ сего бреннаго трупа душа моя будетъ возклицати благодареніе Тебѣ и хвалу, доколѣ не истлѣетъ онъ; и тогда, о безпредѣльно Благій! тогда торжествующая надъ бреніемъ носитися будетъ душа грѣшнича, и созерцати жизнь и величіе твое. А вы, о свѣтоносные Ангели! низзрите во обитель грѣшничу, во обитель смерти верзите взоры. Земля сія, (холмы ея восколебались и увяла ея весна, когда палъ грѣшникъ, и когда отвращали вы отъ насъ свой зракъ,) есть бо позорищемъ неисчерпаемаго милосердія Его; низзрите, и достойно восхвалите ея священнымъ удивленіемъ возхищенны; а человѣкъ, ахъ! человѣкъ удивленіе свое токмо слезами и препинающимися глаголами изобразити можетъ! Благословенно ты буди, паки мною зримое, прекрасное солнце, доколѣ не низпустишься ты, благословенно буди! Утренній твой

лучь

лучь блисталъ за кедрами, когда стенящъ лежалъ я въ болѣзни и освѣщающаго сѣнь мою съ воздыханіемъ его благословлялъ; днесь вечерній лучь твой за холмами блистаетъ; и я колѣнопреклонно благодарю Господа прежде захожденія твоего исцѣлившаго мя. Будите благословенны высокія горы, и холмы разсѣянные по лугамъ! еще око мое будетъ озаренныхъ васъ утреннею и вечернею багряностію зрѣти. Благословлю и васъ хвалу поющія птицы! еще пѣсни ваши будутъ оглашати ухо мое, и рано возбуждати меня ко прославленію Творца. О журчащіе источники, будите благословенны! еще уды мои на брегахъ вашихъ почивати будутъ, и пріятный вашъ шумъ сладкій производити сонъ. А вы, о кущи, купины, сѣни! паки въ тѣни вашей буду я во важныя размышленія погруженъ, уединенный прохождати; и еще прохлажденіе ваше будетъ изливатися на главу мою. Буди благословенно, о всецѣлое прекрасное естество и препрославленно буди имя Господа, Господа недуги моя Уврачевавшаго, и Соблюдающаго прахъ мой, да не истлѣетъ онъ!„

Тако молися Господу отецъ человѣковъ. Безмолвное естество казалось соторжествующимъ молитвѣ его, и міры сорадующимися ему паки живу сущу. Наиприятнѣе простирало солнце послѣдніе свои лучи въ вертоградъ, и погрузилося за холмъ; цвѣтки испущали юнымъ вѣтрамъ въ награду вѣянія ихъ сладостное благоуханіе; и птицы перепорхивая по вѣтвямъ пѣли согласнѣе вокругъ его. Днесь и *Каинъ* и *Апель* вступивъ въ вертоградъ съ радостнымъ восторгомъ, узрѣли возвращеннаго имъ отца. Отъ моленія возставъ, объялъ онъ супругу и чадъ своихъ; восхитительныя слезы протекли изъ его очей; и потомъ возвратился онъ паки въ сѣнь свою. Тогда *Апель* рекъ *Каину*: „Возлюбленный! какъ возблагодаримъ мы Господа, внявшаго моленію нашему и даровавшаго намъ дражайшаго отца? Я пойду къ жертвеннику моему, и при восходящей лунѣ пожру Господу юнѣйшаго агнца изъ всего моего стада. Хощешь ли и ты, возлюбленный, итти ко жертвеннику своему и принести Господу жертву?„

Косвенно взирая на него *Каинъ*, рекъ: „Пойду и я къ моему Жертвеннику

нику и пожру Господу, что скудость нивы мнѣ доставляетъ. „ Дружелюбно *Апель* отвѣтствуетъ ему : „ Возлюбленный! Господь мало взираетъ на агнца предъ нимъ курящагося, мало и на нивные плоды, которыхъ истребляетъ пламя ; только бы чистою вѣрою воспламененно было жертвующаго сердце. „

Каинъ возразилъ ему : „ Хотя и скоро спадетъ огнь съ неба и истребитъ твою жертву : ибо чрезъ тебя Господь низпослалъ помощь, а меня тѣмъ не удостоилъ : но я пойду и пожру ему. Истинное благодаренїе пылаетъ во груди моей : исцѣленный бо родитель и мнѣ яко же тебѣ драгоцѣненъ есть. Да устрояетъ Господь о мнѣ бѣдномъ по благоволенїю Своему! „

При семъ *Апель* съ горячностїю палъ на выю брата своего и рекъ: „ Ахъ братъ мой! подобаетъ ли негодованїю обитати во груди твоей, когда чрезъ меня исцѣленъ отецъ нашъ? Господь Уврачевавый его чрезъ меня, милосердо уврачевалъ и всѣхъ насъ. О возлюбленный! побори негодованїе свое : Господь бо, внутренняя наша созерцаяй, зритъ и непристойное негодованїе, и внемлетъ наитищайшїй ропотъ твой. Люби меня,

яко же я тебя возлюбляю! Гряди и жертвуй; но ни чѣмъ, ни каковою нечестивою не помрачи молитву свою страстію: тогда благоутробно Господь приметъ благодареніе и молитву твою, и благословитъ тебя со престола Своего.,,

Каинъ не отвѣтствуя ему, отшелъ на нивы: съ горестію братъ его взиралъ ему во слѣдъ; и шествовалъ потомъ на паству, кійждый ко жертвеннику своему. *Апель* заклалъ прекраснѣйшаго изъ юныхъ своихъ агнца, возложилъ его на олтарь, осыпалъ благовонными вѣтвіями и цвѣтками, и воскурилъ жертву. Исполненный священнаго благоговѣнія, преклонилъ онъ колѣна предъ олтаремъ, и приносилъ Господу отъ чистаго сердца жертву хваленія и благодарности; между тѣмъ воскурился жертвенный огнь высоко видимый въ нощи; и Господь повелѣлъ утишитися вѣтрамъ и спокойно озаритися странѣ: пріятна бо жертва Ему была.

Каинъ возложилъ нивные плоды на олтарь свой, возжегъ жертву и преклонилъ колѣна; мгновенно страшный сквозь кустарники заревѣлъ шумъ, и порывистые исторгшися изъ оныхъ вихри, поту-

потушили жертву и окружили злополучнаго пламенемъ и дымомъ. Со трепетомъ отпрянулъ онъ отъ жертвенника: и се страшный изъ оцѣпеняющія нощныя тьмы произыде гласъ, рекущій: „ По что трепещешь ты и чего ради ужасъ впечатлѣнъ на зракѣ твоемъ? Исправися, и прощу грѣхи твои; аще же не исправишися, то вопіющіе грѣхи и казни ихъ водворятся во кущѣ твоей. По что ненавидиши брата своего; по что праведника озлобляеши, иже любитъ тя, и чтитъ яко первенца? „ Гласъ умолкъ; и *Каинъ* трепетнымъ ужасомъ объятый, бѣжалъ отъ жертвенника, въ темной заблуждаяся нощи: бурный вѣтръ гналъ ему зловоніе жертвеннаго куренія во слѣдъ. Сердце его вострепетало, и хладный изъ членовъ его выступилъ потъ. Между тѣмъ устремя взоры чрезъ пространное поле, узрѣлъ онъ жертвенное пламя брата своего тихимъ извиваніемъ въ нощи восходящее, отвратилъ отчаяніемъ пораженное лице свое и дрожащими устами возопилъ: „ Се. . . се жертва любимца! я! не могу снести сего зрѣлища, и хотя единожды воззрю, . . . Адъ обитаетъ во утробѣ моей, . . . то буду. . .

трепещущими устами буду его проклинать. Истлѣніе! смерть! гдѣ я васъ обрѣту? Приидите ко мнѣ, ко мнѣ окаянному! О отче, отче! по что ты согрѣшилъ! Но какъ мнѣ предстати взору твоему съ симъ блѣднымъ отчаяніемъ во зракѣ моемъ впечатлѣнномъ; да узриши совершенное злополучіе мое, да злополучіе сѣмени твоего возчувствуешь? Нѣтъ, пусть буду я злополученъ, но не отмщуся надъ отцемъ своимъ! хладный ужасъ поразитъ его; и тогда зрѣлище мученія моего усугубится. Такъ! на мнѣ пребываетъ Господень гнѣвъ, проклятіе, презорство! Я бо есмь злополучнѣйшая тварь, обитающая на сей землѣ; звѣри дубравные, пресмыкающіеся черьви зависти моея достойны суть. О Человѣколюбче Господи! ежели Ты, о Справедливый Боже! благоутробенъ быти ко мнѣ можешь, то не истощай болѣе гнѣва Своего на меня; или, ахъ! истреби меня! . . . Но. . . о неистовый злодѣй! ежели исправишися ты, тогда проститъ Онъ грѣхи твои! Избирай, прощеніе или бѣдство! неизреченное, нескончаемое бѣдство! да, я согрѣшилъ; и злопреступства мои крутятся надъ главою моею, требуютъ мщенія отъ Тебя, о Правосудный!

судный! Колико праведно мщеніе Твое, когда по степенямъ удаленія отъ совершенства и блага, бѣдоносно оно: и ахъ! для того и злосчастенъ я! обрати мя съ развращеннаго пути моего! расточи отъ лица Твоего мрачныя злопреступства вопіющія на меня! умилосердися, о Боже! умилосердися, уменьши бѣдствіе мое; или. . . истреби меня! „

Конецъ третія пѣсни.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Еще нощная роса утучняла землю, еще въ молчаніи дремлющія пребывали птицы, еще покоилася въ долинахъ нощь, и блѣдный сверкалъ сумракъ на челахъ горъ, когда мрачными размышленіями обуреваемый *Каинъ* изшелъ изъ сѣни своея. *Мегала*, невѣдуща, что внемлетъ онъ ее, рыдала надъ нимъ въ часы нощные, и воздѣвъ руки молилася объ немъ. Вышедшу ему изъ сѣни, тако роптал онъ: гласъ его во уединенной тишинѣ сумрачнаго утра, какъ дальній слышался громъ. „ Гнусная нощь! коль черные

виды мечтались воображенію моему! ужасЪ за ужасомЪ! но опочило бы воображеніе мое, обсохли бы слезы, и спокойно бы я уснулЪ, ежели бы стенаніе меня не возбудило. АхЪ! не уже ли токмо плачевные стоны возбуждати меня отЪ сна долженствуютЪ? Не уже ли и ни единаго спокойнаго часа не остается мнѣ? О чемЪ рыдала она? обо мнѣ? ОднакожЪ не вѣдаетЪ она обЪ отверженной жертвѣ. О! сего плача, сего воздыханія, сего стона, не могу я пренести! они похитили уже теперь спокойствіе отЪ меня на весь день! Благопріятствующее осклабленіе препровождаетЪ каждое и самое подлѣйшее брата моего дѣло; меня мрачнодумная скорбь во всѣ преслѣдуетЪ мѣста. О *Мегала*! я люблю тебя, какЪ самого себя люблю; но по что огорчеваешь ты краткіе спокойствія моего часы? „

По томЪ остановился онЪ подЪ обѣсившимся сЪ каменныя крутизны кустомЪ и рекЪ: „ Здѣсь, ахЪ! здѣсь не отреки мнѣ помощи твоея, не отреки успокоенія твоего, о сладкій сонЪ! Колико злополученЪ я! изнеможенЪ искалЪ я тебя вЪ сѣни моей; и едва пріятныя распростерЪ ты надо мною крилѣ свои,

какЪ

какъ и должно было гласу болѣзненнаго рыданія возбудить меня. Здѣсь, здѣсь убо никто не востревожитъ меня, хотя уже сама неодушевленная природа гонитъ и въ самыхъ спокойствія часахъ. Соблаговоли мнѣ, о земля! во строжайшемъ проклятіи твоемъ тяжкія требующая работы, продолжительныя жизни ради, или продолжительнаго ради бѣдства . . . соблаговоли краткія, отъ работы сей оставщіяся счастливыя минуты, опочити мнѣ! „ Тако взывая простерся онъ на влажную траву; и вскорѣ темныя крилія свои разширилъ надъ нимъ сонъ.

Анамелехъ каждый уединенія его преслѣдовалъ шагъ, и днесь остановился при немъ рекущъ: „ Тяжкій распростерся на очи его сонъ; лягу я при боку его, и мое преднамѣреніе возбуждающіе сны его понятію представлю. Разумъ, и ты воображеніе! вспомоществуйте мнѣ днесь всею мощію своею; изобрѣтите всѣ предметы, которые бы удобны были въ душѣ его вкоренити грызущую зависть, злобствующій гнѣвъ; и всякую мучительную страсть, ко умноженію ужасовъ бунтующія строптивости его. „ Тако отверженный вѣщалъ, и приползъ

къ боку спящаго. Возлегшу ему, дикій заревѣлъ на вершинахъ древесныхъ шумъ, и порывистый вихрь прореваяся сквозь купины, развѣялъ *Каинопы* власы на чело и на ланиты его. Но тщетно ревѣли древеса, тщетно ударялися власы его о чело и о ланиты; сонъ тяжко простерся на его очахъ.

Сномечтующій зритъ днесь пространное поле уединенными хижинами, обителію уничиженныя бѣдности, населенное, и сыновъ и внуковъ своихъ разсѣянныхъ по оному. Не уважая раскаленныхъ лучей полдневнаго солнца, запекшуюся наготу ихъ пожигающихъ, собирали они съ тяжкимъ трудомъ бѣдности своея избытки; или разрывали землю для новаго посѣва; или нагбенные изъязвленными руками исторгали колючее терніе, оплетающее ихъ нивные плоды, и жадностію своею похищавшее у оныхъ питательные соки; между тѣмъ какъ жены ихъ въ шалашахъ о бѣдномъ хозяйствѣ и о невкусно учрежденномъ пеклися столѣ. *Елiелъ*, первый изъ его сыновъ, (сновидецъ позналъ лице и тѣлодвиженіе его,) пришелъ съ поля угнѣтающимъ бременемъ нагбенный; стулащъ свергъ оное съ раменъ своихъ, и

утомленЪ оперся обЪ него. Коль злополучна наша жизнь! тако тяжко воздыхая вопiялЪ: коликими попеченiями и трудами исполнена она! Коль тягостно лежитЪ проклятiе на *Каиновыхъ* сынахЪ! не уже ли Создавый землю сiю, вовся истребилЪ ее по проклятiи отЪ своего взора? иль можетЪ быть оное только на сыновЪ первенца устремленно! Тамо, во оныхЪ прiятныхЪ удолiяхЪ *Авелевыми* сынами населяемыхЪ; (они вытеснили насЪ изЪ страны тоя и прогнали вЪ пустыни:) тамо, гдѣ они вЪ роскошныхЪ живутЪ прiосѣненiяхЪ, вся природа является всяческими красотами своими нѣжной праздности ихЪ жертвующею; всѣ отрады благополучныя жизни, всѣ нѣжныя утѣхи кЪ онымЪ сладострастнымЪ прешли обитателямЪ; точiю бѣдность и работа при насЪ злощастныхЪ остались. ПосемЪ подгибающимися стопами пошелЪ *Елiель*, со бременемЪ на раменахЪ кЪ хижинѣ своей. Сномечтующiй зритЪ по другую страну неплодныя нивы цвѣтоносные луга, орошаемые чистыми источниками, извивающимися прiятнымЪ теченiемЪ чрезЪ густыя тѣни сводомЪ наклоншихся древ[illegible]; индѣ журчали они, мимо зеленѣющихся сѣней про-

протекая; индѣ между долгихъ рядовъ древесъ, во гладкихъ струяхъ ихъ зрѣлися злаки и многоразлично сіяющіе плоды; индѣ сбѣгалися они во тихій цвѣтоносными брегами осѣненный водоемъ; тамо въ зыблющейся лимонной рощѣ рѣзвились прохлаждающіе вѣтры; здѣсь фиговыя древа далекую на цвѣтки распространяли тѣнь. Ни *Темпейскія* поля и ниже *Гнидійскій* островъ толико прекрасенъ не былъ, гдѣ на прозрачныхъ столпахъ *Венерино* воздвигнуто было капище, и гдѣ со всѣмъ причетомъ своимъ баснословная владычествовала Богиня. Снѣгу бѣлизною подобныя стада паслися въ высокой травѣ и пожинали благоухающіе цвѣтки; между тѣмъ какъ нѣжный и цвѣтками увѣнчанный пастырь, любовную воспѣвалъ пѣснь въ тѣни лежащей и страсть взорами изобразующей отроковицѣ. Въ высокосведенной бесѣдкѣ совокупилися юноши, красотою подобные *Купидону*, и дѣвы подобящіяся *Грацiямъ* прелестьми; гдѣ сладкіе напитки пѣнясь во глубокія истекали чаши, — и пріятно восклицаемыя пѣсни, и доброгласно брящающія струны и свирѣли, далеко раздавались. Изъ среды ихъ возсталъ единъ юноша и рекъ: Радуйтеся,

воз-

возлюбленные мои, радуйтеся, и преклоните ко мнѣ слухъ вашъ! Хотя и благопріятствуетъ намъ природа, хотя и всѣ красоты свои совокупила она въ жилище наше; но попеченій требуетъ она и работъ, тяжкихъ работъ для насъ легкимъ трудамъ посвященныхъ. Прискорбно той рукѣ воздѣловати землю, которая ко пріятнымъ доброгласныхъ гуслей струнамъ касатися пріобыкла; тяжко сносити солнечный зной нѣжными власами пріосѣняемой главѣ, свойство которыя увѣнчанной розами въ прохладной всегда почивать тѣни. О возлюбленные! я вамъ намѣренъ преподати мысль, которую мню, Ангелъ Хранитель въ разумъ мнѣ вложилъ. Сущей темнотѣ нощной, устремимся мы на то поле, гдѣ землепашцы обитаютъ; и когда они, утомленны дневнымъ трудомъ во крѣпкомъ пребываютъ снѣ, нападемъ на нихъ въ хижинахъ, свяжемъ ихъ, и плѣнныхъ приведемъ въ обитель нашу: дабы мужи намъ порабощенные воздѣловали ниву, а жены ихъ и дщери вамъ, о дружелюбныя дѣвы! въ шалашахъ служили. Но нощію! ибо хотя и превосходимъ мы ихъ числомъ, но да опаснаго избѣжимъ сраженія: рекъ, и одобряющая

ющая толпа радостно ему восплескала. По семъ зритъ сномечтующій темноту нощную, и внемлетъ вопль ужаса, сѣтованія и побѣды, смѣшанно происходящій отъ зазженныхъ, и высокимъ пламенемъ объятыхъ шалашей; пространно озарилася нощь, и далечайшія волны съ пѣнистымъ и шумнымъ отриваніемъ ударялися объ очервленные брега. Пособіемъ пламени узрѣлъ онъ связанныхъ своихъ сыновъ и женъ и чадъ ихъ, яко ревущее стадо *Авелевымъ* сынамъ предъидущсе.

Тако сномечтующу *Каину* и трепещущу во снѣ, *Авель* обрѣлъ его подъ обѣсившимся съ каменныя крутизны кустомъ и предсталъ ему. Исполненными любленія очами взиралъ онъ на него, и тишайшимъ рекъ гласомъ: „Воспряни вскорѣ, о братъ мой! да мое любовію угобженное сердце изречетъ тебѣ чувствованія свои; да руки мои обьимутъ тебя! Но ахъ! умолкни желаніе мое; умолкните, о вѣтры! колеблющіе кустарники; не воспѣвайте близко, о птицы! дабы облегчительный не нарушился его покой: можетъ быть утомленные члены его требуютъ пріятнаго втеченія сна. Но . . . колико блѣденъ онъ лежитъ,

житъ, . . . востревоженъ, . . . ярость на челѣ его начертанна. По что смущаете вы его, о ужасающія сномечтанія! оставьте въ мирѣ его душу; приидите, о прелестныя образованія пріятныхъ семейственныхъ упражденій, нѣжныхъ объятій, и всего прекраснаго въ душѣ и благопріятнаго во всецѣломъ естествѣ! Исполните воображеніе его веселія и утѣхъ яко внѣшній день! да радость взыграетъ на челѣ его, и воспрянувшу ему, да пѣсни хваленія изъ устъ его излетятъ. „Тако глаголющъ, взиралъ онъ преисполненными нѣжныя любьви очами, и робко ожидалъ пробужденія своего брата.

Яко свирѣпый левъ, при подножіи горы подъ тѣнію спящій, (котораго устрашенный путешественникъ зря взволновавшуюся гриву, возвѣщающую опасность на челѣ его грозно изображенную, тихо удаляяся обтекаетъ,) незапно глубокую язву быстролетящія стрѣлы ощущая въ ребрахъ своихъ, молніи подобно вспрядаетъ, и дикимъ рыкая гласомъ лютообразно ищетъ врага своего, и раздираетъ незлобнаго младенца, не далеко во травѣ играющаго цвѣтками: тако воспрянулъ вдругъ *Каинъ* ото сна; пѣна клу-

клубилася изъ устъ его; на челѣ его, яко черная буря, ярая сидѣла лютость; и онъ ударивъ ногою въ землю возопiялъ: „Разверзися земля, и поглоти меня, во глубокую бездну меня поглоти! Злополученъ я, и. . . о страшное видѣнiе и дѣти мои злополучны суть! Но ты не разверзешься и тщетно я молю: Оный, Всемогущiй Мститель воспретитъ тебѣ, желая дабы я злосчастенъ былъ; и чтобы всѣми ужасами наипаче поразить меня, отторгаетъ онъ завѣсу, и представляетъ мнѣ во безднѣ предъидущее зрѣти. Проклятъ, проклятъ буди часъ тотъ, когда въ первыя матерь моя съ болѣзнiю рождала! Проклято буди то мѣсто, гдѣ она болѣзни рожденiя ощутила: да согнiетъ растущее на немъ, да погубитъ тамо сѣятель труды и преданныя землѣ сѣмена, и кто мимо идетъ тамо, да ужасъ вострепещетъ въ костяхъ его!„

Тако заклиналъ несчастный, какъ *Апель* блѣденъ яко въ смертный часъ, колеблющимися приступивъ къ нему стопами, „Возлюбленный! препинаяся рекъ,... но нѣтъ!... о!... я трепещу!... се единый изъ отверженныхъ возмутителей, которыхъ громъ Божiй низвергъ

съ небесъ, обманчиво облеченный во образъ его, хулу отрыгаетъ! . . . гдѣ братъ мой? ахъ! бѣгу! гдѣ ты, о братъ мой, да благословлю тебя! „

„ Се онъ! громоподобно *Каинъ* рекъ, се онъ! о ты смѣющійся, радостно слезящій любимецъ Мстителя и всея природы! Ты, котораго злобное изчадіе нѣкогда одно въ мірѣ блаженно будетъ! . . . Но и для чегожъ не быть? Справедливо надлежало матери родити единаго, который бы благословенному изчадію услужливыхъ произвелъ рабовъ, скотовъ рабочихъ; дабы благословенное племя сладострастію посвященныя силы тяжкимъ не истощило трудомъ! ахъ! . . . адъ и всѣ муки его пылаютъ во груди моей! „

„ *Каинъ*, братъ мой! рекъ *Авель*, робкимъ удивленіемъ и нѣжною любовію лице свое озаривый, какое гнусное сномечтаніе тебя ослѣпило? возлюбленный! съ утреннею зарею изшелъ я обрѣсти тебя, объяти и благословити съ наступающимъ днемъ; но о какое обуреваніе въ душѣ твоей крутится! коль вражески пріемлешь ты нѣжную мою любовь! Когда . . . ахъ! когда придутъ блаженные дни, дни исполненные утѣхъ,

водворяющіе между нами безмятежный миръ, непоколебимую любовь, сладкій въ душѣ покой и всяческое благопріятное радованіе паки провозцвѣтающіе; тѣ дни, которыхъ сокрушенный отецъ и нѣжная матерь съ толикою горячностію воздыхая ожидаютъ? О *Каинъ*, *Каинъ*! коль яростно попираешь ты радость ногами, которою толико обольстилъ ты насъ, когда я восхищенъ въ объятіяхъ твоихъ рыдалъ! Оскорбилъ ли я тебя, о любезный братъ мой! невѣдѣніемъ оскорбилъ, . . . то. . . всѣмъ, что свято есть, заклинаю тебя, оставь изступленную ярость свою, прости меня, и позволь себя въ объятія заключити! „ Тако вѣщающу *Апелю*, приступилъ онъ, и хотѣлъ объяти брата своего, но *Каинъ* отторгся отъ него, . . . „ О! змій! . . . ты ужалити меня хощешь. „ Тако вопія яростно, подъялъ тяжкій жезлъ, и по свистящему воздуху опустя, поразилъ *Апеля* во главу; невинный палъ предъ нимъ, имѣя черепъ раздробленъ; и прощая его, замыкающимися очами въ послѣднія на него возрѣлъ, и умеръ; кровь его текла по златовиднымъ власамъ къ ногамъ убійцы.

Оцѣ-

Оцепенѣнъ ужасомъ, стоялъ *Каинъ* блѣденъ, яко мертвъ; хладный потъ облилъ трепещущіе его уды; узрѣлъ онъ послѣднее убіеннаго потягающееся движеніе, и текущую и воскуривающуюся къ нему кровь. „Проклятый ударъ! возопіялъ онъ. Братъ мой! . . . востани. . . востани, о любезный! Коль блѣдно его лице! Коль не подвижны его взоры! Како кровь изъ главы его ліется! . . . Ахъ! я окаянный! . . . увы! что предчувствуется мнѣ! . . . адскій страхъ! „Тако рыкая, бросилъ онъ изступленъ далеко отъ себя обагренный кровію жезлъ, и ударилъ сильнымъ кулакомъ въ чело свое. Потомъ наклонившийся ко убіенному, тщился подъяти его отъ земли. „ *Авель*! . . . братъ мой! . . . востани! ахъ! . . . адскій ужасъ объемлетъ мя! како повисла кровоточащая глава его! како безчувственъ онъ! . . . мертвъ. . . о адскій ужасъ! онъ мертвъ! . . . убѣгу! спѣшите подгибающіяся колѣна! „ Тако ревущъ, бѣжалъ онъ во ближній лѣсъ.

Торжествующъ сталъ днесь надъ убіеннымъ искуситель, восхищенною гордынею надменный, страшенъ и высокъ: подобно страшенъ взвивается черный

столпъ дыма надъ громадою пепла уединенныя хижины, которой обитатели, спокойно труждаяся на нивѣ, не вѣдаютъ, что пламя всѣ домашнія пособія, все стяжаніе ихъ сотлѣваетъ: тако стоялъ *Анамелехъ*, и адски осклабляяся во слѣдъ бѣгущему, и на трупъ обращая взоръ, возгласилъ: „О сладкое зрѣлище! радуйся, радуйся первая грѣшнича кровь, поглощаемая землею! столь пріятно не зрѣлъ я никогда, дондеже Громодержцу не изволилося низвергнути насъ съ неба, священные источники журчащи; столь восхитительно не звучали во слухѣ моемъ гласы гуслей пѣснопоющихъ Архангеловъ, яко сіе хрипѣніе, сей послѣдній умирающаго вздохъ мнѣ днесь слышался. О ты превосходный обитатель новаго міра! О ты величественный, рукъ Зиждителя послѣдняя творенія краса! Коль постыдно поверженъ ты лежишь! Востани, прелестный юноша, другъ Ангеловъ, востани! не буди столь небрегущъ въ раболѣпномъ Богу своему поклоненіи и колѣнопреклонствѣ! Но не подвиженъ онъ протяженъ; единоутробный бо братъ столь безчувственна его повергъ. Таковыми то дѣяніями вознесусь я изъ мрака ничтожности,

ности, дѣяніями, которымъ самъ позавидѣти долженствуетъ Сатана. . . Днесь отъиду я ко престоламъ адскимъ. Коль сладко возгласитъ мнѣ во срѣтеніе одобряющая хвала! при звукѣ ея, во сводахъ адскихъ раздающемся, шествовати буду я торжествующъ, посредѣ толпы злостраждущихъ, которыхъ ни каковый не прославилъ подвигъ! „ Еще единожды хотѣлъ онъ въ кичливомъ торжествѣ обратити на убіеннаго взоры: но злѣ страшныя черты вступили мгновенно на мѣсто готовящіяся язвительныя его усмѣшки и киченія на челѣ. Господь повелѣлъ ужасамъ адскимъ найти на него, и море мукъ облегло его. Тогда проклиналъ онъ часъ бытія своего, проклиналъ исполненную мученія вѣчносущность и изчезъ.

Хрипѣніе умирающаго и послѣдній его вздохъ, достигли днесь ко превыспреннему престолу Вездѣсущаго, и требовали отъ Превѣчнаго правосуднаго мщенія. Мгновенно Произшелъ громъ изъ Всесвятая Святыхъ; и умолкли златыя гусли и вѣчная аллилуйя. Три краты огласилъ громомъ горніе небесные своды, и умолкъ потомъ; и произыде гласъ Всевысочайшаго изъ сребряныхъ тучь,

 окру-

окружающихъ Его престолъ, и наименовалъ единаго отъ Архангеловъ. Покрывый лице свое воскрайями крилъ, приступилъ онъ; и тако глаголалъ ему Господь: „Смерть восхитила отъ человѣковъ первую свою корысть; и я учреждаю тя отъ днесь ко дѣлу священному, да собираеши всѣ праведныя души. Падшу *Авелю*, Самъ Азъ глаголалъ ко его душѣ; а ты, егда прерывается днесь умирающаго гласъ и послѣднiй страхъ смерти объемлетъ его, предстани праведнику, хладнымъ потомъ смерти орошаемому, и прорцы борющейся душѣ его обѣтъ вѣчнаго блаженства; да обрадованными очесами еще единократно созерцаетъ онъ окрестъ себя, и умретъ; гряди убо во обитель смертнаго во срѣтенiе душѣ сраженнаго братомъ. А ты, *Михаилъ*! препровождай его полетъ, и братоубiйцѣ проклятiе изреки. „Господу преставшу глаголати, громъ паки три краты въ небесныхъ раздался сводахъ; и Архангели съ шумомъ пролетя молчащiе пѣснопѣвцовъ лики ко мгновенно разверзшимся вратамъ небеснымъ, устремилися изъ оныхъ низревающимся паренiемъ, безчисленныя мимоидя солнцы и мiры, на удаленную землю.

И

И се Ангелъ смерти иззвалъ *Апелепу* душу изъ окровавленныя плоти; небеснымъ веселіемъ восхищенна изшла она изъ оныя; духовныя части тѣла слѣдовали ей, и со благовонными парами смѣсився, похищали тихіе вѣтры отъ цвѣтковъ, которые лучезарнымъ свѣтомъ Ангела производимые разцвѣтали, и объявъ душу, образовалися во Ефирномъ тѣлѣ. По семъ взирала она, никогда неощущаемымъ восторгомъ исполненная, на служащаго Ангела.

Съ небеснымъ дружелюбіемъ приступивъ онъ рекъ: „Радуйся изшедшая отъ бренныя твоея плоти! обьими мя! благо мнѣ, первому сущу, привѣтствующу тебя во блаженствѣ; и *Миріады* ожидаютъ тебя! Благо тебѣ, о праведниче! вѣчное бо веселіе, неизглаголанное блаженство, лицезрѣніе Господне въ награду добродѣтели твоея тебѣ уготованно. Радуйся и обьими меня, о первенецъ, изъ бренныя плоти блаженно исходящій„!

„Обьиму тебя, небесный друже! обьиму тебя!„ рекла душа и умолкла, онѣмѣвающимъ чувствованіемъ счастія своего упоенна. „О колико блаженная!... Тако возопіяла она потомъ. Ежели я

воплощенная во бреніи и ощущала, при нощномъ блѣдныя луны сіяніи, вездѣ-сущность Божію, ежели красоту добродѣтели и чувствовала, и исполненная блаженства рыдала; но то былъ потемнѣнный сумракъ блаженства, которое днесь я ощущаю. Уже чувствую я горнее радованіе добродѣтели, уже чувствую приближающееся вездѣ сущее присутствіе Божіе! О какія возраждаются помышленія во мнѣ? . . . Пріятны, яко вешніе дни, ясны и лучезарны яко солнцы! Друже! друже! я объиму тебя! безконечно бо вѣченъ есмь, и буду не утомленными хвалити Его устами, Который на вѣкъ неисповѣдимымъ награждаетъ благополучіемъ любившаго то, что красно и благо есть „.

Тако разглагольствовали блаженные и въ нѣжныхъ объятіяхъ истаевали. „ Слѣдуй, друже мой! рекъ Ангелъ, слѣдуй путеводительствующему полету моему; остави землю и не стужай, оставляя на ней любезнѣйшихъ тебѣ и добродѣтельнѣйшихъ смертныхъ: мало бо прешедшимъ годамъ послѣдуютъ они тебѣ. Возлети во объятія блаженныхъ друговъ, возлети ко вѣчному пѣснопѣнію„.

„ Слѣдую

„Слѣдую полету твоему, вѣчный друже, отвѣщала душа. О коликое радованіе, коликое благо! благословлю васъ, о возлюбленные мои, оставляемые мною во прахѣ! Когда лѣта жизни вашея протекутъ надъ вашими главами, когда смерти вашея приидетъ часъ, и когда ты, о друже! пойдешь во срѣтеніе умирающихъ, тогда предстану я Божію престолу и молити буду, да благоволится мнѣ слѣдовати твоему полету: дабы исполненны священнаго восторга узрѣлъ я, како души ихъ изъ бренія возникнутъ ко блаженству. И тебя, о *Ѳирсія*! и тебя, возлюбленная, по долговременномъ рыданіи надъ костьми моими, увижу я; когда сосущее днесь чадо наше подъ твоимъ руководствомъ тебѣ въ добродѣтеляхъ уподобится, тогда и твою я узрю смерть. Коликое будетъ блаженство мое, какъ душа твоя изъ окостенѣлаго тѣла возлетитъ во объятія мои!„

Тако воспаряющимъ имъ отъ земли горѣ, глаголалъ *Авель*; еще разъ потомъ благословилъ онъ сѣни, и блудящій взоръ его обрѣлъ брата, на лицѣ котораго ощущеніе гнуснаго порока было впечатлѣнно. Сложивъ руки надъ главою своею, возво-

 дилъ

дилъ онъ разъяренные взоры къ небу; потомъ ударивъ сильнымъ кулакомъ въ тяжкодышущую грудь свою, съ жалостнымъ отчаяніемъ бросился въ кустарникъ и вращался во прахѣ. Сострадательныя протекли изъ очей блаженнаго слезы; посемъ скорбный взоръ его воспятился отъ ужаснаго зрѣлища и почилъ въ ликѣ препровождающемъ Архангела. Ангели Хранители земли преслѣдовали ихъ даже до воздушнаго круга, радуяся возносящемуся ихъ полету. Здѣсь объяли они со блаженною любовію небесныхъ путниковъ, и остались на аломъ воздухѣ, препровождая полетъ ихъ чрезъ ееиръ пѣніемъ похвалъ. Восхищающіе гласы свирѣлей и сребряныя струны гуслей совмѣшаны были поющему ихъ лику: и тако воспѣли оные Хранители земли громогласную пѣснь.

„Се паритъ онъ выспрь, новый обитатель небесъ, се паритъ онъ выспрь! Прекрасна. . . тако прекрасна весна, приходящая на землю; и свѣтлыя утѣхи и всѣ осклабляющіяся восхищенія окружаютъ ее. Воскликните въ неизмѣримости разсѣянныя звѣзды, воскликните хвалу содружницѣ вашей землѣ! Не торжественно ли украсилася она днесь? она,

она, которая хотя и предана проклятію, но во прахѣ своемъ питаетъ небожителей? Како просіяваетъ она подъ нами долу! свѣжѣйшая зелень устилаетъ съ вящшею пріятностію ея долины, и наипаче блистаютъ ея холмы.

Се паритъ онъ выспрь новый обитатель небесъ, се паритъ онъ выспрь! Пѣснопоющіе лики, предстоя у небесныхъ вратъ, взираютъ во срѣтеніе первенцу восходящему отъ земли; объимутъ его и вѣчноцвѣтущими розами увѣнчаютъ. О колико будетъ онъ блаженъ, когда во небесныя внидетъ поля, когда во умащенномъ сумракѣ вѣчно зеленѣющіяся сѣни совмѣстится онъ въ поющіе сонъмы ко прославленію Того, Который блаженства сего есть Источникъ!

О торжественный день! тебя праздновали мы, пѣснями хваленія праздновали мы тебя, когда юная душа нисходила съ неба ко обладанію тѣла своего. Зрѣли мы, како добродѣтели во блескѣ ея произрастали, какъ вешнія произрастаютъ лилеи. Въ неудобозримомъ сонъмѣ летая, всегда окружали мы тебя; и мы, о коликое веселіе! мы всякое дѣяніе твое, всякое желаніе твое проницали, всякую зрѣли каплю слезъ, которую добро-

добродѣтель изъ очей твоихъ исторгала; а днесь, освободившійся изъ праха, летите, о еѳирные духи, во срѣтеніе ей, да объимете и небесными увѣнчаете розами ее!

Тамо поверженная лежитъ плоть, яко увядшій цвѣтокъ, тамо она лежитъ! Восприими прахъ его, о мать земля! Да каждую весну благоухающіе произрастутъ изъ него цвѣтки! Торжественный день! тебя празднуемъ мы пѣснями хваленія, и будемъ праздновати каждую весну возвращающую тебя; о день, въ который первенецъ возносится отъ земли!,,

Тако воспѣвали они и ниспускалися во свѣтломъ облакѣ не землю.

Каинъ заблуждался во ближней дубровѣ; отчаяніе его порѣвало. Хотѣлъ бѣжати онъ: но куда могъ онъ отъ бѣдствія своего убѣжати? Тако отъ шипящія зміи путникъ убѣгаетъ: но тщетно убѣгаетъ онъ, тщетно препирается съ ядоносною ехидною, которая крѣпко обвивъ и чресла и выю его уязвляетъ; куда убѣжитъ онъ злополучный, когда уже угрызенна судорогами стягаемая грудь его, и влитъ неизцѣльный въ сердце его ядъ. ,,О да не узрю я ни

когда

когда окровавленнаго предмета! Тако возопіялъ онъ; бѣгу; но кровь его струями ліется мнѣ во слѣдъ! куда убѣгу я, куда? о злополучный! послѣдній взоръ его! . . . Ахъ что я учинилъ? . . . О злодѣяніе! ты тартарскими мученіями меня терзаешь! . . Убійцъ чадъ моихъ я рожденіе уничтожилъ! . . . Но что за ревъ сквозь кустарники ударяетъ во слухъ мой, ревъ, яко умирающаго воздыханія? Удалитесь трепещущія стопы, удалитесь отъ ужасныхъ предѣловъ смерти! отвлеките меня подгибающіяся колѣна, отвлеките кровію брата моего обагренна. . . во адъ! „ Тако вопіющъ, силился онъ бѣжать.

Черное облако страшно ниспустилося предъ нимъ. „ *Каинъ*! гдѣ есть *Авель* братъ твой? „ Ужасный изъ облака раздался гласъ. „ Не вѣмъ, о я несчастный! . . . Не есмь бо стражъ брату моему. „ . . . Тако ужасомъ смятенъ, препинаяся онъ отвѣщалъ, и смертною блѣдностію объятъ обратился вспять. И се произыде изъ облака громъ; огнь опалилъ траву и окрестъ стоящіе кусты, и выступилъ изъ облака Ангелъ: на челѣ его страшный Господень образовался судъ, въ десницѣ его пылалъ

гро-

громовый перунъ, а вознесенную шуйцу распростеръ онъ надъ преклоненнымъ во трепетѣ преступникомъ: рекъ и возгремѣло: „ Стани, трепещи и внемли проклятіе тебѣ! Господь бо тако речетъ: что сотворилъ еси? Гласъ крови брата твоего вопіетъ ко Мнѣ отъ земли, яже разверзе уста своя пріяти кровь брата твоего отъ руки твоея. Егда дѣлаеши землю, и не приложитъ силы своея дати тебѣ плодъ: стеня и трясыйся будеши ты на земли. „ Ужасъ и страхъ объяли трепещущаго грѣшника; наклоненъ потупилъ онъ взоръ въ землю и стоялъ яко благохульникъ, когда грозный Судія въ нелицепріятномъ судѣ повелѣваетъ потрястися землѣ, когда разсыпаются своды непросвѣщеннаго храма, и чертоги грѣшника низвергаются во глубокую бездну; когда изъ смятенія природы окрестъ его умирающихъ раздается вопль, и изъ язвъ земныхъ черныя облака и пламя высоко во кругъ его крутятся; тако изгибался и трепеталъ братоубійца; тако обрѣтаяся нѣмъ и яко мертвый поблѣднѣнъ, силился глаголати, но трепещущія уста не возмогли отверзатися ко глаголу. По семъ препинаяся и не смѣя воззрѣти вопіетъ:

„ Веліе

„ Веліе. . . о веліе злодѣяніе мое, да не прощенъ буду во вѣкъ! Днесь проклялъ Ты меня на сей землѣ, и я. . . о! куды отъ лица Твоего сокроюсь? Стеня и трясыйся буду я на земли! О да всякъ обрѣтаяй мя, убіетъ меня злодѣя! „

„ Седмижды отмстится всякъ убивый *Каина*, рекъ Громодержателя гласъ; присносущный ужасъ и грызущая совѣсть ознаменуютъ лице и движеніе твое, да каждый мимоидущій речетъ: Се *Каинъ*, братоубійца; и со трепетомъ убѣжитъ отъ стезей, ими же заблуждающіяся стопы твои поведутъ тебя. „ Тако Ангелъ изрекъ проклинанія и невидимъ бысть. Страшные излетѣли громы изъ бѣгущаго облака, и вихрь, раздравшій окрестныя кущи, дикимъ ревѣлъ шумомъ, яко злопреступникъ во тартарскихъ мученіяхъ отчаянный ревѣтъ.

Днесь оцепенѣнный изступленіемъ, изображеннымъ на очахъ, стоялъ неподвиженъ *Каинъ*; воспрянувшія его власы непріязненные вѣтры порѣвали; въ безмолвноиъ окаменѣніи долго стоялъ онъ, и во ужасѣ, звѣрообразно изъ подъ нависившихся бровей воззря, трепещущими рекъ устами: „ О ежели бы истребилъ

Онъ

Онъ меня, всеконечно истребилъ, да ни единаго не осталосябы во естествѣ отъ меня признака? Ежели бы единъ изъ громовъ поразивъ меня. . . глубоко втиснилъ раздробленна въ землю! Но Онъ хощетъ на безконечныя мученія меня сохранити. Я. . . предъ всѣмъ созданіемъ проклятый, мерзость естества, . . . мерзость самого себя. . . О чувствую уже я васъ, чувствую совершенно мерзскихъ моихъ сопутниковъ, которые меня отъ Бога, ото всѣхъ оставленнаго, адскими муками вѣчно терзати будутъ, тебя страхъ адскій, отчаяніе, грызущую совѣсть! о что я чувствую! . . . Буди проклята простершаяся десница; ты которая ко убіенію низпустила жезлъ, изсохни при тѣлѣ моемъ, яко древесная изсыхаетъ вѣтвь! Проклятъ буди часъ, когда адомъ произведенное сновидѣніе омрачило меня: Стѣни, о земля, коликократно ни обратишься ты. . . Природа! по что не подаешь ты гнусныхъ свидѣтельствъ омѣрзенія твоего ко мнѣ? Гдѣ бо ни ступитъ нога моя на тебя, то мѣсто проклято. Гдѣ ты? да прокляну тебя! или возвратился ты во адъ, ты, возродившій во мнѣ сей сонъ? О да безконечно чувствуеши ты,

что

что днесь я ощущаю; вящше не могу клясть тебя, я окаянный! . . . Се! тамо зрю я. . . коль высоко возкуривается пламя его. . . зрю я адъ! како торжествующи манятъ они меня къ себѣ, сіи проклятые! Ахъ! призывайте окаянные! призывайте меня злосчастнаго къ себѣ! или! . . . Буде можете чувствовати жалость вы, почувствуйте; ни единый бо тако не страдалъ сатана, какъ я!,, Тако вопіющъ оперся *Каинъ* о поверженный пень; и сѣлъ потомъ возлѣ него бездыханенъ и не имѣяй гласа. Глубокими размышленіями пореваемъ, вострепеталъ онъ потомъ и возопилъ: ,, Кто проходитъ мимо меня? . . . убіенный! ахъ! я слышу его хрипяща, я слышу журчащу его кровь! о братъ мой! . . . братъ! ради неизглаголаннаго мученія моего, не гони меня бѣднаго!,, По семъ паки тяжкія изпуская воздыханія, безсловесенъ и безчувственъ сѣлъ.

Между тѣмъ отецъ человѣковъ, супругою своею провождаемый, изшелъ изъ сѣни своея. ,, О коль прекрасно сіяетъ утренняющее солнце! вѣщала *Ева*; тихій прозрачный туманъ облекаетъ просіявающую даль; пойдемъ, любезный мой, во прекрасную долину гуляти по росѣ, до-

коль ожидающїй насъ трудъ паки не призоветъ меня въ сѣнь, а тебя на нивы. О возлюбленный! коль преузорочна земля, хотя и проклята она! Почти равно прекрасна тому, ахъ! моимъ преступленїемъ потерянному раю, и какъ ты прекрасенъ былъ во первыхъ дняхъ непорочности своея, противу посѣщающихъ насъ Ангеловъ. Зри, любезнѣйшїй, какъ всякая радуется тварь, какъ со всякїя купины, со всякїя вѣтви раздаются пѣсни, какъ всякїй домовитый скотъ ходя вокругъ сѣней веселъ, и радостнымъ гласомъ или играющими прыганїями утреннїй благословитъ лучь.„

Ей отвѣщалъ *Адамъ*: „Да, *Ева*, прекрасна земля; хотя и проклята она, но и за тѣмъ являетъ доказательства, неизреченныя доказательства присущности безконечнаго милосердїя къ намъ, которые по бѣдственномъ грѣхопаденїи, по злопреступной неблагодарности, всякаго требованїя благостыни и сожалѣнїя недостойными учинились. Истинно, что Всемогущїй паче милосердъ и благоутробенъ, нежели языкъ нашъ изглаголати и душа помыслити можетъ. Возлюбленная! пойдемъ на цвѣтоносныя луга, гдѣ *Авелево* стадо по росѣ пасется;

мо-

можетъ быть обрѣтемъ мы благочестиваго сына, новую хваленія пѣснь Творцу поюща. „

„ Позволь, рекла *Ева*, рещи тебѣ, возлюбленный, что я уже при восхожденіи прекраснаго помышляла солнца. Положа зрѣлыя фиги, преимущественно отъ прочихъ мнѣ понравившіяся, и изсушенный виноградъ въ котву, пойду я на ниву, мыслила; ко первенцу моему *Каину*, и отнесу ему оныя овощи, дабы ими прохладился онъ, когда послѣ работы почиваетъ подъ тѣнію ближняго древа. Ибо, возлюбленный, да благословится каждое помышленіе, каждый шагъ мой, который вспомоществовать будетъ отгнати отъ него мрачную тщету, яко бы онъ нелюбезенъ намъ. „

„ Сколь бдительно нѣжное попеченіе твое, любезная *Ева*, вѣщалъ *Адамъ*: и сколь благодаренъ я мудрому твоему совѣту. Пойдемъ ко *Каину*, да не глаголетъ онъ, *Авель* одинъ любимъ; можетъ быть при красотѣ утра обрящемъ мы сердце его впечатлѣніямъ нѣжности отверсто. „ Тако глаголя спѣшили они рука въ руку на нивы, *Ева* имѣя на шуйцѣ котву. „ О сколь благополучны мы будемъ, глаголя поспѣшали,

ежели при красотѣ утра, когда веселая природа всякое возбуждаетъ благородное чувство; обрящемъ сердце его нѣжности отверсто!,,

Проходили они созади единыя купины; *Ева* напреди. ,, Кто се лежитъ? возопила она и ужаснувшися отступила вспять. . . . *Адамъ*! . . . Кто се лежитъ? . . . Не какъ покойно почивающій, но яко поверженный ницъ, лице къ землѣ обращенно. . . . Сіи суть *Авелевы* златовидные кудри, . . . *Адамъ*! ахъ! отъ чего я трепещу; *Авель*! *Авель*! мой любезный! проснись! обрати ко мнѣ исполненное дѣтскія нѣжности румяное твое лице! Воспряни! ахъ, воспряни любезный, отъ неспокойнаго сна,, — Приближились къ нему. — ,, О страхъ! возопіялъ *Адамъ* и со трепетомъ отпрянулъ; кровь . . . кровь ліется изъ чела его. . . по главѣ,, . . . ,, О *Авель*! любезнѣйшій! возопила *Ева*, подъяла оцепенѣнныя руки и упала смертно блѣдная на трепещущее *Адамово* сердце. ,, Во ужасѣ пребывали безмолвны оба, какъ отчаянный *Каинъ* бѣгая по кустарникамъ, и не мня убіенному тутъ быти, приближился: онъ узрѣлъ его, узрѣлъ и ужасомъ объемленнаго отца и смертною

блѣ-

блѣдностію покровенную матерь на трепещущей груди его лежащу. „ Я убилъ его! возопилъ онъ, бѣгите со трепетомъ отъ грома сего: я его убилъ! проклятъ буди часъ, когда зачалъ ты меня, жену свою лобызая! Проклятъ буди часъ, когда ты, жена родила меня! Я убилъ его!„ рекъ и ялся бѣгу.

Тако совершенствомъ любьви своея связуемые супруги сидятъ единъ возлѣ другаго, какъ мрачная незапно возстаетъ буря; они воздѣвъ руки молятся, но мимобѣгущій молніеносный огнь сотлѣваетъ ихъ, и дымъ отъ пепла ихъ курится; опершись единъ о другаго остаются они сидящи и живы зрятся, тако блѣдны, онѣмѣвши и неподвижны; ночію трепещущи, долго сидѣли прародители; но воспрянувшій прежде Адамъ, „ Гдѣ я? препинаяся возопіялъ. Како внутренняя моя волнуется? Ахъ Боже, Боже! . . . Такъ! се лежитъ онъ! О я злополучный, злополучный отецъ! Ахъ колико отчаяніе мое умножается! Единоутробный братъ убилъ его; сіе вопія проклиналъ онъ насъ и убѣгъ. О ужасъ! хладный, яко ледъ хладный, ужасъ содрагающій меня! Сей, который клялъ меня, есть сынъ мой! Сей повер-

женъ здѣсь въ крови убіенный, сынъ мой! Злополучный я! Какое бѣдствіе, какое мученіе навлекъ я на себя и на дѣтей своихъ! о *Апель*! *Апель*! . . . *Епа*! и ты не возбуждаешься къ горести? Не умерла ли и ты на рукѣ моей? — А я. . . увы! пребѣдный! я одинъ остаюсь въ сѣтованіи семъ! . . . Но благодарю тебя. . . хладный ужасъ смерти! ты проницаешь кровь мою и трепещущее охлаждаешь сердце. . . померкаетъ око мое. . . ахъ! ты медлишь! Смерть, смерть! прииди со всѣми ужасами твоими! . . . Ты медлишь! О Боже! . . . *Апель*. . . сынъ мой! . . . дражайшій сынъ мой!„ Тако вопія, плакался, взирая на трупъ; и смертный потъ изтекъ во слезы его.„ И ты паки возбуждаешься, *Епа*! тако продолжалъ онъ, ахъ! ко неизреченной горести! и паки отверзаются твои очи! Какія сквозь слезы свои мещешь ты взоры, о дражайшая бѣдствующаго сопричастница!„

„*Адамъ*! рекла *Епа* умирающимъ гласомъ, ... нѣтъ, не гремитъболѣе гласъ клянущаго! гласъ убійцы проклиналъ насъ! Ахъ! проклинай одну меня, о братогубецъ! я окаянная! я бо первая согрѣшила! . . . О *Апель*! возлюблен-

бленнѣйшiй сынъ! „ Днесь пала она отторгшись изъ рукъ *Адамлихъ*, на убiеннаго. „ Сынъ мой! сынъ мой, вопiяла она на охладѣвшемъ рыдая трупѣ. О Боже! неподвижный взоръ его не обращается ко мнѣ! Сынъ! возстани! . . Но тщетно зову его, ахъ тщетно! онъ мертвъ! Се, се есть смерть! И я . . . о неизглаголанное злостраданiе! кости мои содрагаются! я первая согрѣшила! О супругъ! драгайшiй мой супругъ! всякая капля слезъ твоихъ есть мнѣ ужаснѣйшимъ упреканiемъ, ты согрѣшилъ мною обольщенный! . . . Отъ меня . . . отъ меня требуй сыновнiя крови, слезящiй отецъ! Отъ меня требуйте брата, прискорбныя дѣти! меня, меня кляни. о ты братоубiйца! я бо первая согрѣшила. О сынъ! сынъ, на меня вопiетъ кровь сiя, на меня злосчастную матерь!,, Тако ей возклицающей слезы лились на трупъ.

Взоромъ, преисполненнымъ неизреченныя скорьби, возрѣлъ днесь *Адамъ* на супругу свою и рекъ: „ Ахъ! *Епа*! какъ терзаешь ты меня! Заклинаю тебя, *Епа*! горестiю нашею, ахъ! любовiю нашею, о супруга! заклинаю я тебя! Престань отъ таковыхъ упреканiй себѣ! Я столь нѣжно тебя люблю, а ты терзаешь меня не-

сказанно терзаешь ими! О страшныя последствія! Мы оба согрѣшили: но еще Господь призираетъ на насъ во бѣдствіи сущихъ. Такъ. . . О Боже! ты изволяещи намъ отъ проклятаго Тобою міра взывати къ Тебѣ въ сѣтованіи нашемъ! Не всеконечно изтребилъ Ты грѣшника; мы пребудемъ живы, *Ева*! хотя и умираетъ трупъ, но душа жива; и ежели она добродѣтельна, то вѣчная награда ей уготована. Конечно! . . . и се есть утѣшеніе, цѣлительное утѣшеніе! . . . Но ахъ! братомъ убіенъ! Боже! онъ братомъ убіенъ!„

„Да, любезный сынъ! возопила *Ева*, и слезы ея стремительнѣе лились, тебѣ ужасная смерть отверзла изъ бѣдствія двери, почтожъ не оплакивати намъ тебя? Мы еще въ бѣдствіи остались. О какъ безобразно лежитъ трупъ! Увы! осклабленія дѣтскія нѣжности изчезли съ поблеклыхъ его ланитъ, бездыханенъ онъ и собственною кровію обагренъ! Сіи уста не будутъ болѣе Ангельскіе провождати со мною глаголы! и сіи оцепенѣнныя очи! ахъ! не будутъ болѣе проливати слезъ радости, какъ прежде, когда любовь мою, мою несказанную любовь и радованіе о добродѣтели твоей

созер-

созерцая проливали! въ какое низверглися мы бѣдствіе! о грѣхъ, грѣхъ! въ какихъ гнусныхъ видахъ . . . . всегда паче и паче гнуснѣйшихъ. *Я* мать твоя, злополучная мать. . . . *Я* мать и убійцы твоего! *Апель*! *Апель*! возлюбленный!„ Тако рвущаяся поверглась безсловесна на оледенѣлый трупъ; и долго пребыла безъ чувствъ онѣмѣвша. „О злополучный! тако прервалъ печальное молчаніе *Адамъ*, ахъ колико оставленъ я! Сколь пусто, сколь скорбно все вокругъ меня! Горесть, неизреченная горесть во всемъ естествѣ, окрестъ меня ужасно распростерлась. Увы! онъ мертвъ! Онъ, который жизнь мою утѣшеніемъ, сладкою радостію, блаженнымъ упованіемъ украшалъ! Изчезли вы, о подпоры! на которыхъ утверждалася моя надежда, изчезли вы! Ты, любезнѣйшій *Апель*! мертвъ! ахъ, а ты. . . . о! трепещутъ кости мои! *Каинъ*! скитающееся чудовище, мерзость естества! О Господи! Ты, Который созерцаешь бѣдствіе наше, Боже! прости, ахъ! прости неутѣшной горести, когда рвемся мы и во бреніи, яко черьви пресмыкаемся; и что же мы иное развѣ не бренные грѣшники, когда пресмыкаемся яко черьви во прахѣ, ко-

торыхъ половина на камени раздавлена! „ Тако стеналъ *Адамъ*.

По семъ блѣденъ и безсловесенъ остановился онъ. Тако стоитъ истуканъ сѣтованія, надъ покровенною мхомъ гробницею въ запустѣлой и мрачной кипарисовой рощѣ! Глава его преклонялася ко плачевному предмету; ужасомъ поражаемое молчаніе владычествовало окрестъ ихъ. Днесь наклонился онъ къ *Евѣ*, и взявъ изнеможенную ея руку отъ трупа, съ горячностію прижалъ ко груди своей! „ *Ева*! дражайшая супруга! тако глаголалъ на ее опираясь; проснись, любезная! проснись! подними свое лице, обрати со омоченнаго слезами трупа на меня; не дай горести побѣдить себя! Да истребится печаль твоя нѣжностію и воспоминаніемъ обо мнѣ, обо мнѣ твоемъ супругѣ! Обрати лице свое ко мнѣ, дражайшая! Праведно чувствуемъ мы несказанный страхъ смерти, праведно всякую погибель, всякое ужасное грѣхопаденія нашего слѣдствіе; но неутѣшимо влачитися во прахѣ, есть оскорбленіе и грѣхъ! Грѣховно есть упреканіе, яко бы предвѣчная Истинна насъ тяжко наказала! О *Ева*! возпряни отъ отчаяннаго сѣтованія, доколѣ безконечное

ное Милосердіе не лишило насъ недостойныхъ всякаго источника утѣшенія! „ Тако взывалъ *Адамъ*; и *Ева* возведъ взоры свои отъ трупа, восплакалася, зря на супруга, а потомъ на небо. „ О Господи! прости меня бѣдную! прости, о супругъ мой, о любезный! Неизреченна бо горесть моя! И ты еще меня любишь, меня... виновницу всѣхъ бѣдъ, братоубійства, сея проліянныя крови! Ахъ позволь мнѣ, *Адамъ*! рыдати на рукѣ твоей, на семъ трупѣ, въ сей крови плавая рыдать!.... Тако рекуща, уклонила орошенное слезами лице свое въ его руки.

Рыдающимъ имъ тако, тако сѣтующимъ обоимъ, единъ о другаго оперщись, свѣтоносный образъ приближался къ нимъ издали, нѣжныя стопы его изображались мгновенно изросшими благовонными цвѣтками; миролюбіе владычествовало на пресвѣтломъ челѣ его, утѣшительное дружество въ сіяніи его очесъ, и небесная красота на устахъ и на ланитахъ обитали. Бѣлая риза, свѣтлѣе сребряновиднаго облака окружающаго луну, возвѣваемая въ блестящихъ складкахъ, облекала тонкій его станъ. Тако предстало имъ небесное видѣніе, и про-

просвѣтило окрестъ себя свѣжую зелень тоя страны. „ *Ева*! рекъ *Адамъ*, возведи слезящія твои очи, и удержи воздыханія свои; зри приближающееся небесное видѣніе; зри коль миролюбно, коль утѣшительнымъ зракомъ оно идетъ! Уже озаренъ утѣшеніемъ момракъ бѣдствія моего. Не слези, *Ева*! возстани, пойдемъ во срѣтеніе Небожителю. „ По семъ возстала *Ева* съ помощію супруга своего, и Ангелъ имъ предсталъ.

Удивленъ взиралъ онъ на первенца смерти; не вдолгѣ по семъ съ небеснымъ дружествомъ обратился ко *Адаму*, и ко опершейся на него женѣ. Отъ сіянія его далеко простерся чрезъ нихъ пріятный свѣтъ, и тако доброгласнымъ произношеніемъ онъ рекъ: „ Радуйтеся, о вы на трупѣ сына своего рыдающіе! радуйтеся! Всемогущій изволилъ, да посѣщу я васъ въ сѣтованіи вашемъ. Между Ангелами, всегда окружающими на сей землѣ васъ человѣковъ никто столь нѣжно сына вашего не любилъ, какъ я. Всегда я присущенъ былъ ему, ежели велѣнія Всевышняго меня отъ него не отлучали. Часто, когда добродѣтель его восторгомъ высокихъ

чув-

чувствованій выспрь возносившаяся, изливалась во слезахъ радости, или во пѣсняхъ хваленія, которыя не рѣдко совоспѣвали ему летающіе окрестъ Ангели, вдыхалъ я въ него Ангельскія мысли, поелику душа бреніемъ облеченная понятиможетъ. Не рыдайте объ немъ неутѣшно, какъ будто бы совершенно умеръ онъ; безутѣшное бо сѣтованіе душамъ безсмертнымъ неприлично. Смерть освободила душу его отъ угнѣтающихъ веригъ тѣла; свободна и беспомѣшна днесь добродѣтель его, яко же и разумъ и побужденія онаго. Онъ блаженъ блаженнѣе, нежель душа во бреніи уразумѣти можетъ; во дружествѣ бо со Ангелами, присущъ Богу. Восплачите о немъ, любезные, но небезутѣшно, и малое токмо время на сіе упраздните; скоро по немъ и васъ похититъ смерть, хотя и въ различныхъ видахъ, но благочестивому всегда она есть долго ожидаемый другъ. *Адамъ*! Тако повелѣваетъ Сый, предай истлѣвающее тѣло сіе землѣ; ископай могилу, и покрой его землею. „Сіе глаголющу Ангелу, съ небеснымъ дружествомъ еще разъ онъ на нихъ воззрѣлъ; и взоръ его извелъ изъ печали души ихъ. Тако услаждаетъ

уто-

утомленнаго путешественника прохладное изъ свѣтлотекущаго источника питіе; давно уже прохождаяй жаркій во степи песокъ, скоро бы отъ палящія жажды палъ онъ изнеможенъ; но вдругъ усматриваетъ потокъ сребряными струями къ нему журчащій: радостенъ успокоевается онъ: ибо извивающееся теченіе онаго провождаетъ взоръ его въ такую страну, гдѣ всѣ красоты природы съ веселіемъ его ожидаютъ, гдѣ гостепріимный домоправитель возметъ его въ свой покровъ, и всякимъ прелестнымъ усладитъ угощеніемъ.

Исполненный благодарно чувствованія, устремилъ *Адамъ* взоръ свой во разпространенный блескъ. — Буди благословенъ, небесный друже! тако возопилъ онъ во слѣдъ отлетающему Ангелу. О Боже; колико ты милосердъ! Ты созерцаеши бѣдствіе наше и повелѣваеши Ангеламъ утѣшати насъ. Подобаетъ ли, когда Твоя Вездѣсущность объемлетъ насъ, когда Ты благоутробно низводишь на насъ свои взоры, когда летающіе окрестъ нашъ Ангелы каждый созерцаютъ насъ вздохъ; подобаетъ ли намъ, яко отверженнымъ, влачитися во прахѣ? Подобаетъ ли душамъ нашимъ

сѣто-

сѣтовати неутѣшно; душамъ, яже вѣчны суть и бесконечному уготованны блаженству, быти неутѣшнымъ, что бы краткій путь ихъ терніями былъ усѣянъ? Хотя и долженствуемъ мы слезами блаженному, который въ жизни сей изъ объятій нашихъ отторгся,; но наипаче долженствуемъ мы слезами и молитвами грѣшнику. О Боже! колико я возрадуюся, ежели не вовсе истребищи Ты его отъ лица своего! О милосердый Господи! Онъ первый изъ чреслъ моихъ произшедый, первый, котораго съ болѣзнію родила *Епа*. — Но *Епа*, ежели мы неутомимо ко Господу взывати объ немъ будемъ, то можемъ ли о помилованіи его усомниться? Недостойны бы мы были безконечныя Его благостыни, которыя не лишилъ Онъ насъ грѣшныхъ, и о которой толь неизглаголанные далъ намъ обѣты, когда трепетали мы. . . и ахъ! не помилованія, но вѣчнаго ожидали суда. Да не медлимъ, *Епа*, повинутися велѣнію Всевышняго; я пренесу трупъ къ сѣнямъ нашимъ, и тамо прахъ блаженнаго предамъ землѣ„. Возлюбленный, рекла *Епа*, душа моя изъ сѣтованія возникаетъ; все упованіе мое на горнія утѣшенія, на твою твердую добро-

бродѣтель, я слабѣйшая, полагаю, какъ младый плющь на крѣпкой удерживается подпорѣ." Днесь подъявшу *Адаму* трупъ на рамена свои, рыдавшу подъ печальнымъ онымъ бременемъ, и *Евѣ* стенящей на его облегшися, косно шествовали они къ сѣнямъ.

Конецъ четвертой пѣсни.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Возбудившейся днесь *Ѳирсіи* отъ безпокойнаго сна, болзненно воспрянула она съ одра кожами покровенна. Яко ужаснувыйся воспрядаетъ путникъ, который утомленъ подъ осѣняющею располагается горою, когда въ страшномъ сновидѣніи мечтается ему надъ главою его вершина оныя горы низпадша; благодѣтельствующій Ангелъ предстерегъ его; онъ со трепетомъ удаляется, гора падаетъ; онъ ищетъ сотоварища своего труднаго путешествія, и еще не вѣдаетъ, что подавленъ онъ подъ скалою лежитъ: тако воспрянула она и рекла: Какіе ужасные предметы во

сновидѣніи мнѣ предстояли? Мрачные, ужасомъ разящіе предметы; не могу именовати ихъ. Радуйся прекрасное дневное свѣтило! Ты прогнало ихъ отъ чела моего. Радуйтеся, пріятнѣйшія мои попеченія, о вы растущіе здесь цвѣтки! Ваше многоразличное утреннее благовоніе усладитъ возмущенную мою главу, и . . . о вы веселые обитатели воздуха! сколь радостно воспѣваете вы утренную молитву! Да присоединится гласъ мой вашему пѣнію, и да взыдетъ во горняя хвала и благодареніе мое, со благоуханнымъ благодареніемъ всего увеселеннаго естества! Благодареніе и хвалу гласитъ душа моя, Тебѣ, о Творецъ и Вседержитель! Вездѣсущность Твоя бдитъ надъ нами благословящимъ окомъ, когда нощь и сонъ объемлютъ насъ. О! . . . да вознесется хвала и благодареніе мое со благодареніемъ всего увеселеннаго естества!,, По семъ вышла она изъ сѣни своея ко распустившимся вновь цвѣткамъ, которыхъ младое уханіе утренніе вѣтерки похищали.,, Но еще, тако продолжала она, еще глубоко вкорененна боязнь, во груди моей; и еще сердце мое трепещетъ. Что значитъ сія необычайная боязнь? Не могу наименовать ее:

 страш-

страшнѣйшая тучи, которая равно съ горами горизонтъ пробѣгаетъ; тогда онѣмѣваетъ радости гласъ и помраченные луга ожидаютъ бури. Гдѣ ты, *Апель*? Братъ мой! ты, . . . о часть души моея! я спѣшу во объятія твои мрачными страхами гонима, какъ заблудшійся нощію въ удаленной и мрачной дубравѣ спѣшитъ странникъ, когда боязненное содроганіе придаетъ крилѣ ногамъ его.

Тако глаголющая спѣшила она, какъ *Мегала* изъ сѣни своея во срѣтеніе ей вышла. „Здравствуй, бюбезная сестра! вѣщала она ей; куды направляешь ты поспѣшныя стопы? Куды тако съ распущенными власами, и утренними цвѣтками не украшенна?

„Я спѣшу, рекла *Ѳирсія*! спѣту въ объятія любезнаго моего: не обычайные во снѣ встревожили меня страхи, и доднесь еще глубоко во груди моей пребываютъ. Утро ихъ не разгнало; и я спѣшу къ любезному моему. О! они изчезнутъ во объятіяхъ дражайшаго моего, когда ослабленіе всея природы не разгнало ихъ отъ меня.„

Каинопа супруга рекла днесь воздыхая: „А мнѣ; увы! гдѣ искать утѣ-

утѣшенія своего; благополучная сестра? Не обрѣтаю ли я его въ любящемъ родителѣ? въ нѣжной матери, и въ тебѣ, *Ѳирсія*, и въ любезномъ твоемъ? Да! при васъ свергаю я тревожныя попеченія, которыя *Каинопо* негодованіе ко днямъ моимъ приумножаетъ. Ахъ! вся прекрасная природа, только источники мрачнаго роптанія ему представляетъ; работа, которыя требуетъ нива, богатства его ради, предполагаетъ ему несносное бремя; и, о! колико мучитъ меня строптивость его противу смиреннаго брата!„

Посемъ возрыдала *Мегала*; и нѣжная сестра обымала ее, проливая слезы. „О сколь часто, любезная! говорила она, извлекаетъ сіе изъ очей моего супруга и моихъ, въ отчужденныя сна нощи, горькія свезы! Воздѣвая руки молимся мы тогда ко Господу. Ахъ! если бы лучь Его милосердія изгналъ изъ груди его мрачныя тѣни, въ которыхъ столь гнусная возрастаетъ плева, и всѣ добродѣтели его истребляетъ: тогда бы сладостное спокойствіе вокругъ сѣней нашихъ паки процвѣло, и изчезла грусть отъ чела чадолюби-

любиваго родителя и нѣжной матери нашей! „

Слезяща *Мегала* рекла: „ О семъ, ахъ! о семъ и я молюся по вся нощи; но когда я тихо плачущая воздѣваю руки надъ главою моею, когда трепещу я и рыдаю, и когда печаль моя и воздыханія громко изо устъ моихъ излетаютъ, тогда онъ лежащъ возлѣ меня пробуждается, и громоподобнымъ гласомъ ужасаетъ меня, укоряя, что я пріятный нарушаю его покой, единое благо, вѣщаетъ, въ бѣдствіи на сей зѣло проклятой Мстителемъ землѣ. Ахъ! *Ѳирсія*! о семъ молюся я съ воздыханіемъ, и за домашними упражненіями въ сѣни своей пребывая! тогда невинныя чада мои бѣгая вокругъ меня, и примѣтя скорбь и слезы мои, плачутъ и косноглаголя съ ласкою вопрошаютъ: о чемъ плачешь ты прискорбная матерь? Ахъ, *Ѳирсія*! я увядаю въ горести, какъ увядаетъ цвѣтокъ, котораго навѣсившійся густый кустъ, прохладительныя росы и согрѣвающихъ солнечныхъ лишаетъ лучей. Еще прежде восхожденія багряныя денницы, вышелъ онъ сего дня изъ сѣни; и о! колико ужасенъ! Ни когда еще непріязненность

тако

такова на челѣ его не являлась; ярость сверкала изъ очей его густыми бровями осѣненныхъ; вышедъ за порогъ онъ проклиналъ, я слышала и трепетала, часъ рожденія своего проклиналъ: тако поздравлялъ онъ румяное утро. Правда, иногда просіяваетъ, и ты *Ѳирсія* часто то видала, добродѣтель во мракѣ строптивости его, и развеселяетъ его нравъ; раскаявшися плачетъ онъ тогда, и молитъ прощенія, что оскорбилъ насъ; но ахъ! вскорѣ померкаетъ лучь сея добродѣтели, какъ въ скорбныхъ дняхъ зимы со пріятностію просіяваетъ солнце, и темными паки покрывается облаками. Однако же; о *Ѳирсія*! я всегда питаю сію надежду, что напослѣдокъ, ежели мы непрестанно молитися будемъ Господу, веселая весна разгонитъ совершенно ихъ.„

Тако глаголющей *Мегалѣ*, поблѣднѣвшая *Ѳирсія* устремила вниманіе свое въ кущи. „Какіе стенящіе вопли слышатся изъ сего лѣса? трепещуща рекла ... Ни каковое, ахъ! ни каковое сѣтованіе, любезная сестра, тако не выражалось ... оттуда, изъ лѣса ... *Мегала*! ахъ! ... Вопль сей ближит-

ся! . . . Боже!„ . . . *Днесь упала Θирсія* на руки своей сестры.

Адамъ колеблющимися стопами выходилъ изъ лѣса; на раменахъ своихъ несъ онъ горестное бремя сына своего бездушный трупъ; опершаяся на него шла *Ева*; то возводила она горѣ исполненное несказанныя горести свое лице, то взирала на окровавленный трупъ, и потомъ сокрывала его паки во власы капающія слезы.

Смертною блѣдностію покровенна *лежала Θирсія* на трепещущей рукѣ своея сестры; но и *Мегала* дрожаща и оцепенѣнна не возмогла удержати опершееся на нее бремя, упала безчувственна на землю. Какъ три любьви достойныя подруги, каковымъ въ нѣжномъ дружествѣ подобныхъ не бывало, рука въ руку шествуютъ прекраснымъ лѣтнимъ вечеромъ на желтое класами одѣянное поле, когда незапный громъ промчится предъ ногами ихъ, и онѣ сраженны повергаются на землю; но потомъ когда двѣ изъ нихъ возбудятся трепещущи отъ безчувствія, и узрятъ пеплъ подруги своей предъ собою: тако устрашенны очувствовалися сестры, и убіеннаго узрѣли. *Адамъ* положилъ его на траву, и тщился удержати ры-

дающую жену свою, дабы и она не повerглась. . . „Гдѣ я? возопила *Ѳирсія*, гдѣ? о Боже! . . . еще онъ здѣсь лежитъ. . . *Апель*! Ахъ почто очувствовалась я? . . . Ненавистный свѣтъ! . . . ахъ я бѣдная! . . . *Мегала*! . . . увы! . . . Еще онъ здѣсь лежитъ, . . . мертвъ! . . . О ужасъ! яко громъ низвергаешься ты на мою главу! . . . Ненавистный свѣтъ! почто очувствовалась я?„

„*Ѳирсія*! трепещущимъ гласомъ вопіяла *Мегала*. . . не устрашай. . . ахъ не устрашай смертнымъ помышленіемъ себя! . . . и меня! . . . И меня поражаетъ онъ какъ громъ! . . . *Ѳирсія*! увы! ты паки чувствъ лишилась! . . . Опомнись *Ѳирсія*! Пойдемъ къ нему: . . . Не увѣрены еще мы въ несчастіи: не мертвъ онъ; . . . пойдемъ къ нему; твой гласъ, твои объятія возбудятъ его!„

Тако вѣщали сестры; и днесь опираяся единая о другую въ силахъ истощенны, приближалися зыблющися ко трупу. „О *Адамъ*! о *Епа*! . . . Какъ они обливаются слезами! . . . Трепещу . . . тако препинающаяся вопіяла *Ѳирсія* и наклонилася ко трупу. . . *Апель*! . . .

Апель! . . . О любезнѣйшій! . . . Блаженство мое, жизнь моя, и все мое счастіе! . , . . Проснись! . . . Увы несчастная! Ты не возбуждаешся! . , . *Апель*! Услыши рыдающій мой вопль! Услыши, ахъ! услыши свою супругу! ,, Днесь пала она на трупъ и хотѣла его обнять; но громко возопія, со трепетомъ опровергласъ вспять, узря язву, и кровію чело обагренно. Безмолвна, оцепенѣнна, яко мертвая, сѣла она потомъ подобно мармору поблѣднѣвша; иступленіе на разверстыхъ и неподвижныхъ явилося очахъ. Подлѣ ее плачущая *Мегала* восплеснула надъ главою руки, и воззря слезящими глазами на Небо, возрыдала потомъ ко трупу обратяся.

Адамъ ощутилъ ихъ скорбь, рыдалъ и косноглаголя тщился имъ утѣшеніе преподати: ,, Любезныя! о *Мегала*! о *Ѳирсія*! могу ли я, злополучный, утишить вашъ плачь! Ахъ! не слезите безутѣшно! Когда мы надъ трупомъ симъ, *Ева* и я рыдали, тогда небесною красотою одѣянный предсталъ Ангелъ къ намъ со утѣшеніями отъ Неба. Не скорбите безутѣшно, рекъ, какъ будто бы вовся умеръ онъ; но погребите бренный трупъ. Душа его свобо-

ди-

дилася отъ узъ плоти; онъ днесь блаженъ, блаженнѣе, нежели душа во бреніи ощутити можетъ; краткое время пождите его, потомъ и вы будете съ нимъ блаженнѣе, нежели душа во бреніи ощутити можетъ. . . *Любезныя!* Ахъ! не оскорбляйте праведника сѣтованіемъ безутѣшнымъ!,,

Еще сидѣла *Ѳирсія* оцепенѣнна и безгласна, какъ супруга *Каинова* восплеснула руки надъ главою и тако горесть свою выражала: ,, О отче! отче! позволь рыдати намъ! Увы! коль жалостно лежитъ здѣсь плоть твоя: о ты утѣшеніе, о ты восхищеніе наше! Ахъ *Авель!* ахъ! ты оставилъ насъ; и наше сладчайшее будетъ впредь упражненіе рыдати о тебѣ; до послѣднихъ минутъ смерти нашей рыдати о тебѣ. Да, ты преселился днесь во блаженство, ожиданіе котораго священныя исторгало иногда изъ очей твоихъ слезы. Увы! мы рыдаемъ о тебѣ! ты оставилъ насъ; и сладкое упражненіе наше будетъ до вожделѣннаго часа смерти рыдати о тебѣ! Ахъ! *Каинъ!* *Каинъ!* гдѣ былъ ты, какъ умеръ братъ твой? О естьли бы тогда со братолюбною объялъ ты его нѣжностію,

и благословеніе умирающаго испросилъ: ахъ! съ какимъ бы восхищеніемъ объялъ онъ тебя слабыми руками, съ какою бы любовію умирающими устами благословилъ! Сколь сладкимъ утѣшеніемъ, сколь цѣлебною отрадою было бы сіе тебѣ во предъидущіе дни! Но... о Боже!... Какая еще новая печаль въ безчувствіе ввергаетъ васъ?... Ты упадаешь, *Ева*!.. и какое, увы! отчаяніе простирается на лицѣ твоемъ, родитель мой? Страшное предчувствованіе! гдѣ онъ! *Адамъ*! *Ева*! ахъ! гдѣ *Каинъ*? гдѣ супругъ мой?„

Опроверженная возопила *Ева*: „Куда, куда Всесильное мщеніе загнало его? О Боже! Онъ окаянный! онъ... О удались отъ памяти моей гнусное воспоминаніе! или меня, меня одну терзай ты мерзкое, противное воспоминаніе, какъ ядъ грудь мою терзай! *О я злосчастная*! Что должно мнѣ сказать„... *Мегала* воскликнула: „Ударь весь громъ на одну меня, о матерь! всю бурю на меня! Ахъ! уже свирѣпствуетъ во груди моей громоподобная мысль! Родитель мой! Мать моя! Ахъ не щадите!„... *Каинъ*! онъ... О неизреченное страданіе!.. Онъ убилъ его

Мега-

Мегала! О *Ѳирсія*! онъ убилъ его! возопила *Ева*, и отъ неизглаголанныя скорьби онѣмѣла.

Въ безмолвномъ отчаніи *Каинова* трепетала супруга; ни единая слеза не протекла изъ неподвижныхъ ея очей, хладный съ лица ея лился потъ, блѣдныя уста трепетали; и се возопила она: „Онъ убилъ брата своего; *Каинъ*; мужъ мой, брата своего убилъ! Мерзость! . . . Гдѣ ты братоубійца! куда злодѣяніе тебя завлекло? Не Божій ли, . . . ахъ! не Божій ли отмстилъ брата громъ? Нѣтъ уже тебя? Гдѣ ты оказнный? гдѣ отчаяніе преслѣдуетъ тебя? „Тако вопія рвала она власы со главы своея.

„Братоубійство! воскликнула *Ѳирсія*; ахъ! . . . какъ возмогъ онъ . . . какъ возмогъ онъ добродѣтельнаго, сего благочестиваго умертвить? Конечно умиленнымъ любовію окомъ онъ на него воззрѣлъ! *Каинъ*! о проклятъ, . . . буди„ . . . Ахъ; *Ѳирсія* не кляни его, *Ѳирсія*! возопіяла *Мегала*, не кляни его; онъ братъ твой; онъ мой супругъ! Нѣтъ, но помолимся о грѣшникѣ. Когда палъ кровоточащъ добродѣтельный, то конечно съ соболѣзнованіемъ на него воззрѣлъ,

зрѣлъ, и благословилъ его. Днесь молитъ онъ за него, днесь предъ Безначальнымъ Престоломъ: вознесемъ и мы убо изъ праха молитвы наши, къ горнему моленію его присоединяя. О! не кляни его *Ѳирсія*! не кляни брата!„

„Куда влечетъ бѣдствіе меня! рекла *Ѳирсія*: Я не проклинала его, *Мегала*! не проклинала я злосчастнаго!„ Днесь повергдась она на трупъ, и долго въ безмолвной горести лобызала кровію окропленныя ланиты и охладѣвшія уста; потомъ тако прерывчиво продолжала она: „О почто не могла я! когда испустилъ ты духъ, сіи увядшія лобызати уста, еще разъ услышати тебя вѣщающа мнѣ о любьви своей! Тогда, ахъ! тогда смыкающіяся твои очи еще бы разъ на меня воззрѣли; и . . . О естьли бы тогда въ послѣднихъ объятіяхъ твоихъ лишилась жизни! я . . . Ахъ! естьли бы я умерла, естьли бы днесь блѣдное тѣло мое возлѣ твоего лежало! Но ахъ! я къ неизреченной остаюся скорьби, и что до днесь было прелестно, то будетъ впредь умножати мою печаль. Осѣненныя бесѣдки! въ васъ слышаться мнѣ будетъ, какъ будто бы вопрошающее меня осѣненіе ваше: гдѣ

тотъ,

тотъ, который предъ симъ въ тѣни нашей съ восхищенiемъ тебя лобзалъ? Журчащiе источники вопросятъ: гдѣ онъ? Но увы: оставленная! . . . подъ тѣнiю обросшихъ васъ древесъ, на брегахъ вашихъ впредь только горесть мою оплакивати буду. Навсегда, ахъ! навсегда онъ меня оставилъ! Увы! . . . Всегда будетъ онъ мнѣ мечтаться съ сими неподвижными, померкшими очами, съ сею смертною бѣлизною, и съ сею кровiю на челѣ его и наблѣдныхъ ланитахъ! Теките о слезы, теките непрерывно на увядшее тѣло! Оно . . . ахъ! оно было сей прекрасный трупъ, благороднѣющую душу свою для объятiя меня унижавшее. Сколь величественно блистали зримыя добродѣтели въ восхитительномъ лѣпообразiи его, блистали во умиленныхъ взорахъ, осклаблялися на ланитахъ и на устахъ! А днесь разлучилися они съ тѣломъ, ставъ пречисты, преблаженны ради сожитiя со смертными, ради сожитiя со мной. Теките, о слезы! теките непрерывно на увядшiй трупъ, доколѣ моя стремящаяся къ нему душа не оставитъ прахъ свой при прахѣ его!„

Тако

Тако стенала *Ѳирсія*, и рыдала на трупѣ. *Ева*, зрящая со усугубленною печалію горесть дщерей своихъ: „О дѣти! рекла, сколь чувствую я скорбь вашу съ моей совокупно, сколь терзаетъ меня сѣтованіе ваше! О сколь угрызающія упреканія суть мнѣ жалобы ваши! . . . мнѣ, которая грѣхъ, проклятіе и смерть внесла въ міръ; простите, увы! простите меня окаянную, простите матерь вашу съ болѣзнію васъ родившую!„ Тако ей рекущей, объяли дщери колѣна ея и взывали ей тако: „Ради тѣхъ болѣзней, съ которыми ты насъ раждала, *Ева*' не помышляй о таковыхъ упреканіяхъ, не умножай горести нашей новыми страданіями. О ты болѣзненно насъ рождшая! не помышляй, . . . не именуй упреканіями сихъ стоновъ, сихъ слезъ. О ежели бы возмогли мы повелѣти нашей печали, то бы ни единый не исторгся изъ груди нашея вздохъ, и ни единая изъ очей слеза. Но какъ можемъ мы противостояти естеству, нѣжной противустоять любьви? Увы! они требуютъ сихъ слезъ. „Объемлющимъ имъ тако колѣна матерни, и плачущими глазами нѣжно на нее взирающимъ, рекъ *Адамъ*:„

Воз-

возлюбленныя! да не медлимъ исполнити повелѣніе Всевышняго; сей трупъ, сей предметъ слезъ и сѣтованія нашего предадимъ матери землѣ. Исцѣляющее время и торжествующій разумъ умалятъ нашу грусть; она будетъ тогда, яко вожделѣніе невѣсты онаго дня, который во объятія супруга ее проведетъ: „Предай его матери землѣ, рекла *Ѳирсія*, и плачуща на отца взирала; но дражайшій родитель! въ послѣднія оплачу я его, и потомъ предай его землѣ.„ По семъ распросторши руки, поверглась она на трупъ.

Днесь ископалъ *Адамъ* могилу; *Ева* и *Мегала* плачущи стояли о страну его. Между тѣмъ невинные *Каиноны* дѣти со трепетомъ приближались изъ сѣни своея.„ Любезный *Іосія*! рекъ златовласый *Елігель*, что значитъ плачь сей? Пойдемъ ближе; зри, *Авель*... Какъ безобразно онъ лежитъ, какъ власы окровавленны! Такъ, брате, такъ лежитъ агнецъ на жертву убіенный.„ Любезный *Елігель*! юнѣйшій *Іосія* вѣщалъ: зри какъ плачетъ *Ѳирсія* надъ нимъ; зри, что его неподвижныя глаза ее не видятъ; отойдемъ; я дрожу, меня ужасаетъ сіе видѣніе;

пой-

пойдемъ скорѣе къ слезящей матери.,, По семъ бѣжали дѣти мимо, и ласкаясь къ ней, ,, Мати! вопрошали они, о чемъ все вы плачете? Для чего лежитъ тамъ *Апель*, какъ жертвенной овенъ? ,, *Мегала* объявъ чадъ своихъ, плачущая надъ ними рекла: ,, Любезныя дѣти! смерть прияла душу его изъ бренія и пренесла ко Ангеламъ въ вѣчное блаженство.,, Такъ онъ не проснется, возопилъ *Елiель* плача, онъ не проснется болѣ, онъ учившій насъ священнымъ пѣснямъ; онъ толь нѣжно насъ любившій. . . онъ, *Iосiя*! на лонѣ котораго сидѣли мы другъ противъ друга, и которой о Творцѣ и объ Ангелахъ, и о чудесахъ природы повѣствовалъ намъ, онъ не проснется болѣ! О родитель нашъ! какъ ты будешь плакать съ нивы возвратяся!,, Тако глаголя завертывались плачучи во сборы одежды матернія, вокругъ колѣнъ ея развѣвающейся.

Днесь ископалъ *Адамъ* яму. ,, Востани *Ѳирсiя*, востани любезная! Не принуждай медлить насъ преданіемъ праха сего землѣ: Господь бо повелѣлъ, *Ѳирсiя*, да не медлимъ!, Тако взывая, *Адамъ* приступилъ къ ней и нѣжно

взялъ

взялЪ ея руку: безмолвна лежала она на трупѣ, и днесь возстала нѣкіимЪ священнымЪ видѣніемЪ обрадованна., Да я зрѣла его, вЪ лучезарномЪ сіяніи, величественно предсталЪ онЪ мнѣ; я зрѣла блаженнаго! . . . *Ѳирсія*! не рыдай, блаженЪ бо есмь; вскорѣ преселишся ты ко мнѣ, и тогда не разлучитЪ насЪ никакая смерть. РекЪ, и небеснымЪ радованіемЪ умиленный, невидимЪ бысть, лучезарное сіяніе по стопамЪ его протекая, удалилось.,, Тако вѣщала *Ѳирсія*, превосходное утѣшеніе просіяло вЪ ея зракѣ.,, Погреби любезный родитель! погреби бренный трупЪ!,, Сіе глаголюща, возстала она и приступила кЪ матери и сестрѣ. ПосемЪ матерь и сестры укрыли лица свои вЪ распущенные власы; и *АдамЪ* плача облекЪ трупЪ кожами, положилЪ его вЪ могилу и наметалЪ землю.,, Днесь помолимся Всевышнему, рекЪ *АдамЪ*, дражайшая супруга, и вы любезныя дщери! ПреклонимЪ колѣна здѣсь при могилѣ его.,, ПосемЪ преклоншимЪ у могилы колѣна имЪ, *Еліель* и *Іосія* тоже возлѣ матери своея учинили; и тако молился праотецЪ, крестообразно сложа руки свои на грудь.

„О Ты во превыспреннихъ Обитающій небесахъ, о Творче Господи! Безначальное Правосудіе, нескончаемая Благостыня! се поверженны мы предъ Тобою, се при гробѣ первоусопшаго, мы бренные грѣшники молимся Тебѣ. Внемли, о Боже! молитву нашу! Верзи милосердо взоры свои на насъ низу, въ сію смерти юдоль, во обиталище грѣшниче! Веліе прегрѣшеніе наше, но наипаче велія безконечность Милосердія Твоего! Нечисты, ничтожны мы предъ Тобою; но не отвращаеши Ты лица Своего отъ насъ! Мы стенаемъ въ скорьби, которую сами изліяли на главы свои; но Ты благоутробно призираешь на скорбь нашу. Ты благоволиши намъ взывати къ Тебѣ; ибо не оставилъ Ты грѣшника. Вуди вѣчно прославляемъ, о Ты! горнихъ Царь! Не точію пріятная восхваляетъ Тя весна; не точію безъоблачныя благовѣствуютъ Тя небеса; но и ревущій благовѣствуетъ Тебя громъ, когда онъ во мрачныхъ мчится облакахъ; порывистые благовѣствуютъ Тебя вѣтры, надъ землею съ ревомъ носящіеся; бунтующаяся буря и свистящій дождь. Да восхвалитъ Тебя осклабляющееся радованіе, и да сле-

вы скорбящаго восхваляютъ Тя! Узрѣли днесь мы изчадіе грѣха, узрѣли смерть; лютообразна явилася она въ сѣняхъ нашихъ; ужаснѣйшее преступленіе . . и не восколебалася тогда земля, и не ревела буря! . . . Тнусное преступленіе провождало ея за десницу; первенецъ изъ ложеснъ моихъ. . . . увы! кости моя содрагаются! . . . предалъ смерти брата своего! О! не отврати лица Твоего отъ меня, дерзающаго молити за него! Не отрини его всеконечно отъ Себя, о неизчерпаемо Благоутробный! Воззри на окаяннаго, да вострепещетъ душа его, преступленіе свое созерцая, да падетъ онъ предъ Тобою на землю, и да со слезами о прощеніи молитъ Тебя непрестанно; и когда будетъ онъ непрестанно молитися Тебѣ, когда преступленіе неизреченными муками терзати его начнетъ, тогда, ахъ! тогда разсыпь сѣмена утѣшенія во страданіе его! О Боже! Боже! не отрини дерзостныя молитвы! Я ископалъ землю, и орошенную слезами наметалъ ее на тѣло убіеннаго. Внемли молитву нашу; она возносится къ Тебѣ отъ гроба первенца тли! Внемли, о Господи! Господи! внемли молящихся тебѣ со плачемъ

за перворoднаго, и ахъ! не истреби его гнѣвомъ Своимъ! Внемли намъ слезно взывающимъ за него въ часы отчужденныя сна нощи, внемли при восхожденiи солнца и при захожденiи его! Но благо намъ! благо! буди вѣчная Тебѣ хвала! Ты бо воспрiялъ душу убiеннаго къ Себѣ. Первую жертву получила смерть! Мы послѣдуемъ ему, единъ по единому во мрачный гробъ, во вѣчность послѣдуемъ ему. О Ты! Котораго мановенiе создало небеса, Котораго слово сотвори мiръ; они, земля и небо мимо идутъ, но Ты безконеченъ еси. Мы во прахѣ живемъ и потребится прахъ нашъ; но Ты вѣчно неизмѣненъ еси. Ты собереши насъ къ Себѣ, и раскаявшагося грѣшника и праведника, которой скорбитъ умиленно, что его добродѣтель противу желанiй его немощна, и что еще имѣетъ образованiя человѣческiя слабости; Ты собереши ихъ изъ бренiя къ Себѣ, да вѣчно радуются, что чисты суть, чисты яко Ангелы. Ибо . . . о неизглаголанное обѣщанiе! *Сѣмя жены поперетъ главу змiя!* Ликовствуй земля! пѣснословъ все естество! и мы восхвалимъ его, хотя злополучiе и гремитъ надъ нашими главами.

Чело-

Человѣкъ палъ, съ сотвореннаго достоянія, низко палъ; но благо намъ! не на вѣки Господь отринулъ человѣка, и милосердо призираетъ насъ, хотя и строгій содержитъ судъ. Онъ палъ; онъ, котораго Богъ столь блаженна сотворилъ; и когда палъ онъ согрѣша, тогда трепещущъ стоя до лица земли преклоненъ, ожидалъ, несказаннымъ страхомъ одержимый, вѣчнаго проклятія, вѣчнаго суда; и чего менѣе ожидати онъ могъ? Но, все естество торжествуетъ веліе таинство: онъ поперетъ главу зміину! веліе таинство! хотя и покрытое священнымъ мракомъ, всякой твари не проницаемымъ; о ты предивное грѣшника съ Богомъ примиреніе! . . . И мы еще со беззаконными слезами во бреніи влачимся, что сонъ жизни сея премѣнно радость и скорьби представляетъ, доколѣ ближащаяся смерть разлучитъ душу отъ грѣховныя плоти, и отъ оковъ заслуженнаго проклятія освободитъ. Тогда, хотя и облеченная бреніемъ, душа сохранитъ первоначальное достояніе свое, и изъидетъ ко Господу, любящему ее, Который безконечными чудесами и безконечнымъ милосердіемъ возжигаетъ ее къ

любьви. Ахъ! я проницаю священное будущее! и зрю смертію преселенныхъ въ небеса, зрю нѣжныя племена чистыхъ яко огнь, его же Ангелы на жертвенникѣ предъ престоломъ возжигаютъ; между Ангелами они стоятъ, и вѣчную поютъ *Аллилуйю* во славу Сѣдящаго на престолѣ міра! О что я чувствую! како душа моя возносится! сего никогда она не ощущала! Хвалу . . . хвалу произноситъ она Тебѣ, о безконечное Милосердіе! Во священномъ восторгѣ плаваетъ она; и хотя бы съ подобною первымъ Ангеламъ силою помышляла; то бы не могла сего изрещи; но токмо косноглаголати . . . токмо ощущати!„

Посемъ умолкъ *Адамъ*, и долго во священномъ молчаніи пребылъ; подобно какъ и стоящіе съ нимъ у гробницы, долго же во священномъ молчаніи пребывали. Во празднественной тишинѣ торжествовала природа дѣйствіе сіе окрестъ ихъ, и на отверстомъ свѣтозарно небѣ ни единый не промчался надъ главами ихъ облакъ.

Вскорѣ наступилъ со прохлаждающимъ сумракомъ и спокойною тишиною вечеръ. Робкимъ страхомъ и угрызающею со-

совѣстію гонимый *Каинъ*, заблуждался въ пустынѣ; посемъ утомленный сѣлъ онъ противъ грядущія луны; и страшный его гласъ тако по вечерней раздавался тишинѣ. „Се изъ-за черныя горы востекаетъ помрачному небу полная луна, и испускаетъ блѣдный свѣтъ и тишину; все дыхаетъ спокойствіемъ и прохладою подъ сводомъ усѣяннымъ частыми звѣздами; все кромѣ человѣка: скорбный стонъ и сѣтованіе воздымаются отъ сѣней его. Я, я окаянный! внесъ въ сѣни ихъ сію печаль! на меня жалобу творятъ сіи воздыханія, сей бѣдствующій стонъ, который отъ иихъ возлетая, по нощному раздается небу! Въ сей день... внемлите о звѣзды! внемли, о луна! и измѣнися и сокройся въ облака! въ сей день... да будетъ проклятъ онъ! Сестра твоя земля упилася кровію первоубіеннаго; и я злосчастный, здѣсь трепещущій, я пролилъ на землю сію кровь... кровь брата моего! Увы! лишите меня впредь вашего благотворнаго истеченія, лишите онаго ниву воздѣлываемую мной, и страну, ея же обитаю; я убилъ брата моего! Облеки меня мрачная тма! сокрой меня отъ очей природы! подъ кровомъ твоимъ невидимъ,

димъ, убѣгу я, бѣдствіе мое неся, убѣгу туда, идѣже ничіи стопы по поблекшей травѣ не проходили, обитати во каменныхъ вертепахъ, гдѣ зловонныя воды, яко слезы, капаютъ изъ ущелинъ глубоко въ тиноватую обитель гнусныхъ гадовъ; гдѣ темный дикопреплетшійся кустарникъ, жилище хищныхъ птицъ, высоко надо мною растущъ, лице неба похититъ отъ меня. Тамо стенать, вопить и влачитися буду я на землѣ. И ежели тамъ съ темныхъ крилъ своихъ разсыплетъ ужасы не меня сонъ; то и тогда предстанетъ мнѣ образъ его съ раздробленною главою и кровоточащими власами.„

Тако трепеталъ, тако стеналъ Каинъ въ нощной тмѣ; днесь умолкъ надолго, сѣтованіемъ одержимъ умолкъ. Устрашенная плачевнымъ воплемъ его нощная птица тихо стенала вдалекѣ, и токмо легкое журчаніе по всей раздавалося странѣ; потомъ со страхомъ озираясь, паки началъ онъ. „Восплачте! о вы окрестъ меня возвышающіеся холмы! о вы дубравы! восплачте обо мнѣ злосчастномъ! злосчастный бо сострадaнія достоинъ! Воскорьби о мнѣ, о ты прекрасное естество! для меня, ахъ!

для

для меня не прекрасное уже! о вы свидѣтели вездѣсущности милосердаго Бога, но ко мнѣ уже немилосерда: симъ быти не можетъ мнѣ вѣчный Мститель!„ Еще умолкъ, и паки возопіялъ: „Увы! днесь рыдати я могу, но прежде не могъ; днесь текутъ слезы, о вы дражайшія знаменованія смягчающагося бѣдства! Прежде токмо отчаяніе было, днесь сѣтующая и слезящая скорбь. Ахъ! теките, о слезы! благоволи ихъ пріяти, о земля! Проклятъ я отъ тебя; но... о! пріими благосклонно слезы неизглаголаннаго бѣдствія моего!... Какая возраждается во мнѣ мысль!... слезы ліются усугубленно!... Такъ!... днесь облекающей меня нощи, пойду я къ обители скорбящихъ, еще единожды узрѣти ихъ, единожды благословити ихъ... Благословити!... мнѣ? гнѣвные вѣтры развѣютъ отъ устъ моихъ мерзкое благословеніе. Увы несчастный! я не могу болѣе благословити ихъ! Однако же я пойду, пойду, благословлю и оплачу; и потомъ... ахъ! потомъ на вѣкъ удалюсь отъ нихъ; отъ тебя *Мегала*, отъ чадъ нашихъ удалюся я... на вѣкъ!„ Днесь истощенъ умолкъ, и орошая уединненный

путь свой слезами приближался къ сѣнямъ. Се проходилъ онъ зеленѣющуюся бесѣдку, которую убіенный на пріятномъ навѣсѣ высокаго холма насадилъ. Возрастай, рекъ онъ ее насаждая, и густотою своею прохладною разширяй тѣнь, да поздные наши потомки во осѣненіи твоемъ сѣдяще, повѣствуютъ; здѣсь *Ева* первенца своего родила, здѣсь благословила она его слезяща въ первый на свѣтѣ разъ; его, начальную утѣху уединенно проживаемыхъ дней: *Каиномъ* наименовала она его, и съ неизреченнымъ восхищеніемъ лобзая рекла: Богомъ стяжу тебя. Братоубійца проходилъ ее, отвратя лице; хладный потъ лился съ его чела, и едва несли его подгибающіяся колѣна. Тако проходя гробницу отца своего беззаконный трепещетъ сынъ, который алчущему старцу, утомленъ возвратившуся съ нивы, вмѣшалъ во брашна ядъ; пріятное благовоніе сплетенныхъ вѣнцами цвѣтковъ, благочестивыми сестрами его вокругъ урны отчей обвѣшенныхъ, и шумъ пригробныхъ древесъ ими насажденныхъ, ужасную во слѣдъ ему мимоидущу гонитъ казнь. Со трепетомъ *Каинъ* прошелъ и приближался къ сѣнямъ. Лунное сіяніе

уда-

ударяло на нихъ блѣдный свѣтъ сквозь нагбенныя древесныя вѣтьви, и печальная тишина покоилася окрестъ ихъ. Узря ихъ онъ, восплакался, и воздѣвъ руки долго безгласенъ пребылъ; неизглаголанная скорбь волновалася во груди его; оцепенѣнъ остановился онъ въ пустынной тишинѣ. „Сколь тихо покоится здѣсь печаль! томно рекъ; или сіе шепетаніе суть вздохи? Вопль безсонныя нощныя горести отъ сѣней произходящій? . . . Здѣсь . . , трепещетъ онъ во тмѣ, гонимый адомъ, который васъ обиталищемъ скорбнаго учинилъ вопля; . . . который . . . ахъ! я проклятый! спокойствіе и всякое домовное радованіе отъ васъ изгналъ. И я дерзаю дыхати воздухомъ, въ которомъ стенанія скорбящаго раздаются; въ ту страну дерзаю я вступать, которая сѣтованію праведника чрезъ мое злопреступство посвященна! . . . Бѣги, не оскверняй священныя страны! . . . Ахъ . . . я убѣгу, злосчастный! но хотя нѣсколько мгновеній да вскинетъ на нихъ отчаянный мой взоръ; благоволите, благоволите мнѣ, окаянному, хоть мало пролити слезъ, хоть единожды смертодавческія восплеснути руки и потомъ я убѣгу!

Ву-

будите благословенны, увы! будите благословенны! . . . Вы . . . о злополучный! едва не осквернилъ я священныхъ именъ, которыми священнѣйшие, достопочтеннѣйшие узлы, человѣковъ сплетающие, именуются; будите благословенны! О да со мракомъ нощи всяческое сѣтование отъ васъ удалится и приобщится къ моему, къ моему вѣрному сожитию во проклятомъ для меня мирѣ! Да забудете того на вѣкъ, котораго образъ мучениями васъ терзаетъ! да на вѣкъ забудете вы меня! О ужасное желание премногозлополучнаго!„

Днесь остановившуся *Каину* во мракѣ, и сложивъ трепещущия руки рыдавшу, какъ нѣкто нощию косными шествовалъ стопами. Хладный потъ, яко потъ смерти, облилъ его душу; трепещущъ силился онъ бѣжати, но не могъ и безчувственъ палъ на кустъ.

Въ сию скорбную нощь оставила *Фирсия* опустѣвшее свое ложе, и днесь, омоченная слезами вышедъ изъ сѣни, возсѣла на орошенную траву возлѣ насыпи надгробной: восплеснувъ руками, взирала она оцепенѣннымъ окомъ на звѣздное небо: потомъ повергшись на могилу, пролила потоки слезъ на возметан-

жанную землю. ,, Здѣсь . . . здѣсь, тако рыдая, вѣщала, ахъ! здѣсь лежитъ спокойствіе и всѣ радости мои; здѣсь, подъ сею землею слезы мои пологающею, лежитъ . . . Увы! не уже ли ни малѣйшаго успокоенія, ни малѣйшія отрады не осталося мнѣ во слезныхъ нощахъ? теките, о слезы! вы будете мнѣ скорбною отрадою, когда я многіе часы на гробѣ его проливати васъ буду, когда многіе часы въ печальной смертообразной тишинѣ здѣсь стану воздыхати. Хотя , . . о возлюбленный! и видѣла я тебя небеснымъ сіяніемъ величественно облеченна; но ахъ! не должна ли я оплакивати тебя? Въ сей прискорбія исполненной жизни навсегда, навсегда ты со мною разлучился! . , . Безчувственна рыдала я возлѣ дражайшаго залога любьви нашея; сладкое успокоеніе распростерлось на его очахъ; и во пріятномъ снѣ не вѣдаетъ еще онъ бѣдъ смертныхъ человѣковъ, не вѣдаетъ еще своея утраты. Вотще повергалась я на опустѣвшее брачное ложе, вотще призывала сонъ; страшное бо уединеніе и мучительное беспокойствіе, увы, навсегда водворившееся тамо, гдѣ супружеская любовь и сладчайшее успокоеніе во объ-

тіяхъ

тіяхЪ твоихЪ обитали, на вѣкЪ вЪ сей исполненной сѣтованія жизни похитили его отЪ меня! . . . О бѣдствіе! братомЪ покой мой похищенЪ; . . . гдѣ онЪ, . . . гдѣ злосчастный? куды загнало его преступленіе? о Ты . . . Предвѣчное Благоутробіе! не отжени моея скорбныя молитвы, неутомленно о помилованіи его взываемыя; не отжени, когда раскается онЪ, и во бреніе повергшійся восплачется кЪ Тебѣ о помиловании моля!„ Тако ей глаголющей стенаніе и слезы пресѣкли днесь ея слово. „ Сколь часто . . . ахЪ! сколь часто бывала ты безмолвною свидѣтельницею, (Тако продолжала возведЪ очи горѣ,) о ты сребряная луна! сколь часто бывала ты нѣжности нашея свидѣтельницею, когда мы обЪявшіяся руками вЪ семЪ прохождали сумракѣ, и когда сладкоглаголивыя уста его добродѣтели меня учили! Нынѣ успшее тѣло его лежитЪ здѣсь и твое печальное сіяніе освѣщаетЪ его гробЪ; здѣсь сладчайшее утѣшеніе благочестиваго отца и нѣжныя матери погребенно; здѣсь, ахЪ! здѣсь лежитЪ дражайшій мой супругЪ!„ ПосемЪ долго пребывала она безгласна, и глубокою печалію оцепенѣнна; но воз-

зрѣлЪ

зрѣлъ скорбнымъ окомъ въ тихую страну: „ Сколь озаренна, озаренна паче всѣхъ прочихъ блистаетъ тамо бесѣдка! Священная, великая въ сѣтованіи моемъ возникаетъ мысль, (тако продолжала она,) лучезарна яко же ты, о луна, во тмѣ нощной просіяваешь! Сколь озарена тамо бесѣдка, гдѣ ты, о мой *Апель!* при сіяніи вечернія зари обЪималъ меня! Коль благо, тако глаголалъ ты плача и прижимая меня ко груди своей, коль благо быти добродѣтельнымъ! коль благо любити Того, Котораго суть возданія всѣ сіи красоты! коль благо, когда всяческое дѣяніе наше благоволеніе надзирающихъ Ангеловъ пріобрѣтаетъ! Какая роскошъ можетъ уподобитися чувствованію воздѣсущности Божій въ семъ красотъ преисполненномъ мірѣ; чувствованію добродѣтели извлекающей изъ очесъ нашихъ таковыя слезы! Кто тако поживетъ свои дни, тому убо неужасна смерть, каковая бы она ни была; однакожъ мы вѣдаемъ, о безприкладное ко грѣшнику Милосердіе! вѣдаемъ, что отдѣлитъ онъ отъ безсмертныя души тѣло, и вознесетъ ее въ горняя ко безконечному блаженству. *Ѳирсія!* тако вѣщалъ ты, съ

горячностію прижимая меня къ персямъ своимъ, когда я отъиду прежде тебя изъ бренія, отъиду ко блаженству прежде тебя, то не слези, дражайшая, долго на прахѣ моемъ тогда! ибо не кратко ли сіе предопредѣленное тебѣ Жизнодавцемъ разлуки время, въ разсужденіи того, которое насъ паки въ безконечности совокупитъ и во вѣчное введетъ блаженство? Любезнѣйшій! отвѣтствовала я и съ нѣжностію прижимала тебя ко груди своей: а если смерть изметъ меня прежде тебя отъ бренія, тогда не рыдай и ты долго на прахѣ моемъ; обонъ полъ гроба паки мы соединимся ко вѣчному блаженству . . . О не унывай душа моя, во безутѣшномъ сѣтованіи, не унывай! возложи упованіе свое на Всесильное утѣшеніе; помни безсмертіе свое, и изъ горести твоея взирай на предъидущее блаженство, которое приближаясь, прогоняетъ отъ себя скорбныя жизни сей премѣны. Ежели бы успла душа, и съ тѣломъ во ничтожество обратилась; то можноли бы утѣшитися мнѣ? безнадеждна рыдала бы я тогда на гробѣ твоемъ, и о уничтоженіи своемъ молила; но душа безсмертна! и не подобаетъ ей по-

стыдно печалію быти низложенной! о Ангели! вы, которые тихимъ помаваніемъ крилъ летаете днесь окрестъ меня! не подобаетъ ей постыдно печалію быти низложенной; она безсмертна яко же и вы! Но еще ліются слезы! увы! теките о слезы! будите праху его посвященны; онъ бо прежде меня отшелъ къ вѣчному блаженству . . . На гробницѣ твоей, любезнѣйшій! . . . (но слезы стремительнѣе текутъ; . . . о не унывай душа моя, въ безутѣшномъ сѣтованіи не унывай!) на гробницѣ твоей да процвѣтетъ бесѣдка; и хотя я мало пролію слезъ на прахъ твой, но въ ея осѣненіи препровождати буду торжественнѣйшіе мои часы, и во священныхъ восторгахъ предусматривати вѣчность!„ Тако рекуща возстала она подлѣ могилы. „Днесь обрѣла душа моя отраду; но ахъ! грызущая скорбь! братъ его умертвилъ! Всемогущій! тако молила она падшая на колѣна, внуши, о внуши молитву мою! умилосердися надъ грѣшникомъ! умилосердися надъ нимъ! О семъ молити Тя буду я, когда вечерняя просіяетъ звѣзда, и когда румяное взыдетъ утро.„

Между тѣмъ трепеталъ въ кустарникѣ *Каинъ*, и отчаяніемъ пораженный тако потомъ возгласилъ: „ Бѣги, бѣги, окаянный, отъ священнаго сего зрѣлища! . . . Но увы, несчастный! для чего бѣжать я не могу? . . . Не толпитеся окрестъ меня вы. . . о адскія страшилища, воспящающія мой побѣгъ; . . пустите меня, пустите меня бѣжать. . . увы! пустите отъ священнаго зрѣлища сего убѣжать, о адскія страшилища! . . . Но я не могу бѣжать . . . злополучный! . . . какъ рвется она! а я убѣжати не могу! . . . не рвется она болѣе. . . О добродѣтель добродѣтель! каковое упованіе, каковое утѣшеніе вѣчно я потерялъ! и ахъ! безъ надежды, безъ малѣйшія надежды злополученъ я! . . . Днесь, токмо днесь ощущаю я колико злополученъ есмь! увы! какія мученія! новыя, неудобъ нарицаемыя мученія! о адъ! во глубочайшемъ тартарѣ твоемъ нѣтъ ужаснѣйшихъ сихъ мукъ! . . . Она молитъ . . . . увы! она молитъ за меня, за меня! . . . и не гнушается мною, и не проклинаетъ меня злодѣя! О безприкладное благодѣяніе! увы! что ощущаю я, что ощущаю я симъ блескомъ добродѣтели озаренъ!

бѣд-

бѣдствіе мое съ наивящшимъ страхомъ мнѣ предстоитъ; темно, черно, яко глубокія пропасти во отверстіи ада; вящше чувствую я, со адскими страданіями чувствую, грызущее злопреступство! . . . и ты молишь о мнѣ, *Ѳирсія*! . . . трепещи, трепещи отъ толико дорзновеннаго желанія! нѣтъ, Богъ не можетъ внушити сего, Богъ правъ! . . . Она удаляется отъ гроба убіеннаго. . . О если бы смѣлъ, я злополучный, влещися по ея стезямъ, и пролити на стопы ея неизреченнаго бѣдствія своего слезы! Нѣтъ. . . бѣги со трепетомъ: тамо холмъ сей луною освѣщаемый, гробница его! со трепетомъ отъ священныя страны бѣги, злодѣй! ,, Рекъ и содрагаяся, обратился вспять. Тако бѣгущу ему, паки остановился онъ, и восплеснувъ отчаянъ, орошенныя слезами руки, возопилъ: ,, Увы! не могу, не могу бѣжати я! и како возмогу, ахъ *Мегала*! ахъ чада мои! увы! како возмогу на вѣкъ оставить васъ, и не оплакати ни единожды предъ вами бѣдствія моего, не повергнуться предъ вами во прахѣ, а паче предъ тобою, любезная *Мегала*! Можетъ быть проливаешь ты сострадательныя о мнѣ слезы,

можетъ быть благословляешь меня . . . но я Богомъ проклятію преданный, могу *ли я* желать благословенія отъ *тебя*! мерзи мною, кляни меня; злодѣяніе бо мое заслуживаетъ все! И тогда, тогда убѣгу я обремененъ проклятіемъ всея природы, и проклятіемъ твоимъ. О горесть! адская, несравненная горесть! нѣтъ, не могу удалиться я. Любезнѣйшая супруга! любезные чада! иду, иду днесь оплакати предъ вами бѣдствіе мое, повергнуться предъ вами на землю; и потомъ, и потомъ убѣгу отъ васъ. „ Днесь шествовалъ *Каинъ*, далеко гробъ браша обходя, къ сѣни своей. Идетъ, содрагаясь, остановляется, и наконецъ колеблющся достигаетъ сѣни. Долго трепещетъ предъ оною, блѣденъ яко мертвъ, и потомъ дерзаетъ дрожащими стопами прейти со ужасомъ порогъ. „

Мегала сидѣла въ ней при блѣдномъ сіяніи луны, сама блѣдна яко же облаками потемненная луна. Она рыдала и сѣтовала на уединенномъ ложѣ своемъ; и скорбящіе чада восхлипывали вокругъ ея; но узрѣвъ мужа и громко возопивъ безчувственна повергла ся на одръ. Между тѣмъ плачущія прибѣгли дѣти, и вопили

ли колѣна его обымая. „Отче! ахъ . . . отче! утѣшь ее, утѣшь рыдающую матерь! увы! какая горесть населяетъ сѣни наши! Радуемся пришествію твоему, о родитель нашъ! почто умедлилъ ты возвращеніемъ своимъ?„ Тако косноглаголя, вопіяли *Каиновы* чада, и бросалися въ объятія его. Онъ колебался посредѣ ихъ, и слезы его на нихъ лилися. Превозможенный несказанною горестію, не имѣлъ онъ силъ говорить, и палъ на землю къ ногамъ супруги своея. Дѣти рыдали, вопія окрестъ его, и возбудившаяся *Мегала* узрѣла мужа своего у ногъ ея поверженна и орошающаго прахъ слезами. „ О *Каинъ*! *Каинъ*!„ возопила она плачуща и рвуща со главы своея власы. „ *Мегала*! (запинаяся *Каинъ* къ ней вѣщалъ,) прости! увы! прости мнѣ злосчастному, брата нашего убійцѣ, что дерзаю я еще единожды восплакатися предъ тобою, и повергнутися во прахъ! о не отреки сего послѣдняго утѣшенія мнѣ, послѣдняго утѣшенія въ неизглаголаномъ бѣдствіи моемъ! не кляни меня, *Мегала*! что дерзаю я повергнутися предъ тобою во прахъ! днесь удалюсь я, удалюсь въ пустынный свѣтъ, проклятъ Богомъ, несказаннымъ страданіемъ гонимъ. О не

кляни меня, не кляни несчастнаго мужа своего!„ . . . *Каинъ*! *Каинъ*! тако возгласила *Мегала* несказаннымъ болѣзнованіемъ снѣдаема, убійца наилучшаго брата! Мужъ мой! о *Каинъ*! *Каинъ*! злополучный! что ты сотворилъ? „ Днесь возведъ къ ней взоръ, скорбный взоръ, всѣ мученія его объясняющій: „ О проклятъ буди часъ, отвѣчалъ *Каинъ*, въ которой адское сномечтаніе меня ослѣпило! увы! я хотѣлъ сихъ плачущихъ отъ предбудущія бѣдности избавити чадъ, и убилъ его: проклятъ буди часъ тотъ! и убилъ благочестиваго брата. И днесь. . . . увы! вѣчно будетъ терзать меня адскимъ мученіемъ ужасное злодѣяніе мое! забудь меня, *Мегала*! забуди мужа своего; но не кляни меня, о супруга, не кляни! теперь же удалюсь я на вѣкъ отъ тебя, отъ васъ, чада мои! проклятіемъ Божіимъ обремененъ!„ Дѣти вопіяли вокругъ его возводя слабыя руки свои къ небу; и *Мегала* повергнулась о страну его. „ Воспріими сіи слезы, воспріими знаки сострадания моего! (рекла она проливая на него слезы;) ты удалиться хощешъ *Каинъ*! въ пустынный убѣжати хощешь свѣтъ. Но увы! како могу

я

я обитати въ сихъ сѣняхъ, между тѣмъ, какъ ты уединенъ безъ помощи въ пустыняхъ сѣтовати будешь? Нѣтъ . . . *Каинъ*! съ тобою удалюся я, съ тобою. Како могу я тебя беспомощна въ пустыни отпустити! Колико бы терзало меня беспокойствіе! не всякій ли бы жалостный гласъ, нощію до слуха моего достигшій, мучительными боязньми меня ужасалъ: не ты ли можетъ быть, не ты ли страждешь тамо въ отчаянномъ страхѣ? „ Тако рекла. Смятеннымъ восторгомъ исполненный *Каинъ* воззрѣлъ на нее . . . „ Боже! . . . что слышу я? . . . ты ли? да, ты *Мегала*, не сонъ обольщаетъ меня; ты! . . . о Боже! какія словеса! но нѣтъ *Мегала*! довлѣетъ и того утѣшенія мнѣ злополучному, чтобы не мерзила ты мною, не проклинала бы меня! Подобаетъ ли тебѣ, о добродѣтельная жена! сносити казнь величайшаго злодѣянія со мной? — Ахъ! останься со праведниками, гдѣ благословіе водворенно! Нѣтъ! не подобаетъ тебѣ со мной быти злосчастной! забуди бѣднаго, который проклятъ всѣмъ естествомъ, и ни единаго мѣста на землѣ спокойнаго не имѣетъ; забуди бѣднаго,

но

но только не проклинай меня! „ Нѣтъ *Каинъ*! нѣтъ; съ тобою я бѣгу, отвѣтствовала ему *Мегала*, съ чадами нашими устремлюсь я за тобой въ пустыни, съ тобою скорбѣти, съ тобою бѣдствіе твое сносити буду: можетъ быть оно тебѣ облегчительнѣе тѣмъ станетъ. Слезы мои совокупно со слезами покаянія твоего да проліются, и молитва моя, возлѣ тебя, да вознесется съ твоею къ Богу; и сіи чада, вокругъ насъ преклоненныя, молитвы свои за тебя да произносятъ. Не презираетъ бо Господь покаяніе грѣшниче; я съ тобою молебствовати буду, *Каинъ*! непрестанно будемъ мы плакатися предъ Господемъ и молитися, доколѣ лучь утѣшенія отъ умилостивленнаго Судіи, уповающую не просвѣтитъ душу;... и, *Каинъ*! Господь внушитъ молитву кающагося грѣшника.„

„О Ты! возопилъ *Каинъ*, како нареку тебя?... О! ты, яко святый мой Ангелъ; какое утѣшеніе просвѣщаетъ мракъ моея души! *Мегала*! супруга моя! да днесь дерзну я, днесь дерзну я объяти тебя. О ежели бы могъ я впечатлѣть чувствованія мои тебѣ, кото-

рыхъ горячайшія объятія, ниже слезы мои изобразить не могутъ!„ Посемъ преклонилъ *Каинъ* главу свою на ея грудь; душа его не могла благодаренія, не могла чувствованія его изобразить. Оставя ее, обьималъ онъ чадъ своихъ, и обратившися паки къ *Мегалѣ*, нѣжно прижималъ ее къ персямъ своимъ. Днесь опираяся десницею на мужа своего, пріяла нѣжная супруга юнѣйшаго сына своего ко груди, а другій шелъ одесную отца; *Елiель* и Іосія отирали слезы съ ланитъ своихъ, и радостно выступили предъ ними изъ сѣни. *Мегала* плачуща обратила послѣдній на отческую обитель взоръ:„ Будите благословенны, рекла, о вы оставляемые мной, будите благословенны! скоро пріиду я оттолѣ, гдѣ мы созиждемъ себѣ сѣнь, и ваше благословеніе воспріиму, мнѣ и моему молящемуся о помилованіи мужу.„ Потомъ пребыла стояща и плакала, какъ бы нерѣщима, къ сѣнямъ обращенна. Но се благоухающая воня, яко вешній воздухъ, обтекла ихъ.„ Иди, благодѣющая жена! тако рекъ невидимо пріятный гласъ, въ сладкомъ снѣ я повѣдаю матери твое великодушіе, и что съ кающимся мужемъ, молити о поми-

 ло-

лованіи Всемогущаго Судію, удалилась ты.,,

Посемъ грядущимъ имъ при лунномъ свѣтѣ, часто обращалися они слезящи, и удалялися отъ хижинъ въ пустынный край, гдѣ, ни единая не заблуждалася человѣческая стопа.

КОНЕЦЪ.

